

**ВЛАДИМИР
МАРЧЕНКО**

ПОСЛЕДНИЙ ПОЖАР

Повести и рассказы

Москва
Издательство «БПП»
2010

К ЧИТАТЕЛЮ.

Вчера был «о-ша-рашен», как говорят иностранцы. В интернете я — «чайник». Пару недель «шарюсь по полкам». На одном сайте увидел сотню фамилий «Марченко». И все — 110 написали по несколько книг. Даже есть полный тёзка. Его книгу приставили к моим двум — «Лесной пожар» и «Что-то не так». Вышли давно. До сих пор не могу понять, кто же ВЫ — мой читатель. Мужчины или милые женщины. Помогите. Если можно, пару строк. Пожелания и замечания.

В моих повестях — жизнь обыкновенных людей. Они страдают, любят, огорчаются. Критик заметил моему коллеге, которого я не знал тогда, что наши рассказы и повести отличаются от других авторов тем, что «одинаково пахнут» — своеобразны, будто бы мы, а это прекрасный поэт и прозаик Алексей Дудкин, открыли, не ведая того, новое литературное течение или направление. Я не понимаю, что за направление у нас с Алексеем. ...Критику видней.

Говорю, как-то ему, дескать, Володя, Владимир Дмитриевич, какую-нибудь базу подведи под наше течение, а то ведь пишешь, и не знаешь о себе ничего. Знаете, что ответил Соколов, мол, когда умрёшь, тогда напишу, а то возгордишься, и не сможешь писать, как прежде. Может быть, он прав? ...Прочитав, Вы определите, что за течение нас понесло к Вам, уважаемый читатель. Надеюсь на помощь. Заранее благодарю. С поклоном –

Владимир.

1 июня, 2010.

СОДЕРЖАНИЕ

Проходня	5
«Серая шейка»	16
Самый лучший праздник....	29
Святое желание	39
В осенний день	70
Клубок	83
Не может быть	129
Медовый месяц	161
Последний пожар	168
Самоварная история	195

*Владимиру Утюжникову —
внуку, рыбаку, третьекласснику,
замечательному человеку.*

ПРОХОДНЯ

Степан тихо встал с кровати. Ориентируясь по фиолетовому свету окон, пошел на кухню. Неожиданно из детской комнаты послышался шепот:

— Папа, ты обещал. Если не получу за четверть ни одной тройки, возьмёшь на рыбалку.

— Возьму. ...Сегодня зимно.

— Ты говорил, что сильный мороз тогда, когда стены трещат, а сегодня не трещали?

— Не слышал. Одевайся теплее. Мать не разбуди.

— Я — быстро, — пискнул Слава, надевая брюки.

Когда пришли на озеро, солнце поднялось над тайгой. Степан оглядел спины рыбаков, подставленные ветерку, торопливо зашагал к своему месту. Озеро огромно, у каждого любителя подлёдного лова своё место, огороженное комками снега, кусками льда. В посёлке Клюквинный считается дурным тоном — рыбачить из чужой лунки, ведь хозяин прикармливал окуней особенной привадой.

— Думал не придёшь, — сказал Иван Скадин, усаживаясь на деревянный сундучок с полозьями, когда обменялись рукопожатиями.

— С рыбаком подзадержались, — как можно непринуждённой сказал Степан. Не объяснять, что с трудом нашли третьи брюки Славе, а жена, притворившись спящей, не шевельнулась, даже когда они наливали в термос чай. Слава шел позади отца, не задавая вопросов, а их скопилось у него много, и каждый — требовал срочного ответа. Никодимов вынул ледобур из чехла, просверлил

лунку для мальчика за льдиной. Сын уверенно готовил снасти, достал прикорм, насадил на крючок червя, а коробочку с наживкой спрятал под пальто, подпоясанное солдатским ремнём. Солнце поднималось, а температура понижалась.

— Папа, можно зимними блёснами летом рыбачить? — не выдержал мальчик.

— Можно, хотя и не совсем удобно, — ответил Степан, подновляя старую лунку. Слава старательно блеснил, заглядывая в круглое оконце, но у него никто не ловился. Даже не было ни одной поклёвки. Отец вытащил двух больших окуней. Они парили на снегу, словно выброшенные из костра головни. Слава не замечал, как над тайгой вспухал оранжевый шар, но почувствовал, что ноги начали мерзнуть. Он потоптался на месте, тоскливо посмотрел на увлеченного отца, на окуней, сел на раскладной стульчик и сменил наживку. Без результата. Бросил в лунку несколько мормышей из фанерного ящичка. Кто-то слабо зацепился за крючок, но рыба сошла. У отца тоже перестало клевать.

— Ты знаешь, почему у нас не берёт?

— Почему? — выдохнул мальчик клубок пара.

— Мы, брат, поторопились. Проходню забыли. Вот досада, забодай её комар. — Проговорил Никодимов озабоченно.

— Ты скажи, где она? Я хоть на шифоньер залезу.

— Это, сын, долго. Пока ты в посёлок сходишь, пока обратно, это сколько времени уйдёт.

— Может, у кого-нибудь есть? Я спрошу. — Предложил мальчик.

— Это верно. Сходи к дяде Ивану. Если не нужна, пусть на часок даст. Я ему в прошлое воскресенье давал.

Из-за меня, — подумал мальчик, — отец заторопился. В другой раз я ему напомню. Большой, а забывчивый. Слава бежал по сухому шуршащему снегу, смотрел на красноватый шар и думал разные мысли. Около Скадина приличная кучка рыбы.

— Дявань, проходня не нужна больше? Дайте папе, — быстро проговорил мальчик, перебарывая стеснение. Скадин ответил не сразу. Опустив голову, заглядывал в лунку, будто увидел невесть что интересное. Наверно, ему жалко, раз молчит. Папа не жадовал.

— Берёзкину отдал, — раздражённо сказал Скадин, показывая в дальний конец озера. Ближних рыбаков Славик ещё мог узнать, а дальние — выглядели чёрными запятыми на белом сверкающем снегу. — Не туда смотришь. Второй слева от берега.

— Когда он приходил? — удивился мальчик. — Я никого не видел. К вам никто не подходил.

— Вас с батькой ещё не было, когда он примчался на рысях. Давай клянчить. Пришлось отдать.

Слава сначала шел, потом побежал. Хотел побыстрее принести отцу инструмент и помочь ловить рыбу. Не задерживаясь, здоровался с рыбаками, оглядывал трофеи. «Ничего, — успокаивал себя, — принесу проходню, наловим рыбы полный чемоданчик и рюкзак. Мама должна обрадоваться, она заведёт тесто, а они начистят рыбу для пирога. Придут бабушка с дедом, станут хвалить рыбаков и есть ароматный пирог. Он будет сидеть в зале, рисовать корабли и самолёты и гордиться собой, что не испугался такого мороза.

Небритый Берёзкин сидел на самодельном стульчике. Был не таким весёлым и добрым, когда прошлой осенью прокатил его и Толика Пичугина на комбайне «Енисей» до самого поля, где они ловили сусликов. Перед Берёзкиным лежало много мелких окуней, и даже щучка, похожая на палку. Узнав с чем пожаловал Слава, дядька оживился, ловко счистил с леси наросший лёд и, широко улыбаясь щербатым ртом, сказал с огорчением и досадой.

— Раньше-то чего. Отдал, ёшкин свет. Знал бы, что твоему отцу понадобится, так придержал. Пришёл, — морда кислая — дай, да дай. У отца не клюёт? Плохо берёт?

— Совсем не берёт, — упавшим голосом проговорил Славик. Берёзкин вздохнул, полез в карман, вынул блестящий портсигар с тремя богатырями.

— Давай покурим.

— Нет. Мне рано ещё. Кому отдали? ...Ну, проходню. — мальчик посмотрел в сторону, где едва заметно сидел отец.

— Я разве не сказал? Бежи до кума, — указал Берёзкин на высокую фигуру в тулупе. Этого Кума не любил и побаивался. Однажды с ребятами Слава прицепился к его саням крючком. Хотел прокатиться. Кум погрозил кнутом. Мальчишки успели отцепить крючки, а Слава не успел. Щеку ожгло, а губа занемела. Мальчишки постарше стали ругать Кума, обзывая всякими словами. Потом Славе прикладывали снег к щеке и сказали, что придумали мечь. Никто из скотников никогда не хлестал мальчишек кнутами, когда они шли в школу или из школы — всегда разрешали забраться в сани или прицепить санки.

Однажды кум ехал на возу с соломой. Взрослые мальчики подожгли тряпку и сунули под верёвку, которая держала бастрик. Когда показался белый дым, обрадовались — «будет теперь знать, как бичом махать». Слава весь вечер ждал прихода участкового милиционера, но тот не пришел, а Кум больше не бил никого плетёным кнутом. Не бил, потому что к нему никто не стал прицепляться.

Слава подбежал к жестокому человеку. Перебарывая страх, спросил о проходне, полагая, что бич он не взял на озеро.

— Оpozдал, хлопчик. — Нараспев говорил вообщем-то не страшный этот Кум. — Знатьё — придержал. Не ловится у тятки?

— Нет, — мотнул головой Слава, стоя неподалёку.

— Не держи на меня обиду. Я, любя поучил, чтоб ты не лез к саням, не попал под полоз. Мы также в зацеплялки играли. На раскате санями мне придавило ногу так, что захрустели косточки, и долго я ходил с батожками. Так-то. Игра может привести к больнице, к гипсу. Ты хочешь без ноги остаться? ...Вот и я не хочу, чтобы мальчишкам ноги санями переезжало. Проходню я отдал Анисиму. Поди, ему не трэба. Поспешай. Знаешь дядьку Анисима?

Анисима знал. За глаза в деревне звали Февралём, а жену — Февралиха. Анисим умел строить аэросани и ездил, на дальние озёра, где, по его словам, много прожорливых шук. Иногда дядя Февраль разрешал им посидеть в кабине аэросаней, а случалось, и катал. Но случалось это тогда, когда в колхозе давали получку. Аэросани громко

трещали двигателем, а собаки почему-то злились и бросались на лыжи.

«Знал бы, что у него, так сразу и спросил, — думал мальчик, отыскивая глазами фигуру отца. — А то ведь три раза мимо пробегал». Анисим Бабкин тоже встретил его без радости и восторга, хотя он дружил с его сыном в первом классе, а потом их определили в разные школы. Они с Виталиком стали видаться редко. Мужчина сбросил на лёд рукавицы — тянул большого окуня. Слава тоже снял варежки. Руки у него горели, щеки покраснелись, а ногам стало тесно в валенках от нестерпимой жары. Он отошел в сторону, чтобы не мешать. Терпеливо ждал, когда окунице окажется на льду.

— Беги к дедушке Макару. Он старый, но хитрый. Говорил Бабкин, рассматривая добычу. Слава немного обрадовался за Виталькиного отца, но и сожалел, что еще никогда не ловил таких огромных рыб. Ему попадали на удочку чебаки, пескари; щучат, ловил в речке Чачанге петлём. Он вырастет и научится добывать большую рыбу. Отец однажды принёс пять огромных налимов. Они лежали на столе, как поленья, но мама не хотела печь из них пироги, не стала варить и уху. Они с отцом сами испекли пирог. Получилось не хуже, чем у мамы. Даже бабушке пирог понравился. Почему, размышлял Слава, вытирая под шапкой вспотевший лоб. — Из сорожек мама пекла пироги и котлеты стряпала из щук, а вот из налимов ничего не хочет делать. Даже пирог не попробовала. Почему? Слава бежал обратно. Недалеко от Берёзкина видел дедушку, но пробежал мимо, не заметив у него никакой проходни.

— Дедушка! — по слогам говорил мальчик, помня, что старик плохо слышит. — Проходню дайте папе.

Дед Макар молчал, но внимательно смотрел на Славу, припоминая, кому он доводится сыном, кому внуком. В выцветших когда-то голубых глазах были доброта и участливое внимание. «Даст, — подумал Слава. — Хоть бы дал скорей. Отец сколько времени ждёт, а я всё ищу эту замечательную штуку, которая помогает ловить рыбу. У дедушки большая щука и много окуньков. Значит, проходня у него. Но где она? Может быть, он её в кармане держит? Они бы тоже смогли принести такую рыбищу, и мама тогда не ругалась на папу, что он попусту время проводит в компании неинтеллигентных субъектов.

— Говори шире, внучок. С гражданской оглох. Мы пушку сделали деревянную. После третьего выстрела её разнесло в локуты. Пороху лишку засыпали. У партизан, какие оружия. Трещотки вместо пулемётов. На, поуди. Рука у тебя лёгкая. Курну маненько, — сказал старик, вставая с детских санок. Слава слышал, как хрустели стариковские суставы, как зажглась спичка. Запахло махоркой. Не отводя глаз от лунки, старательно блеснил.

— Дедушка, папа заждался меня. С утра бегаю. У него рыба мало клюёт. Дайте мне скорей проходню, и я побегу. Потом верну. Честное слово.

— Погоди, паря, не свиристи, — мотнул головой дед. — Погодь, поговори с дедой, а я с тобой. Ты только не забудь меня старого. Запомни. Всё запомни. Небо, берега, берёзку в инее. Видишь, солнышки. Их сегодня три. Одно — лишь настоящее, а два пасолнцы. Так их зовут. Они ложные. Ложь всегда с правдой обретается. Бывает ложь во спасение, как бы вынужденная или нечаян-

ная. Не хочешь врать, а соврёшь. Иначе не можно прожить на белом свете.

— Я никогда не обманываю. Всегда говорю правду.

— Хороший ты человек начинаешься. Таким и расти. Но трудно тебе будет. Хорошему человеку всегда трудно. На германском фронте в первую мировую войну мне крестьянскому парню офицерское звание дали. Гордился этим. Георгиевский крест и две медали за храбрость у меня были. В армии Александра Васильевича Колчака за порядок воевал со своими же крестьянами на Восточном фронте. Стал думать, и понял, что надо за новую жизнь драться. Перешел к красным. Командовал ротой. Орден Красного Знамени вручили мне. Под Иркутском приказали расстрелять пленных офицеров и солдат, которые сдались. Опять я подумал, что это несправедливо. Отказался, а меня и разжаловали, отобрали орден. Отправили на исправление. На другой войне ранило меня, и отправили домой. Поставили колхозом командовать. Голодно жили люди, выдал я на трудодни вдовухам просо, чтобы детям кашу варить, чтобы не умирали рано они. Подумал, пусть меня одного сегодня накажут, чем другие будут голодом болеть и умирать. Кто-то сообщил о моём поступке. Приехали и арестовали. Судили недолго. Зато срок дали долгий. Отправили сюда лес заготовливать. Так вот и прожил свои годочки. Всё вроде сделал, что мог, вот и жить устал...

Слава почувствовал неожиданный рывок, и потерялся.

— Дедушка, кто-то рвётся!

— Коли рвётся, так и, тягая помалу, — произнёс равнодушно дед, вытирая нос.

— Но я, не умею! — взмолился мальчик. — Оборвётся.

— Ты не суетись, коли хочешь чего достичь. Не беги за всеми вслед.

Спина у мальчика занемела, а руки вдруг устали, но он тянул лесу, на конце которой кто-то отчаянно сопротивлялся, пытаясь уйти под санки.

— Дедушка, помоги! — попросил мальчик.

— Ты свою рыбу должен поймать сам. Упустишь — сам. Поймаешь — сам. Надейся на себя. Некого будет корить, не на кого будет вину перекладывать. Ослабь. Пусть погуляет. Лунка у меня большая. Тихо подводи...

Большой окунь с широкими полосами парил на снегу, словно разогретый кусок металла. Мальчик смотрел на большую рыбу и радостно улыбался. Таких окуней и отец не приносил с рыбалки.

— Улыбку спрятай, паря, чему тут радоваться. Поймал и поймал. На то мы и пришли сюда. Раз ты пищу добываешь, значит, серьёзный человек.

— Где же она? — встрепенулся Слава.

— Не свиристи, как перепел. Всё узнаешь. Здесь она. И нет её, — словно собираясь с мыслями, дед снял шапку с кожаным верхом, пригладил короткие желтые волосы.

— Как нет? Она папе нужна.

— Проходня — это то, что ты делал. Ты ходил и грелся. Это ложь во спасение. Ты сам себя согрел. Люди придумали, чтобы на рыбалке такие пареньки не ушли домой в слезах, испугавшись холода, а настырно добивались своей цели, общались, учились, преодолевали свою лень,

«Обманывали, все обманщики. Из глаз мальчика выступили слезины. Они задрожали, запереливались, исказив очертания берега, сидящих и стоящих рыбаков. Он сдерживал их, но обида на отца была так велика, что они выскользнули и упали в снег.

— Не горуй. Никто не хотел тебе плохого. Не держи сердца на отца. Ты же согрелся, поймал настоящую рыбу.

— Лучше бы я замёрз, чем так. Стал ледышкой, — обида на отца выросла болью в маленькой душе. Она не проходила, разрастаясь. Он никогда бы так не стал поступать. Не обманывал сына, посылая к чужим людям за несуществующей проходнёй.

— Вот ты, какой серьёзный! Отец не рассмотрел тебя, — протянул дед, вздыхая. — Ты считаешь, что нельзя обманывать человека, даже спасая его? ...Ты прав. Обман — всегда обман. Ложь рождает ложь. Я не думал.

— ...Я ему скажу, если станет мёрзнуть, чтобы сверлил лунки, чтобы набрал сучьев и сделал костёр. Я бы помог ему согреться, а не стал обманывать.

— Ты знаешь, что твой дед бегал за проходнёй? Не знал. И я бегал. Это такая проверка будущего рыбака. Если не расхныкался, значит быть тебе рыбаком.

Слава представил деда, бегущего по озеру, и немного развеселился. Улыбнулся и старик в бороду, вероятно подумав, что много обманов встанут на пути мальчика. Обманет друг, обманет любимая. Станут обманывать нечаянно, с умыслом, себе в корысть и в радость. Сам станет обманывать полегоньку родителей, чтоб не волновались, чтобы не огорчались. Будет лгать, говоря комплименты знакомой женщине. Будет обманывать на-

чальников и подчиненных, и находить себе оправдания. Таков мир отношений.

— И я бегал. А то как? Два кружка сделал. Братья не хотели брать, но я настоял. Не обиделся на них. Не бегают те, кто на печи лежит, боится носа на улицу показать. Забирай свою рыбу. Скажи отцу, пусть костер разводит. Будем артельную уху варить. Сегодня его очередь. Погодь меня. Вместе пойдём.

Рыбаки давали Славе и деду Макару по две рыбины, шутили и восхищались окунем.

— Моему парню скоро тринадцать, а на рыбалку конфетами не заманить, — говорил Берёзкин.

— Сам вытащил? — удивился Кум. — Дедуня, поди, подмог?

— Только на проходню такие ловятся, — серьёзно проговорил Анисим.

Слава молчал. Обида на отца ушла, затупилась. Светило солнце, похожее на блесну. Он не был тем мальчуганом, что ступал за отцом на припорошенный лёд озера утром. С каждой минутой удалялся от того мальчика, с которым никогда не встретится.

«СЕРАЯ ШЕЙКА»

Слава шёл по большому полю, и ему очень хотелось пить. Шёл долго, а поле не кончалось. Это удивительное поле — без единой травинки, ровное-преровное, даже сусликов и тех не видно. Сколько бы мальчик ни вглядывался в серую глубину, так и не увидел самой плохонькой, выбоинки. Брёл из последних сил, — ему очень нужно добраться до конца, и увидеть, что там, за этим

неинтересным полем, ведь не могло небо прирасти к скучной и слабой земле. Славик старался не думать о воде, но она где-то недалеко булькала и шумела, будто за спиной, будто рядом протекает речка Чачанга.

Слава проснулся, но не совсем, а так, немножко, проснулся и удивился: «Чего это меня не будят, так я в школу опоздаю». В комнате стоял ночной полумрак, хотя из кухни через щель между портьерами пробивался небольшой мягкий лоскут света, проскакивали всяческие звуки. Слава догадался: «Сегодня выходной, как это я забыл».

Вот зашуршала выливаемая в бачок вода, звякнула дужка ведра. «Это папа!» «Тише, стучи. Разбудишь, — Это мама». Мальчик хотел крикнуть:

— Я не сплю! — неожиданно передумал, потому как проснулся не совсем, и можно немного поспать, потому что в школу не идти и нужно посмотреть на одинокое поле, на котором ничего нет. А вдруг выросли высокие деревья сосны, как в той деревне Егоровке, куда они ездили с папой. Мальчик попытался заснуть и не смог. «Вот если бы в школу, тогда быстро уснул, а сейчас не можетя никак».

— Тебе помочь?

— Я сама. Ты ещё в муке не вошкался.

— А чего? Помнишь, как мы в первый год ели на подоконнике, вместе всё делали.

— Над тобой мужики подшучивали.

— Тебе помогал. Разве плохо?

— Чего хорошего. Мужик стирает, а жена газету почитывает на диване.

— Ты никогда не сидела с газетой. Помнишь, как белили первый раз свою квартиру?

— Пока сама не научилась. Вас в армии учили, а нас в институте не учили.

По шлепкам, доносившимся из кухни, Слава понял — мама готовит тесто, а значит, будут пирожки или пельмени. Откинув одеяло, опустил ноги на холодный коврик, отыскал домашнюю одежду. Мальчик вошел в кухню, зажмурился от яркого света. Пахло горячей известью — мама вчера побелила печь, замазала трещинки на обогреватели, появившиеся после Нового года, так как она много варила холодца, и все каникулы стояли клящие морозы — так говорил на озере дедушка Макар.

— Как, сынок, спалось? — спросила мама, сминая на столе кусок жёлтоватого теста. В большой эмалированной миске, на краешке которой небольшая щербинка, розовой горкой — фарш. Щербина появилась весной. Он ещё и в школу не ходил. Слава хотел сделать маме подарок: решил просверлить край миски, чтобы мама могла её вешать на гвоздь за печкой. Папа всё собирался, но у него не было времени, так как поздно приезжал из леса, где работал на трелёвочном тракторе. Сверлить было страшно трудно. Чашка не хотела лежать на боку. Поэтому пришлось её загнать под кухонный стол. Слава устал, ободрал сверлом палец, и он бы просверлил, и совсем оставалось мало, но пришла мама. Она схватила мальчика на руки, швырнула дрель в сени, а на палец намотала большой кусок бинта, облив его весь вонючей «зелёнкой». Пришёл папа. Они долго ругались. Слава заступался за папу, говоря, что это он сам нашёл инструмент в кладовой, а папа его «не разбрасывал по дому». Мама не

хотела слышать его, продолжая кричать и плакать. Теперь он знает, как трудно делать подарки маме.

Разобранная мясорубка лежит на постеленном полотенце и сохнет. Славе всегда хочется покрутить белую ручку, последить, как «всёвремяубегающий» винт захватывает куски мяса, жуёт их и выдавливает в круглые дырочки шевелящихся червячков, которые слипаются и смешиваются. Папа сидит на низкой скамеечке перед печью и пускает дым изо рта в поддувало, смотрит на Славу и улыбается. Мама раскатывает тесто в плоский тонкий блин и тоже улыбается. Никто никуда не торопится, и от этого ему светло и празднично. Только собрался подойти к умывальнику, как мама взяла и сказала:

— Сынок, умывайся, я сейчас быстренько слеплю тебе пельмешков, — а сама стала наливать воду из чайника, который начал стучать крышкой и пускать пар из носика. «Я и сам знаю, что нужно сначала умыться. Был бы маленький, а то ведь на рыбалке не зря за проходной бегал. А почему только мне мама слепит?»

— А папе?

— Ну, конечно!.. и папе твоему... Мы — потом.

— Я — один не буду, я — все вместе.

— Не капризничай. Мама говорит, надо слушаться. У тебя, наверное, температура. Вчера весь в снегу пришел.

«Хотя и пельмени, а одному есть не вкусно» — подумал Слава и предложил:

— Мама, давай мы тоже будем слепивать. Быстреей же.

— Весь в отца. Что он, что ты любите с мясом возиться. Без вас управлюсь, горе-помощники.

— Мы ничего не насорим. Мама? Мы — аккуратно. Совсем ничего не испортим, правда, папа?

— Конечно, — согласился Степан, забрасывая окурок в малиновый зев поддувала.

— Я сказала, значит, нет. Вы мне мешать только будете. Иди, поиграй или почитай. Каникулы заканчиваются, а ты книжку в руки не брал, — настаивала Анна.

— Мы плакать не станем, — весело проговорил Никодимов старший. — Мы сейчас дровец принесём.

— Один сходишь. Нечего ребёнка морозить. Он не прислуга тебе.

— Ты чего, Аня? Он не девчачьей породы

На улице ещё не растаял фиолетовый сумрак, он цепляется за ограды и сугробы, прячется среди берёзок, стоящих у занесённого снегом памятника вождя пролетарской революции. Слава смотрит на освещённые окна своей школы, ему кажется, что в посёлок заплыл большой теплоход. Он догадался, что это старшеклассники убирают ёлку. От почты доносится скрип санных полозьев. Вот фыркнула лошадь, за посёлком, в стороне разделочных эстакад на берегу речки Чачанги пулемётной очередью застрочил тракторный пусковой двигатель. Ночь прошла, а день ещё не начался. Озябшие редкие звёзды медленно тают. Слава смотрит на них и ему кажется, они тихонько, позванивают, позванивают, будто колокольчики с отцовских закидушек, но только ещё поменьше.

— Пап, слышишь?

— Что?

— Звонят. Там, — Слава смотрит в небо.

— Где?

— Там. Они тихонько дзинькают. ...А мне слышно.

Несколько секунд отец и сын внимательно рассматривают небесное полотно.

— Ну, где вы запропастились?! — раздаётся громкий обиженный голос из сеней.

— Мама, — виновато проговорил мальчик, беря холодные поленья. Слава чувствует, что они, отвердев на морозе, стали тяжелыми, хотя летом, когда складывал их в поленницу, казались лёгкими.

— Так я и знала! Ребёнок без рукавиц, а ты не видишь, как он простывает. Не тебе же за ним ухаживать. Говорили мне, говорили. Не послушалась.

— Вышли на секундочку. Ничего ему не будет.

— Тебе всегда «ничего», а он болезненный. Только краснухой переболел.

— Когда это было? Два года назад.

— Хоть десять лет. Твоя забота мне всегда боком выходит. Тебе ничего не докажешь. Твердолобый, как вся твоя не родная родня. Особо мамаша. Приёмная.

Никодимов начал ремонтировать старую электробритву. Слава занялся конструктором, собирая трактор.

— Папа, ты так и не услышал, как они дзинькают?

— Не успел.

— А я слышал. Так тихо, как ёлочные шарики.

Несколько секунд Никодимовы занимались важными делами.

— Знаешь, чем дрова пахнут?

— Деревом. Скипидаром, может быть, пахнут.

— Так нет. Они отогрелись и запахли. Даже здесь слышно. За столом.

— Правда. — Оживился Степан, и его обветренное лицо осветила улыбка. — Берёзовой корой пахнет.

— Вот и нет. Не угадал, папочка. Ты не понял. Знаешь чем? — Слава поднял голову и посмотрел в светлокариые глаза отца. — Они пахнут... летом.

— Да. Ну и выдумщик ты у меня.

— Не веришь? Думаешь, обманываю? Когда ты пилил их, во дворе так пахло всё лето. Я же помню. — Мальчик посмотрел в сторону своей кровати. Принялся наводить порядок, расправляя одеяло. Упал стул.

— Не видишь, что ребёнок надрывается? Одеяло тяжелое.

— Он у нас самостоятельный. Заправляет кровать. Что тут такого. В армии нянек не будет.

— Я его не пущу, ни в какую армию. Он окончит институт, как я. Будет иметь нормальную человеческую работу.

Слава, видя, как мама взбивает подушки, расстроенный сел за стол, и начал смотреть в окно. За тюлевыми занавесками кое-как просматривались берёзки в сквере, здание школы, в которой окна уже не светились ярко и призывно. Слава вспомнил, что нужно прочитать рассказ «Серая Шейка». Он отыскал учебник, нашел нужную страницу. Некоторое время мальчик читал. Но вот лицо его стало хмурым и недовольным. Степан почистил коллектор ваткой, смоченной одеколоном, перевернул изношенные щётки. Бритва молчала. Тогда он решил проверить провод. Он приладил к выключателю карманного фонарика два проводка. Сложил их концами. Лампочка засветилась. Стал проверять провод. Так и есть. От частого перегибания тонкие проволоочки переломились. Степан хотел удалить кусок провода, но обратился мальчик.

— Папа, почитай мне. ...Что-то слова стали спотыкаться. — Степан взял книгу, прочитал заголовок. — Хороший рассказ. Когда-то мне бабушка читала. — Степан раскрыл книжный шкаф, вынул книгу в зелёном переплётe. Слава увидел цифру «6» на корешке. Заметив удивлённые глаза сына, Никодимов пояснил:

— В учебниках печатают произведения, сокращая их, думая, что дети не поймут написанного. А мы будем читать рассказ Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка без сокращений. Пельмени без мяса тоже можно делать, но это уже другое блюдо.

— Смешная фамилия. Он специально придумал, чтобы весело было?

— Бывает, что писатели берут себе разные фамилии. Он себе прибавил лишь слово «Сибиряк». Чтобы его не путали с другими писателями. Его папа работал в церкви.

Слава внимательно слушал отца. Казалось, его глаза смотрят далеко и, вероятно, видят утиную стаю, берег каменистой речки. Чем дальше читает отец, тем больше грустнеет лицо Славы. И вот оно стало совсем печальным. Мальчик сжался, словно ему стало холодно.

— Папа, а она не замёрзнет? — спрашивает мальчик дрожащим голосом. Мягкий комок застрял у него в горле. Он не проглатывается, а давит, давит.

— Нет. Не замёрзнет, — отвечает Степан, продолжая читать: — «Старой Утке нужно было собрать все силы, чтобы не выдать своего отчаянья. Она старалась казаться весёлой и плакала потихоньку ото всех. Ах, как ей было жаль милой, бедненькой Серой Шейки... Других детей она теперь почти не замечала и не обращала на них

внимания, и ей казалось, что она даже совсем их не любит».

Через несколько минут Слава, сдерживая приблизившиеся слёзы, тихо спрашивает:

— Папа, а лиса? она не съест?

— Не расстраивайся. Никто её не съест.

Мальчик не может сдержать рвущихся рыданий. Плачет громко, вытирая рукавом рубашки слёзы.

— Что ты сделал с ребёнком? — врывается в зал разъярённая Анна. Выхватив книгу, швыряет в дверной проём, в кухню.

— Рассказ читаем.

— Довёл ребёнка своими дурацкими книжками. Сколько мук я с тобой приняла? Сколько нервов моих вымотал? За что теперь издеваешься над ребёнком. Он-то в чём виноват перед тобой? Изверг!

Проходит некоторое время. Мальчик поднимает книгу, ищет нужную страницу. Анна обнимает сына, целует, будто бы он спасён из-под горного обвала. Уводит в кухню, что-то ласково приговаривая. Слава подходит к отцу, разламывает конфету. Никодимов отказывается, говоря, что зубы не позволяют сладкое жевать. Степан не может понять, почему жена охраняет мальчика от него? Постоянно, боится оставить без своей опеки? «Он-то в чём виноват перед тобой? А кто виноват? Мальчик не виноват. Кто из нас, и в чём виноват? Она, выходит, в чём-то виновата? А в чём?»

Степан проходил службу на Каспийской флотилии. Аня Корлакова школу заканчивала. Познакомились по переписке. Получил отпуск, приехал к Ане в таёжный посёлок. Встретила его очаровательная девушка. Белыми

ночами бродили по берегу Чачанги, вдыхая запахи цветущей черемухи и дыма костров нижнего склада — так называли место распиловки на брёвна, привезённых из тайги сосновых и кедровых стволов. Аня поступила в Томский педагогический институт. Они переписывались три года. Степан приехал к ней в общежитие после увольнения в запас. Хотел снять форму, но Аня не разрешила. На госэкзамены ходили вместе. Возвратились в тяжёлый посёлок вдвоём. Некоторое время жили с родителями Анны.

Никодимов начал строить дом. В Ингузетском леспромохозе не хватало водителей, его послали на курсы шоферов в райцентр. Дали старый МАЗ. Степан больше стоял на ремонте, чем вывозил лес. Заработки пошли, когда ушёл в бригаду. Сначала рубил сучья, чокеровал хлысты, затем освоился с бензопилой, валил деревья. Вечером посещал курсы трактористов. По настоянию Анны, работавшей учительницей начальных классов, поступил в Красноярский лесотехнологический институт, но учиться не смог. Много времени отнимал дом, а потом родился малыш. Назвали его Слава. Вячеслав.

— Говорили мне, чтобы не выходила за тебя! Родную маму не послушала. Ох, дура, дура. За что страдаю? За что так Бог наказывает!?

— Мама, не плачь. Не плачь, мама, — вбежал в кухню мальчик. — Если ты прослушала, папа тебе всё прочитает. Её всеравно лиса не съела.

«Чего она так ревёт? Говорит, что не послушала. Сама плачет, как девчонка», — размышляет Слава, закатывая в ложку морщинистый пельмень.

— Папа. Мама. Давайте их съедим. Они остыли уже. Мне плохо без вас. Я же не со школы пришёл, когда никого дома нет.

— Я — сынок, не хочу что-то. Ты ешь. Вот сметана, — говорит мама, вытирая глаза полотенцем. — Будем собираться.

— Бабе и деду пельменей отнесём. Я сбегая, мама. А папа?

— Он тут пусть поживёт. Подумает. Ему надо за коровой смотреть и за поросятами.

— И за котятами, — рассмеялся Слава. — Папа, иди. Они остыли.

— Ешь. Он себе сам сварит. Как ему хочется. Хоть в молоке, хоть в сковородке пусть обжаривает. Насочиняет, и думает, что всем нравится.

— А мне нравится в молоке. Ты когда уезжала, мы всегда в молоке варили пельмени. Ты не пробовала, мама? Страшно вкусно. Папа манную кашу варил не с сахаром, не с вареньем, а с тушенкой. Папа, сделай счастливый пельмень. А Лучше три, чтобы всем досталось. Мама всегда забывает.

Анна завернула кастрюлю с пельменями в старую шаль, поставила в сумку, начала одеваться. Слава быстро обул тёплые валенки, взял сумку. Когда вышли за калитку, оглянулся, увидел у мамы чемодан и большой узел. «К бабушке так ещё не ходили. Ну, с сеткой, с сумкой, а тут с чемоданом. Где же его мама взяла? Когда одевалась, у неё ничего не было в руках. На веранде взяла. А зачем? — решил мальчик, предполагая, что мама купила какой-

то подарок, когда ездила в Томск перед Новым годом. Он забеспокоился.

— Мама, а ты что на рыбалку пойдёшь с чемоданом? — спросил Слава, едва успевая за мамой. Прошли один дом, второй... — Бабушка и дед не тут живут. Надо в переулок, к речке. Куда мы идём?

Что-то не так делает мама. Анна поджала нижнюю губу, шапка у неё сбилась, она стала некрасивой и чужой.

— Мама, зачем нам чемодан? Мы что, насовсем уезжаем? — загоразивая дорогу, спросил мальчик.

— Да, мой маленький. Натерпелись, хватит. Будем жить по-человечески. Нам не будет Алексей говорить: «Не бери мои носки, не ходи долго в магазин». Надоело стирать его мазутные рубахи. Он невозможный человек.

— Возможный. Какой это Алексей? — удивился мальчик. — Алексей Иванович? Учитель по труду? Мы к нему идём?

— Да, сыночек. К папе. К твоему. Настоящему.

— Я — пойду к деду. А ты иди к этому лысому. Предательница. Куда хочешь, иди, — мальчик заплакал, и побежал мимо клуба, мимо магазина. Он торопился, боясь, что пельмени могут быстро остыть. «Это же настоящее предательство. Так только фашисты делали. Почему это он мне папа? С чего решила. Пошутила? Так никто не шутит. У Юльки почему-то два отца образовалось. Один привозит подарки, и второй никогда не ругает». — Слава оглянулся. Мама шла за ним. «Точно пошутила». Радостно подумал он.

Никодимов стоял у ограды, скучно смотрел на сверкающий разными огоньками снег. У ворот снег лежал высокой кучей, напоминающей горку.

— Забыли что? — спросил Степан, беря лопату.

— Просто. Помогать буду.

Некоторое время они работали, молча, разравнивая спуск, углубляя ступеньки. Степан носил воду и поливал через банный веник всю горку.

— Папа, давай сейчас пойдём в лес и посмотрим, как там наш Берендяйка живёт. — Летом Слава нашёл замысловатую корягу, которая походила на сказочного человечка. Степан удалил ножом лишнее, чтобы получились руки, ноги и голова с кривым носом. Мальчик почему-то назвал его непонятным именем. Степан повесил находку на сук. Домой её решили не брать, чтобы он не заскучал без своих братьев. Мальчик иногда вспоминал сказочного гномика. Даже на уроке рисования попытался изобразить его.

— Давай ходим, — согласился Степан, — горка наша подмерзнет, мы её ещё раз польём. А она придёт?

— Кто? — спросил мальчик. — Мама-то? Кому она будет пуговицы пришивать, да борщ варить? Бабушка борщ не очень любит. В угол она кого станет ставить? Дед не проливает краску на скатерть.

— Там ей и поругать некого будет. Начнём собираться.

— Мама наша по шутке сказала, что Алексей Иванович, который по труду, — это мой папа. Насмешила. Какой он папа, если у него и жены не было и детей он не любит. Витьку раз линейкой по голове огрел. Пошутила?

— Конечно. Шутница. Двое брюк одевай.

— Пап, а мне сегодня сон приснился.

САМЫЙ ЛУЧШИЙ ПРАЗДНИК

Слава Никодимов, ученик четвёртого класса, нехотя шёл по улице. Из окон падал на дорогу бодрый свет. Он лежал на спинах сугробов, как половики. Некоторые окна мигали весёлыми огоньками на ёлках. Ему слышалась ласковая музыка. В темнеющее небо из труб втыкались вертикальные тёмные и серые столбы дыма.

Чужая собака, пугливо мотая хвостом, подошла и ткнулась холодным носом в руку, а потом в бумажный мешочек, который Слава нёс из школы. Он не успел испугаться, но окоченевшие пальцы сами разжались.

Скрипело под валенками. Эти громкие звуки поглотили бречание цепей лесовозов. Чачанга была укутана снегом. Тайга на противоположном берегу тоже была вся в серых нашлапках. На чёрных пнях и корягах шапки. Дорога на пристань не блестела. Мальчик оглянулся. Поселковые крыши спрятались за сосны. Только дымные столбы с трудом держали звёздное небо.

После первой четверти у Славы с мамой был тяжёлый разговор. В дневнике оказались две тройки. Растерянно хлопал, выгоревшими за лето ресницами, и шумно дышал, сдерживая слёзы.

— Вот приду в класс, посмотрю, как ты занимаешься, — строго и громко говорила мама. Она не работала в школе. Она считала зарплату в конторе на счётах с круг-

лыми узкими колёсиками. — Совсем разлеился. Постель не хочешь убирать за собой.

То мама не разрешает заправлять койку, говорит, чтобы не надрылся, а теперь обвиняет в том, что не складывает подушки, не застилает большое одеяло. Как её понимать? Ему просто некогда утром заниматься уборкой, найти бы, где носки лежат. Мама то на батарею повесит, то на печку положит. На батарее он сразу видит, а на печку высоко заглядывать.

Слава любит маму. Вгорячах она может шлёпнуть полотенцем, поставить в угол, но не надолго. Это всё ему не страшно. Когда мама сердится, то обязательно пьёт капли из коричневого флакончика, тогда ему очень жалко её. Хочется самому заболеть, но чтобы у мамы было хорошее настроение, чтобы она включала радиолу, пела вместе с тётей, которая всё время спрашивает — виновата она или нет, потому, что дрожал у неё голос, и зачем она разрешала в лунную ночь себя целовать. Странная песня, — думает всегда Слава. Папе нравятся уверенные песни. Они вместе поют о том, чтобы жила страна родная и о том, как над дорогой встаёт заря и алым светом полны моря.

Папа совсем не обиделся на его тройки, которые получились сами собой. Он даже пытался успокаивать маму, говоря, что, мол, ребёнку и тройку нельзя получить, это далеко и не двойка.

— Подрастёт и поймёт, что учёба — дело важное. Главное в том, что он хороший парень растёт.

Слава знает, что папа тоже получал в школе тройки и даже двойки, а вот стал отличным трактористом. Недавно он ездил с районной делегацией в Томск на слёт

ударников труда, и его наградили самым главным орденном. Слава вырезал из газеты папину фотокарточку, хранит в столе. Когда вырастет, то непременно станет трактористом. Его в посёлке все знают, и здороваются, когда они идут в баню. У них в ограде есть своя баня, но мама, когда стирала, не вылили из бака воду. Забытая вода так сильно смогла замёрзнуть, что разорвала бак в углу. Они с папой разобрали всю печь, вынули бак и отвезли на санках в гараж, чтобы тётя Дуся заварила его электрической сваркой. Потому что лучше её никто не может заваривать баки. Но тётя сварщицкая заболела, её отвезли в Белый яр, чтобы выздороветь. А у деда баня маленькая, почему-то всегда у Славы ноги мёрзнут. Голова вся от пара и жара потеет, а ноги надо в носки прятать.

— Непедагогично, — сказала мама, — своими двойками хвастаться. Тебе все равно кем вырастет мальчик. Он сейчас от рук отбился, а что будет завтра, через год?

Папа улыбался Славе и сказал тогда:

— Не отбился. Крыльцо всё у деда, как из школы идёт, от снега отчищает. Задачи, как орешки щёлкает. Недавно мы пример из последнего раздела задачника решали. Можешь не верить, но Вячеслав его весь решил. Хотя он сложный. Это о чём-то говорит? Говорит. Наш сын отлично соображает. Намного лучше, чем я в его возрасте. Мы такие примеры большие не решали даже в пятом классе.

Мама раскрыла дневник, полистала.

— Вот двойка по математике. Куда это годится?

— Я говорил, мама. Я забыл сделать такую штучку. Я потом сделал. Половина класса забыла.

— Всем двойки? — строго спросила мама.

— Нет. — Махнул рукой Слава. — Только мне.

— Так нельзя. Это двойка липовая. Не считается. Тем более, он забыл...

— Это непонятно что творится. Три учебных года ребёнок был круглым отличником. Ему грамоты давали и письма благодарственные. Пойду к директору Ивану Ивановича или в районо к Людмиле Семёновне поеду. Министру просвещения напишу!

Папа рассмеялся и сказал: «Министр ты наш без портфеля». Мама быстро обиделась, ушла в зал.

— Сынок, не переживай из-за пустяков. Всё это муть болотная.

— Лариса Васильевна меня посадила с Нинкой. Она меня отвлекает. Ей — ничего, а мне делает замечание. Потом ещё и оценки снижает.

— Ты не ходишь на собрание родительские, не знаешь, как детей воспитывать. В дневнике не расписался, а ребёнка послали домой. Из-за твоей недисциплинированности. Ему пришлось по посёлку в мороз ко мне бежать. ...Не к тебе же на верхний склад, где ты ордена зарабатываешь своим трактором. А я рубахи твои мазутные стирай. В дом не войти. Вонь стоит, как в кочегарке.

— Ты почему не расписалась? На кочегарку нашла время?

— Я была занята. Мы репетировались к смотру в клубе. Слава к бабушке на другой конец посёлка бегал без пальто. Его собака бешеная испугала. Чуть под машину не попал. ...Сказали мне.

В роно мама не поехала, министру не написала, а в школу пришла. Старая учительница её не увидела, хотя и

надела свои очки с цепочкой. Мама Аня спросила разрешения, чтобы побыть на последнем уроке. Лариса Васильевна что-то сказала. Мама — такая смелая и настойчивая дома, застенялась, как ученица и осталась стоять. Будто бы её поставили в наказание за его двойки и тройки.

Шёл урок. Мама стояла. Лицо у Славы пылало огнём. Никодимова расстегнула пальто, спустила на плечи белую пушистую шаль. Учительница её никак не замечала. Ученики смотрели на Славу и хихикали. Особенно старался Колька Мурзаков. Он кивал в сторону его мамы, и корчил рожи. Тогда Слава показал кулак. Колька успокоился. А тут Нинка. Толканёт его в бок и сидит, как будто это не она. Слава терпит, и не толкает её в ответ. Дать бы хорошо, но мама говорит, что девочек нельзя бить, ведь они такие слабые. Нинка знает это. Пользуется. Тетрадку в прошлой перемене спрятала. Слава не мог её найти. Лариса Васильевна объявила самостоятельную работу, а тетрадки у Славы не оказалось. Он помнил, что не оставял её дома.

— Никодимов, ты опять забыл тетрадь? — откуда она узнала, что у него нет тетради. Он же взял запасную, чистую. А тут Надя Давыдова подняла руку. Сказала, что у неё в парте тетрадь Никодимова. Вместо того, чтобы решать примеры, Славе пришлось быстро всё переписывать, так как Лариса Васильевна не разрешила сдавать новую тетрадь. Слава спешил, допускал ошибки, исправлял, но делал другие. Теперь Слава не отличник. Теперь Нинка отличница, но она у него списывает контрольные работы, хотя у неё другой вариант. Лариса Васильевна не

замечает. А вот Витьке Капустину поставила двойку за то, что он решил не свой вариант.

«Мама, садись, — шепчет Слава. — Проходи на последнюю парту». Она такая смелая. Летом не испугалась быка, прибежавшего из подсобного хозяйства. Спасла девчонку Ирку, а то бы её бык закатал на дороге. Не слышит мама. Она устала, но стоит и смотрит на доску всеми глазами синего цвета. Нельзя так, чтобы мама зря стояла. Другие родители проходят, раздеваются, садятся за последние парты, которые выше других. Лариса Васильевна всем улыбается, шутит, а маме не предложила сесть. Славе жалко маму. Он решительно поднимает руку. Лариса Васильевна долго не видит его поднятую руку, хотя он сидит на третьей парте.

— Чего тебе?

— Лариса Васильевна, — срывающимся голосом говорит Слава. — Пусть мама сядет за эту парту.

Лариса Васильевна изумлённо смотрит на Славу, и кивает кучерявой головой. Урок продолжается. Мама устало сидит за партой. Чарующей музыкой звонит звонок в коридоре. Мама подошла, и начала вежливо разговаривать с учительницей, которая перекладывала классный журнал из руки в руку, как будто торопилась. Слава следил за мамой, делая вид, что занят обложкой «Родной речи».

— Боюсь за сына. Был круглый отличник. А в этом году две тройки во второй четверти. Незнаю, что делать. Занимается. Решает все задачи самостоятельно. Почему?

— Плохо себя ведёт? Надоело делать замечания. На уроках постоянно разговаривает, отвлекает весь класс.

Предупреждала, если будет так вести, то получит за полугодие тройки. По всем предметам. Он знает и продолжает. Назло мне и классу.

Слава видел, как мама опустила голову. Он хотел броситься к ней и сказать, чтоб его рассадили с Нинкой. Она его всего истолкала острым локтем. Решил, что больше не пошевелится. Не будет ей ничего объяснять, как решать задачи, и какие писать окончания в словах на диктанте. Он понял, всё понял. Нинка теперь отличница, а не он.

— Посадите его с прежней девочкой, — сказала мама. — ...С которой он сидел в прошлом году. Пожалуйста.

Лариса Васильевна строго поджала свои синеватые губы и так посмотрела на маму, что Слава выскочил в коридор. Он не слышал, как мама извинялась и просила не отбивать у мальчика желания хорошо учиться.

Вечером мама рассказывала, как она ходила к директору школы, заступалась за сына. Говорила, что разнесёт эту несправедливую школу по кирпичику, а старую каргу выгонит на пенсию, так как она не педагог, а изверг рода человеческого. Папа подсмеивался, слушая мамины угрозы.

— Нечего защищать её. Сходил бы и разобрался. Ты по скользющему графику работаешь.

— И разберусь. Мы с сыном не позволим издеваться над нами.

— Я сходила. Нашла общий язык. Мы — педагоги. Тебе это не понять.

— Папа, Лариса Васильевна не разрешала маме сесть, заставила её стоять весь урок.

— Что ты придумываешь? Я сама стояла, чтобы понять, что это за такой учитель, который не имеет ни грамма культуры. Я директору всё рассказала, как меня встретила Лариса. Он пообещал принять меры. Ты тоже должен учиться в школе, а не бегать по коридору. Получишь хоть одну тройку за полугодие, домой не приходи.

— Сынок, не переживай. Я в среду к тебе приду.

— Нет, папа, не приходи. Она опять будет злиться на меня и стучать линейкой. ...Нет. Не била меня, а Кольку Баранова об доску головой ударила два раза на чтении.

В школу Слава боялся ходить. После каждой тройки мама пила лекарство. Он очень радовался, когда получал высокие баллы, плакал, если появлялась «тройка». Плакал он в сарае, где с коровой и овечками, жил верный друг Трезор. Он слизывал с холодных щёк слезины и волновался всем своим собачьим телом, пытаясь хоть как-то успокоить мальчика.

Девочка Нина по-прежнему толкала его локтем, когда он писал, спрашивала, как лучше написать: «чёрствость или чёрсвость»? Он ничего не отвечал, но Лариса Васильевна, видя, как волнуется её внучка, делала замечание Славе Никодимову.

Перед каникулами в школе запахло хвоей и подарками. Это в актовом зале начали старшеклассники увешивать игрушками ёлку, а в учительской делили апельсины по серым бумажным мешочкам с нарисованными зелёными ветками и красной надписью: «С Новым 1976 годом!» Слава не радовался празднику. За полугодие у него одна тройка. Только теперь по русскому языку. Как он ни

старался получить пятёрку, ничего не выходило. Даже в субботу, когда болел и не был в школе, Лариса Васильевна за что-то поставила в дневник двойку. Он спросил — откуда возникла двойка?

— Учись хорошо, и не будет двоек. Много разговариваешь.

Слава смотрел на двойку и никак не мог вспомнить: — за что?

— Не плачь, — говорила Нина. — Ты, как девчонка нюни распустил. У меня только одна четвёрка и я ни капельки не расстраиваюсь. Бабушка ошиблась. Надо было поставить тебе не в субботу, а в пятницу.

— В пятницу я болел...

— Тогда в понедельник. Просто ошиблась. Она старая, вот и ошибается. Твоя мама не ходила бы и не жаловалась директору. Бабушку пошлют за пенсией теперь, и она не станет больше нас учить.

Дед Мороз стучал палкой, просил, чтобы ему глухому рассказывали громко стихотворения. Слава не стал рассказывать. Если глухой, то всеравно ничего не услышит. Он стоял в дверях, смотрел, как другим детям даёт наряженная пионервожатая конфеты и яблоки. Слава думал о маме. Ему жалко её. Она сказала, чтобы он домой не приходил, если получит, хоть одну тройку. Она это сказала давно. Всегда помнил эти слова. «Куда же идти? Если придёт домой, то мама обидится, и будет капли пить из коричневого пузырька. Их осталось очень мало. Ей может не хватить, тогда она заболит и умрёт, как тётя Алла из магазина игрушек и учебников.

Он сел на мягкий снег у дороги и задумался. Луна, как единственная игрушка на невидимой ёлке светила на тайгу, на посёлок, на дорогу. Мама утром опять будет ругаться, и называть папу страшным компрачикосом. Он хороший, но ни какой не компрачикос. Сегодня они не будут ругаться из-за него. Сегодня праздник. Самый лучший праздник.

СВЯТОЕ ЖЕЛАНИЕ

1.

К Сапожниковым нагрянули гости.

Приехали не то, чтобы неожиданно, ждали с весны, а за суетой, за осенними работами забыли, что сын обещал показать жену. Надеялись на телеграмму. Нина Даниловна, завидев почтарку, каждый день настойчиво напоминала, чтобы известие мимо не пронесла. В четверг, после обеда подкатила легковушка — такси, у палисадника встала, подняв пыль, качнувшись на амортизаторах. С пакетами и чемоданом вылезали усталые гости. Новость эта облетела деревню Круглые Копанцы за неполный час. Заявился младший сын Николай, который, отслужив положенное, мантулил на севере Томской области на лесозаготовках. Как выяснили любознательные соседки, длинных рублей не привёз, но прибыл с подарками, с молоденькой девчончишкой, из себя ладной, но с подпорченной фигуркой.

Когда в тёплую ночь ушли родственники, старший Сапожников, коренастый, сивоусый с широким кирпичного цвета лицом — налил в три стакана водку, шумнул на

просторную веранду жёну, устраивавшую в мансарде постель молодым.

— Мать, ступай на совет. Дим — ка!

Катя, устав от дороги и расспросов, хотела убирать посуду, но её остановила свекровь:

— Погодь, доча, чуток. Дед наш раздухарился чего-то, — сказала Нина Даниловна, рассматривая полные стаканы.

— Куда набузда! Им отдохнуть надо. У ребёнка завтра голова будет болеть от такой порции.

— Отдохнут. Что хочу сказать. Ждали мы вас. Письма писали. Дождались. Хочу спросить, как жить думаете? — Сапожников посмотрел на сына, потом на сноху, взял стакан...

— Утром на трезвые головы поговорите, — сказала Нина Даниловна, собирая вилки. И тебе хватит. Не двадцать лет. Всё думаешь, что молоденький, а вот пятьдесят стукнет.

— Утром на бригаду рано едем. — Сказал Дмитрий. — Комбайны опробовать надо.

— ...Как все, так и мы, — сказал, дёрнув голым плечом, Николай. Сине-зелёная майка туго обтягивала мускулистую выпуклую грудь. Взглянул заботливо на жену.

— Накушался тятя, поговорите завтра. ...Не должны уехать. Поздно.

— Кто ты, сын? Хлебороб? Или лесоруб? Спросил Пётр Иванович.

— Отец, давай напрямки, без вступлений, — вмешался Дмитрий. — Расскажи...

— Закругляйтесь, мужички. Катя устала. — Сказала сурово хозяйка, унося тарелки.

— Да, ну, вас. Ждали... их...

Задевая животом скатерть, полез из-за стола глава семьи, не прикоснувшись к своему стакану.

Когда молодые проснулись окончательно, на улице хозяйничал жаркий день. Лениво хлопали крыльями о воду в большом корыте утки, звонко закудаhtала курица, извещая мир о своём достижении, а в неглубоком, выцветшем за лето небе, хороводились голуби. Умывшись над раковиной алюминиевого умывальника, стоящего под яблоней у летней кухни, Катя с любопытством осмотрела просторный двор, копошащихся в пыли у сарая за сеткой кур, прошла к кухне, привлечённая жужжанием сепаратора, ручку которого крутил её Коля. Вниманием завладел яблоневоый сад. Красные и жёлтые яблоки оттягивали ветки, подпёртые рогатыми палками.

— Коля, так яблоки растут? — Муж продолжал крутить какую-то ручку, не обращая на неё внимания, будто родней её в этом мире для него нет.

— Заходи и рви.

— Ты обещал. Я не видела ни разу.

Николай вышел из кухни, открыл воротца в огуречник, где на грядках ещё посверкивала роса на ребристых плодах болгарского перца и на продолговатых коричневатых баклажанах. Сизоватые капустные головы дремали, не желая просыпаться, хранили свою ночную сонливость, а из-под резных листьев хитро выглядывали белошипые и чёрношипые продолговатые огурчики. Расстеленными половиками зеленели гряды чеснока и моркови. К ровным кольям приторочены белыми и жёлтыми тряпичными лентами кусты помидоров. Катя рассматривала зреющие томаты. Её мама обирала их зелёными, так не успевали по-

краснеть до заморозков. Разные сорта высадила Нина Даниловна; словно на бал собрались, — сливовидные, мясистые — бычье сердце, крохотные, похожие на мелкие яблочки-дички. Среди листьев можно видеть красные, оранжевые, жёлтые и чёрные плоды. Они спели, лопались, обнажая красную мякоть с белыми краями, словно присыпанные сахаром. Коля рассказывал, как мама ухаживает за рассадой, как укрывает на зиму виноград, который появился в селе недавно, каких-то лет десять. Катя слушала, рассматривала ещё зеленые пики чеснока, начавшие желтеть стебли лука, удивлялась огромным продолговатым кабачкам и дыням, полосатым арбузам и тыквам. Вдруг с радостным воплем подбежала к яблоне — полукультурке, сорвала красный плод, надкусила. Растерянно посмотрел на мужа.

— Что случилось? Зуб?

— Не понимаю...

Сапожников выбрал несколько крупных плодов.

— Это Мелба, Антоновка, Феникс Алтайский. — От каждого откусывала Катя, жевала и смотрела на Николая

— Они какие-то у вас безвкусные. — Колька откусил от яблока, пожевал, посмотрел на жену.

— Отличное. Антоновка. Сладкое. Попробуй.

— И это такое, — огорчённо проговорила Екатерина. Сапожников дёрнул плечом, непонимающе посмотрел на жену и предложил:

— Дыню или арбуз?

— Арбуз, — расстроено сказала Катенька.

Они сели в прохладной беседке, которую укрывали от солнца широколистные лианы винограда. Сорвав зелёную виноградину, она пожевала её и выплюнула.

— Сладкий. Вчера ели. Алёшенькин, а это Кардинал, чёрный, тёмно-фиолетовый, Изабелла, ещё кисловат. Винный сорт. — Коля разрезал арбуз, который от прикосновения ножа лопался до середины, а Катя внимательно следила за его руками. Ей казалось, что он нарочно тянет время, чтобы помучить её. Подрагивающей рукой взяла, исходящий соком пласт, и, не съев половины, сказала:

— Очень хотела, а теперь не нравится. Почему такое? — удивлялась она.

— Не переживай, — сказала Нина Даниловна, накладывая в миску сметану. Она уже побывала на птичнике, где работала на инкубаторе, отпросилась по случаю приезда гостей. — У меня так было. Ела только яблоки, когда Димой ходила. А тогда — какие фрукты? Это сейчас свои садики развели, посёлок строили. Целину поднимали, распахивали пустые земли. Не ты первая, не ты последняя.

До обеда Сапожников возился со старым мотоциклом, которым премировали отца много лет назад. Промыл карбюратор, накачал шины, натянул и смазал цепь. Предстояло проверить воздухофильтр, слить масло и остатки бензина, который он заливал перед уходом в армию. Служил в танковых войсках. После окончания школы — одиннадцатилетки, получил удостоверение водителя третьего класса, по рекомендации брата поступил в профессионально-техническое училище, что располагалось в соседнем селе Мосты. Получил специальность тракториста-машиниста широкого профиля. Сдавал экзамены в Алтайский политехнический институт, но не прошёл конкурс. Осенью молотил пшеницу с отцом на комбайне. На стареньком Т-4 до белых мух пахал зябь. Зимой работал в ремонтной мас-

терской токарем, так как трактор его списали. Весной призвали на службу.

В Верхнекетский район после увольнения в запас поехал с другом из Молдавии, который решил заработать лес на дом. Друг уехал, а Сапожникова, как опытного тракториста, выбрали парни бригадиром валочно-трелёвочного звена. Так и остался в Ингузетском леспромхозе. Работал на трелёвочнике, жил в общежитии. В небольшой комнате прописалось почти всё молодёжное звено. Заработки хорошие, вполне можно скопить на автомобиль. Но главной причиной, задержавшей его, была Катенька; её глаза, её губы и мягкий голосок, который стал ему сниться. Девушка работала учётчиком на нижнем складе. Это место, где на площадках разделявают на сортименты сосновые стволы, которые несколько бригад, в том числе и Сапожникова, валят, трелюют и грузят на лесовозы. Она училась в вечерней школе, пела на вечерах отдыха, которые устраивала себе молодёжь. Николай прилично играл на гитаре. И его затагнули в инструментальный ансамбль. Он не сопротивлялся. В ансамбле пела Катя. Ездили на смотры художественной самодеятельности в райцентр, вместе участвовали в спортивных олимпиадах, бегая на лыжах на дальние дистанции. Катюша оказалась ещё и прекрасной спортсменкой. Волейбольная команда из Ингузетского леспромхоза постоянно в призёрах.

Мотоцикл не хотел заводиться. Николай сменил свечу, выставил зажигание. Потолкал по улице мотоцикл. Двигатель чихнул, выплюнув большое облачко дыма. Сапожникову не нравилось, когда техника не желала ему подчиняться. Он вывернул свечу и решил проверить ком-

прессию. «Работал же до армии, — размышлял Николай. — Может, Дмитрий на нём гонял?»»

— Мама, а кому мотоцикл давали? — спросил Николай. — Компрессии совсем нет. Кольца сносились.

— Отец на бригаду ездил в прошлом году с Димкой. У него машина в ремонте стояла. Перекрашивал. Вы пешком ходите на пруд. ...Крючки твои видела, когда весной перед паской белила.

Накупавшись, поймав десяток карасей, Коля и Катя вернулись домой. Прошло стадо, в парном воздухе резко запахло полынью и парным молоком, перепёлки затеяли за древней вечернюю перекличку. Со стороны парка донеслась музыка, созывающая молодёжь на дискотеку.

— Отец не приезжал? — спросил Николай, оделяя черно-белого котика уловом. Что он хотел вчера сказать? Обиделся, ушёл. Мог бы утром разбудить...

— Сейчас в отцовой бригаде варят. Дом в прошлом году построили, что твоё правление, только один этаж. Там спальня есть и конторка бригадира. Электрические плиты в кухне установили. В красном уголке, — телевизор, в спальне — новые кровати и матрацы. Съезди и посмотри. Теперь отца раньше часа не жди. Могут и заночевать, если рожь начнут косить.

— Перемены шикарные. У нас тоже появились новые вагончики-столовые. Отдыхать некогда. Телевизоров в посёлке нет. Сами себя развлекаем. Наш ансамбль первое место занял. Катя получила приз за песню. «Как провожают теплоходы, совсем не так...», — Николай попытался запеть, но жена остановила:

— Коля, пела я не лучше других девочек. Всем призы давали.

— А в волейбол, знаешь, мама, как играет. Не смотри, что маленькая, а резанёт, так, очко.

— Зачем хвастаться. Тонька Ржавина — вот кто режет, любые мячи принимает, у меня не всегда получается.

Кончилось кино. Прошла программа «Время», диктор объявил, что передачи первой программы закончены, а Сапожникова старшего не было.

— Косить начали рожь, — авторитетно сказала Нина Даниловна. — Теперь отца дома не увидим. Разве, что дождь ливанёт хороший. По прогнозу сентябрь будет сухим. Хорошо бы погода постояла. Завтра будем помидоры мариновать. Огурцов и на вашу долю можно посолить. Не желтеют в этом году.

2.

Рано утром Катя разбудила Николая, умоляюще проговорила:

— Коля, воды хочу.

Сапожников вскочил, как по тревоге, намереваясь спуститься по лестнице в кухню.

— Я хочу из Холодного ключа. Помнишь, папа возил на рыбалку?

Колька помнил тот ключ, помнил его ледяную воду, от которой у него минут пять ломило зубы. Вода была изумительно вкусна, и даже пахла травами, а, может, это показалось. Ключ бил из невысокого обрывчика. Кто-то недавно соорудил сруб, жёлоб, по которому стекала стеклянная струя. Они подставили котелок, и она бархатно зажурчала, наполняя его волшебной влагой. Катя не хотела класть в котелок плиточный чай, говоря, что и так вкусно.

— Где же взять? — задумчиво спросил Сапожников. Ключ в тайге, а тут никаких родников нет. — А если из

колодца? На огороде есть колодец старый, в нём очень мягкая вода.

— Хочу, чтобы хвоинки на дне лежали. Ты помнишь? Так хочется, Коль...

Заметив страдальческое выражение на лице жены, Сапожников не удержался и закрылся подушкой, сдерживая смех.

— Тебе смешно, а я хочу воды, — жалобно произнесла Катя, не замечая, что бретелька ночной рубашки свалилась с левого плеча. — Чего смотришь? Какой... — замахнулась на Николая; её вздёрнутые губки кривились словно у капризной девочки. Такой трогательно-беспомощной ещё не видел жену. И это «какой», произнесённое не то в шутку, не то всерьёз, вывело его из равновесия. Сапожников рассмеялся от нестерпимого горячего счастья.

— Ты, как малышка. Из-за пустяка губы дуешь. — Отняв у Кати одеяло, которое она прижимала к себе, повалил на большие подушки в оранжевых цветах и начал осторожно целовать, приговаривая:

— Кто нашу Катеньку обидел? На кого Катенька сердится? — увидел в уголках глаз выступившие слезинки, тихо отстранился, встал на колени. — Правда, хочешь?

Катя на секунду закрыла глаза, виновато улыбнулась. Отметив, какие у жены удивительно-длинные ресницы, вскочил, начал одеваться, будто дневальный подал команду «подъём!»

— Лежи и жди. Через час привезу воду. Настоящую. Родниковую.

— Далеко в такую рань? — удивилась Нина Даниловна, процеживая молоко. — Что вам сварить?

— Понимаешь, мама, Катя воды захотела из родника. Как — то в тайге пили. А у нас, ничего подходящего, хотя думаю...

Старая Колькина мать улыбнулась, глядя на озабоченного сына, налила в кружку парное молоко.

— Пей, любил в детстве. У тебя кружка была дедова солдатская. Никому не давал. Даже, когда подрос, только из неё пил.

— Отвык. Не хочу.

— Митькой ходила, захотела дыню. Кажется, дома где-то лежит дыня. На улицу выйду — блазнится. Как раз весна была. Надо огород садить, грядки делать. Отец в бригаде. Посевная. Какая тут дыня. ...Найти надо. Старые люди говорят, что это святое желание. Его грех не исполнить. Съезди к горам. Там есть родники. Я видела, когда в Черногорск ездили на ярмарку.

— Мотоцикл не заводится. — Сел на скамью у печи Сапожников.

— У Дмитрия новые «Жигули». В прошлом году опять поменял. Новейшая модель.

В кухню вошла Катя. Вид у неё был просто страдальческим. Колька вскочил, приобнял её.

— Жди. Скоро привезу настоящей родниковой воды. С хвоинками. Мама, у нас термос.... Не разбился?

Положив суповой термос в рыбацкий рюкзак, Колька вышел за калитку. И припомнился ему тот вечер, когда Катя сказала, что у них будет малыш.

3.

Весной в леспромхозе формировался летучий лесопункт — вахтовая комплексная бригада. Она работала в труднодоступных делянах, куда до весеннего половодья

перегоняли трелёвочники, завозили горючее. Этот временный лесопункт состоял в основном из молодёжи, не обременённой ни хозяйством, ни малыми детьми. Парни и девушки жили в старом брусовом бараке, в котором — столовая, две спальные комнаты. Свободного времени было мало, но успевали белой ночью поиграть в волейбол, порыбачить. На выходные за лесорубами приходил катер.

Катин отец работал на трелёвочнике, как и Николай. Трелевали хлысты прямо на разделочные площадки, а потом кряжевали на сортименты. Катя работала десятником. Курилов попросился в Алипку не, потому что заработок был там отменный, потому что хотел научить зятя ставить сети, управлять подвесным лодочным мотором и многому другому, что нужно уметь и знать, когда живёшь в таёжном посёлке. Выросший на солнечной алтайской земле, Сапожников и реки настоящей не видел, а как растут кедровые орехи, представление имел приблизительное, можно сказать, смутное. Вспоминались Николаю бескрайние степи, расчерченные лесополосами, волнующиеся под ветром пшеничные колосья. Пристрастившись к рыбалке и охоте, нечаянно стал забывать, что когда-то работал у отца помощником на комбайне, самостоятельно пахал зябь. Понемногу стиралась из памяти лицо девочки Веры. Она писала ему в армию смешные, но трогательные письма, которые долго берёг, а на втором году службы расстался с ними, как расстаются со старыми сапогами, когда приходит конец срока носки, а старшина приносит новую обувь.

Нравилась Николке раскатившаяся по тайге полая вода, белокипенные от цветущих черёмух обрывистые берега рек и речушек, по которым таскал его тесть, показывая, где волока на рыбные озёра, где растут кедры, где сплет

малина и черника, брусника и клюква. А больше всего на свете ему нравилась Катенька; её походка, маленькие умелые руки и глаза — лучистые, блестящие, но не серые и даже не голубые, а какие — то такие, что и слов нет, чтобы рассказать о них. Иногда он думает о жене и завидует себе. «А если бы не приехал сюда, если бы друг не затащил его в эти таёжные дебри, как я жил, не встретив её, самую единственную на всём белом свете».

Однажды короткой белой ночью, лёжа под марлевым пологом, защищающим от настырных комаров, Сапожников сказал:

— Давай, Катюша, на очередь встанем. «Москвич» купим.

— Куда ездить? Дороги у нас только на верхний склад, ну и на пристань. На охоту и за шишками на лесовозах ездите с отцом. Это у вас дороги во все стороны и фрукты растут разные.

— Обыкновенные яблоки. Есть сливы и вишни.

— Коля, страшно люблю яблоки. Поедем к вам.

— Завтра?

— Я серьёзно говорю. Так хочется яблоко сорвать. Скорей бы тебе отпуск давали. Очень на Алтай хочется.

Белая северная ночь важно скользила над широкой просторной тайгой, над посёлками лесозаготовителей и сплавщиков. Её тонкие крылья, украшенные блёстками звёзд, незримо колыхались, обдавая землю прохладой и слезами росы. На успокоившейся и уставшей Кети гулко рвал тишину звуком двигателя трудяга плотовод — буксир. Он кружился почти на одном месте, разматывая извилистые повороты старой реки. Со стороны склада ГСМ вскинулся крик филина.

— Ты не спишь? — как-то с придыханием спросила Катя.

— Сплю. Весь уснул.

— Всё шутишь. А я тебе хочу сказать... — Катя сбросила ногами одеяло и несколько секунд молчала. Он не видел, что она смотрит на свой живот.

— Мне кажется, что я уже третий день... что я стала беременной.

— Это и вполне прилично, — произнёс наигранно Сапожников, не зная радоваться ему или печалиться. Неожиданным было сообщение жены. Он вполне сознавал, что у двух человек могут возникнуть перемены в семейном положении, и они могут стать родителями, какого —нибудь малыша, который станет расти, учиться ходить и разговаривать.

— Правда, Коля. Посмотри, заметно.

— Это же здорово. Будет у нас карапузик.

— Тебе кого хочется? Только не обманывай, — радостно проговорила Катя, приподнимаясь на локте. — Ты хочешь мальчика или не мальчика?

— Хоть кого. Не думал ещё.

— Почему тебе всеравно? — неожиданно обиделась Катя. — Ты меня перестал любить?

— Ни капельки, — Сапожников обнял худенькое тельце жены и тихо поцеловал в грустные губы. — Роди нам сына, потом дочку, потом ещё...

— Столько много, — задохнувшись, радостно сказала Катюша. — Я ещё не умею.

4.

— Ты чо один? Где, Катюша? — спросил Дмитрий, прицепляя собаку к столбу. — Я — приехал за ремнём. Порвался у отца на жатке. Далеко наострился?

— Такое дело, — начал Николай.

— Заходи. Будем завтракать. Иринка в школе с пер-вокласниками. Ей — к десяти. Посмотри, какие у меня лисы. Решил заняться. Выгодны чернобурки.

Братья поднялись по ступеням высокого крыльца. На веранде стояла газовая плита. Жена Дмитрия, что — то мешала в большой кастрюле. Николай поздоровался.

— Садись, рассказывай.

Николай рассказал о цели прихода. Посмотрел на брата, на Ирину.

— Где такой родник найти? — К горам смотайтесь.

— Ближний свет. Колесо заднее на ладан дышит. В бригаду надо. Отец ждёт.

— Не дышит! — вскинулась Ирина. — Езжайте.

Лицо Дмитрия скривилось. Он скучающе посмотрел на стол, где стояла тарелка с крошкой, блюдо с обжаренным в духовке кроликом, глубокая миска с помидорным салатом. Нарезая самопечёный каравай хлеба, Дмитрий равнодушно сказал:

— Чего ты кричишь? Говорю, что колесо ненадёжное.

— Хоть бы одного заставить. Узнал бы и другим рассказал. Выводи машину, — приказала Ирина.

— Как будто не понимаю. Не могу я, понимаешь. Рожь косим с отцом. Время. Пока мы двое, нужно успевать. И норма пока маленькая, а расценки подходящие.

— Я сама поеду.

— Я не против. Езжай. Только не гони по асфальту. Вопрос решён. Садись, брат.

— Вы уж извините, Захотела Катюша воды. Просто, как больная.

— Садись. Попробуй наше изделие. Нечего извиняться.

...Автомобиль вынесся за околицу и попылил вдоль лесополосы.

— Можно по трассе, но асфальт весь в ямах. Тракторами поломали.

Николая рассматривал разросшиеся берёзы. Кажется, совсем недавно он с друзьями прятался в тенистых зарослях, когда играли в прятки, когда курили. В открытое окно втекала упругая прохладная струя воздуха, ещё утреннему свежая, но пахнувшая сухой землёй и спеющей пшеницей, которая волновалась широкими полосами, просматриваемая между кряжистыми стволами берёз. В некоторых клетках пшеница поспела, клонились полные колосья, но попадали поля ещё зелёные, готовые спеть, наливаясь силой.

— Шикарно живёте. Новый дом, новая машинка.

— ...все достижения, — невесело улыбнулась Ира.

— Ты возмужал. Почему редко писал?

— Что писать. Приехали вот...

— Укатил в лес, и про мать забыл. Изождалась. Почтальонку за руку ловила, выпрашивала письма...

— Решили с ребятами на костюмы заработать, на мир посмотреть...

— И женился. Вера тебя ждала. Спрашивала о тебе. Она в школе пионервожатой работает и учится заочно в педагогическом. ...И на танцы не ходила.

— Какая Верка? — притворно удивился Колька, поджимая губы.

— А то не знаешь?

— Малолетка, в девятый ходила. Несерьёзно у неё было... Ребёнок.

— Первая невеста. Красавица, умница.

Кончилась граница района. Ям и ухабов стало меньше. Появилась разметка. Редкие грузовики с брезентовыми пологами уже везли на элеватор озимую рожь. Встретился рейсовый автобус из городка.

— Вы, наверное, с Димкой путешествуете?

— Он своих кроликов и пчёлку отцу родному не доверяет. Каждый выходной на базаре торгуемся за двадцать копеек. Такие наши регулярные путешествия.

Сапожников привычно посматривал на приборы. «Прилично скорость набирает. Нам бы купить такую таратайку, да нужно долго упираться, — подумал Коля, — «Жигули» только за первые места дают».

— Хорошо у тебя получается. ...Интересно, как вам удалось? Ну, купить?

— Дима скотину держал. У нас конкурс объявили — лучшему заготовителю автомобиль. Скотину выкормили, а потом Дима ещё прикупил в соседнем районе несколько голов. Старый отцов «Москвич» сменял на новый мотоцикл «Урал». Мотоцикл сменял на двух старых кобыл. Жили они у нас два месяца. Даже телега была. Люди видели, как он картошку возил с поля. Комбинатор наш Дима. Ничего не скажешь. Вот таким путём мы стали победителями. Своих свиней сдали. Семь штук было. Ходил он за ними, как за малыши...

— Мама что-то писала о том, что он подсобное хозяйство развёл. Специально ушёл из «Сельхозтехники» в «пожарку». Теперь понятно.

— Что ж тебе понятно? Семь лет живём, а детей нет. Димка говорит, что без них спокойней. Никто не портит мебель, не рисует на обоях. Говорит, что времени больше свободного. Дом этот построил. Второй! Почти всё сам. Мне даже штукатурить не разрешал. Что мне в нём — догонялки устраивать. Не с кем. Соседи, как в музей ходят. Отпуск берёт и монтирует с дружками мехтока. Комбикормовый завод построили, а всё оборудование он установил с другом. В соседний район ездил прошлым летом. Началась уборка, а он в Сорочьем Логу запускал оборудование пекарни. Приехал худющий, как мартовский кот. Поняла, ночами вкалывал, чтобы отца не подвести. Посмотри на его руки. В шрамах, в мозолях, кажется, что ревматизм у него, но молчит. Во сне стонет. Днём улыбается. Говорю, чтоб остановился, всех денег не заработаешь. Он отвечает, что ему все и не нужны, а чтобы хватало. У меня колец и кулонов, перстней и цепочек, — полная шкатулка. Обижается, если забуду на вечер украсить. — Ирина замолчала, и минут десять ехали, слушая песни Марины Журавлёвой.

Николай думал о брате. Он всегда был для него примером. Учил ремонтировать велосипед, помогал разобраться в двигателе мотопилы. В седьмом классе Колька попытался сделать аэросани. Брат работал механиком, начав с токарного станка трудовую школу после восьмилетки. Строил первый дом, заочно учился в институте, но находил время, чтобы показать, как нужно держать ножовку,

как работать зубилом. И даже электросварку помог освоить брат.

— Он и прививки делает своим лисам. У кур свет включается автоматически и пшеница кормушки заполняется. Для кого мне жить? Вот ты сегодня прибежал, Катя воды хочет родниковой. Мне всю жизнь куковать в этих хоромах? У всех дети, а у нас кролики и рубрики. Вчера опять говорили о детях. Знаешь, что выдал? Если появится ребёнок, говорит, то мне придётся с ним сидеть два года, я потеряю зарплату. Все посчитал. В магазине покупаем только спички, сахар и соль. Газохранилище начал делать, чтобы свой газ получать. Ветряк видел? Сконструировал. Электричество у нас своё.

Ирина включила поворот, обошла молоковоз и немного спокойнее продолжала:

— Как вы там? Квартира есть?

— Небольшая. Пока хватает. Осенью переедем из щитового дома в брусовой, двухквартирный. Обещали.

— Мама говорила, что ты там бригадир звена. О тебе в газетах пишут.

— Да. Больше насочиняют. Не враньё, но и правдой не назвать. На тракторе. Парни подобрались хорошие. Там всё другое. Если в клубе порвётся лента, то никто не свистит, а выйдут на улицу, покурят, пока механик восстановит свой аппарат. Мне сначала интересно было, а сейчас — привык.

— А у нас тут, как в джунглях. Топают, орут, визжат, а уж свистят, как ненормальные.

— Там у нас другие отношения. Многие до сих пор квартиры не запирают на замки. Подопрут палкой дверь.

Ясно — хозяева где-то тут, но дома их нет. У нас и собаки не лают. ...Потому. Охотничьи. Есть дворняжки. Гавкают.

— У Димы такие секретные запоры, что не каждый взломщик сможет войти в гараж или в курятник.

5.

Автомобиль выскользнул на мост через неширокий канал. Сапожников смотрел на далёкие синеватые горы. Они не хотели приближаться, хотя и казалось, до них рукой подать. Стоят на своих местах, словно поддразнивая неприступной строгостью. Некоторое время Сапожников думает о брате, который старается, чтобы жить не хуже людей, а вот жена считает себя несчастной. «Неужели только из-за того, что нет детей». Вдруг ему показалось, что поездка к горам пахнет фальшью. Привезут воду, попробует её Катя и опять скажет: «Так хотела, а теперь не хочу». Перетерпела бы... Вспомнил, какое выражение глаз было у Катюши, и устыдился своих мыслей. «Нужна ей родниковая вода, а если и не понравится, в этом не будет её вины. Неужели, Димка не думает о ребёнке? а может быть, боится ответственности? Не хочет делить Ирину с карапузиком, ведь тогда ей придётся всё время отдавать маленькому человеку, который беспомощен, которому нужны внимание и забота. Вырастет пацан у нас, на рыбалку поедем. Представилась Николаю широкая Кеть, жёлтые пески, высокие яры с обнажёнными корнями деревьев и белый теплоход, степенно появляющийся из-за поворота. На фоне таёжной зелени он покажется мальчугану сказочным чудом. От него расходятся усы — волны, громкая музыка вплетается в таёжные звуки. Великолепен в своём движении теплоход, строги его линии. А сын, его

сын, машет ручонкой, стоящим на палубах пассажирам. «Чей это паренёк? Будут спрашивать друг у друга пассажиры. «Как это, чей? Моего друга Кольки Сапожникова, — ответит Бориска Грачёв, возвращавшийся из турпоездки с женой».

«Жигули» резко встали, и Николай чуть не ударил головой лобовое стекло. Ирина уже стояла перед левым передним колесом.

— Не везёт. — Сокрушалась, пиная баллон носком босоножки. — Горы — рядом.

Светило из вылинявшей глубины небесной чаши круглое — прекруглое солнце. Два коршуна, раскинув крылья, планировали над степью, над горами и взгорками. Хилый ветерок не приносил прохлады, хотя было начало августа. Сапожников сноровисто орудовал баллонным ключом, срывая гайки, изредка посматривал на Ирину. Она стояла рядом на коленях, следила за работой, подсказывая, какую нужно делать операцию, будто Николаю никогда не приходилось менять колёс.

Запаска показалось Николаю слегка приспущенной, и он добыл из багажника насос. Ирина принесла манометр. Измерил давление. ... Николай подложил под задние колёса камни, принялся поднимать автомобиль домкратом...

— Останови, — попросил Ирину, когда проехали метров двести. — Нужно ещё подтянуть гайки. — Колька протёр тряпкой инструмент, разложил по местам, как было у брата. Ирина поливала ему на руки из капроновой канистры, подала полотенце.

— Откуда ты знаешь, что у него в аптечке сода и мыло? — удивилась она, рассматривая затылок и загорелую шею Сапожникова. — Вы так похожи, что и работаете

одинаково, и вообще я могла бы перепутать вас. Даже причёски... Странно. Три года не виделись, а ещё больше стали похожими.

— Братя, — улыбнулся, дёрнув плечом, Колька..

— Это хорошо, — задумчиво проговорила Ира. — Очень и очень хорошо.

6.

Набегают под машину дорога. Мелькают столбики перед мостом, стучат мелкие камни о днище. Вот и первый подъём, второй. Ели. Камни. Трава. Горы вновь отодвинулись, но сопки, поросшие пихтами и берёзами, подступили к дороге. Они уже съехали с трассы и направились к дальней деревушке, окружённой редкими берёзами. Вдалеке просматривались поля и ползающие комбайны, окутанные пыльной завесой.

— Знаю это место, — сказала Ирина, показывая рукой, куда нужно повернуть. — Привал тут делали недалеко, когда в поход ходили в восьмом классе. Николай осторожно вёл автомобиль по заросшей травой старой дороге. Высокие стебли с синими цветами задевали автомобиль. Женщина поправила короткую причёску, оценивающе посмотрела на спутника и приказала остановиться. Николая продолжал ехать, что-то высматривая впереди. Остановил автомобиль, вышел, сделал несколько шагов. Ирина шла за ним.

— Вон там есть полянка, а недалеко должен быть родник.

Обследовав подъезд, отбросил в сторону две коряги, Николай сел в машину. Развернувшись, взял термос и пошёл вслед за спутницей, пытаясь угадать, где может нахо-

даться ручей. Он его услышал, поспешил. Ирина шла навстречу, загадочно улыбаясь, словно сделала великое открытие.

— Вот он, — сказала, задевая Сапожникова плечом. Николай не обратил на это внимания; его взгляд оглаживал поляну, опушку пихтового леса, взбирающуюся по каменистому склону. Суковатая одинокая берёза посередине поляны выглядела неестественно среди пихтовой молодости. Ручей извивался среди трав и кустов акации тонкой верёвкой. Он бежал среди камней, вызывая привычную песню. Склон пологий и живописный. К нему и заторопился Сапожник, отвинчивая широкую крышку термоса.

Вода холодна и вкусна. Могла сравниться с той — из Холодного ключа, за Светлым озером. Пихтовый лесок молод и чист. Ещё не возникло буреломов, не видно гниющих старых стволов. Ручей образовывал небольшие промоины, булькал, перебираясь с камня на камень. Колька искал промоину, в которой могли быть опавшие хвоинки. Он уже налил в термос ледяной воды. Выбирал хвоинки, застрявшие в камнях. Рука замёрзла. Думал о Кате, о её странных вкусовых ощущениях. Она последние месяцы мечтательно представляла, как будет рвать яблоки, есть дыни, говорила Кольке, что даже во сне видит себя среди яблоневых деревьев, у которых белые берёзовые стволы. И вот всё ей кажется почему-то пресным и отвратительным. Николай пытается ободрить её, предлагая домашний сыр, мёд. Ему непонятно, отчего может такое случиться с человеком. Ему жалко свою милую добрую Катеньку. Нина Даниловна понимает её и сочувствует. Спокойно относится к желанию снохи, называя его почему-то святым.

Сапожников торопливо сбежал с каменистого склона к автомобилю, но Ирины в нём не оказалось. Поставил термос, закрыл распахнутый багажник. Замерзшая кисть горела. Он приготовился ехать, но Ирины не видно. Забеспокоился. Осмотрелся. Увидел в траве след. Торопливо пошёл. У небольшого камня ручей образовал озерцо. Старое кострища. На ветках берёзы покачивались выцветшие разноцветные ленты. Вот почему она показалась ему странной. На расстеленном брезенте лежала Ирина и загорала. Рядом с ней стояла сумка, одежда. Он боялся двинуться, полагая, что женщина устала и хочет отдохнуть. Её лицо закрывала синяя клетчатая косынка. Ему казалось, что видит картину, написанную большим мастером.

На серой брезентовой палатке лежит женщина, освещённая солнцем. Звучит ручей и хор птиц, прославляют осенний день бабьего лета. Он бы мог разбудить Ирину, сказав, что пора ехать, но почему-то не делал этого. Стоит среди стеблей травы, среди цветов, не может двинуться. Минут пять он стоял очарованный. Медленно начал обходить прямоугольник брезента, стараясь не смотреть на спящую. С мягким хрустом лопались сочные стебли, брызгал сок, вспрыгивали редкие кузнечики. Помимо его воли глаза гладили лежащее тело. Отворачивался, но не мог отвернуться. Голос Ирины оказался обвалом в горах, но говорила она тихо:

— Садись. Будем обедать. Что-то устала, — потянулась к сумке. — А ты как?

— Набрал, — с трудом произнёс Сапожников, усаживаясь на краю брезента. Ирина расстелила перед ним полотенце, принялась выкладывать на него пирожки, кролиное мясо, помидоры и литровую бутылку с чем — то

рубиновым. Её движение плавны и уверенны. А узкие полоски материи при этом открывали незагорелые места. Колькины глаза они слепили, он с трудом отводил их, но они, как компасная стрелка возвращались, не слушаясь.

— Здесь мы костёр жгли. А вон туда ходили целоваться с Димой. Это было в первый раз. Хлеб забыла в спешке, но есть пирожки. Что с тобой? — притворно спросила Ирина, прикладывая мягкую ладонь к его лбу. — Температура. Уж не простыл ли ты, мой Димочка. Ешь. О чём задумался? Не пойму. Ну — ка, ну — ка. — Она потянулась к его лбу и коснулась губами — Повышенная температура. Надо полечиться.

— Вроде нормально. Я воды принесу, — осевшим голосом сказал Сапожников, резко вставая. Время остановилось, а в висках стучали молоточки. «Я – не Дима, я...» Она понимала, что ему понятны её намерения. От этого становилось неловко и грустно.

— Может, выпьем немного вина. Оно слабое. Попробуй. Совсем ничего не ешь. О чём мечтает Дима младший? — Ирина прислонилась к его плечу. Он понял, что сейчас она заплачет. Эти слёзы могут сыграть непоправимую роль в дальнейшей его жизни. Он взял бутылку. Вино было отличным, с привкусом дыни, малины и смородины.

— Поставь, не пей. Я не буду, — Ирина обняла его и поцеловала дрожащими губами. — Что же я делаю? Ты не знаешь, что со мной? У меня поднялась температура. Пойду одеваться. Спасибо тебе, — женщина рассмеялась. Она резко придвинула его к себе. Они долго сидели, прижавшись, друг к другу, слушая, как тревожно стучат сердца. Он увидел в её глазах горькую усталость. Ему показалось, что это Катя смотрит на него.

— Поел? — Мы никого не будем обманывать. В первую очередь себя. Правда? Ты живи и помни. Мы не станем прятать глаз, нам нечего стыдиться и лгать. Мы честно будем смотреть всем в глаза.

— Ты очень умная, Ирина. Спасибо за экзамен.

— Мы вместе его сдавали... Я уйду от него.

7.

На ухабах сильно подбрасывало, на поворотах Сапожникова кренило в сторону Ирины, то прижимало к дверце. Николай не смотрел на спидометр, безразлично слушал Марину Журавлёву, которая пела о своих печалях, но у него не было никаких печалей, но отчего так грустно покидать горный родник. Он представлял зелёную траву, брезент и жену брата. Эта картина должна расплыться в памяти и стать туманной и далёкой. Когда это ещё будет, а вот сейчас он всё ещё слышит, как стучит её обожженное сердце.

Белёное облачко, напоминающее утюг, расплывалось над степью, превращаясь в кусок ваты. Настроение Николая стало странным. Он не мог сказать, грустно ему или весело. Разные мысли слоились в голове, и ни одна не была отчётливой и законченной, как тающее облако.

— А вон Митя с отцом косят, — неожиданно проговорила Ира. Вдалеке медленно шли, поднимая пыль, два красно-коричневых комбайна.

— Как ты узнала? — удивился Сапожников. Ему не хотелось никого видеть. Он приободрился, всматриваясь в идущие машины, в строчки валков.

— А нам дадите по глоточку, — улыбнулся пропылёнными губами Дмитрий, принимая сумку от жены. —

Рожь в этом году, как бамбук. Больше двух метров. Меня скрывает.

— У вас вода своя, а эта не вам. Там компот в бутылке, мясо, пироги.

— Шучу, — он обнял Ирину пыльными мазутными руками, прижал к себе. — Ты права. За твоей водой я тоже скоро поеду...

— Правда? — удивилась Ирина, всматриваясь в серые глаза мужа. Пыталась понять — шутит или нет. Решился? Наглядный пример подействовал. Младший брат опередил, а он отстал.

— Что нам стоит дом построить, — прищуривая глаз, но повернувшись к Николаю, сказал: — Помнишь, как комбайн в лесополосу загнал? ...Таёжник. И сейчас заго-нишь...

— Когда это было? В третьем классе.

Пока отец и брат ели, Колька подошёл к комбайну, руки уверенно вскинули его к рулевому колесу. Только несколько секунд волновался, включая передачу. Отжал педаль сцепления, опустил ручку газа на бункере. Это проделал машинально. Удивился самому себе. Помчались ленты на жатке. Дмитрий что-то кричал. Сделал несколько шагов, но махнул рукой и радостно, кинулся к машине отца. Николай следил, как тяжело уходят в окно жатки колосья. Дёрнул рычаг понижения оборотов вниз. Тогда понял, что ему пытался говорить брат. «Нужно переключиться на пониженную передачу».

К краю поля подъехал отец с Ириной. Колька спустился по лесенке на землю, взглянул в сияющее лицо брата, остановившего свой комбайн на дороге.

— Не забыл. Молодец. На второй не тянет, можно порвать нож. Хотя и жатки скоростные, проволоку перерезают, но такая рожь, — Дмитрий развел руками. Сапожников старший восхищённо смотрел на младшего сына. Понимая, что никуда тот не денется. Раззадорил его Дмитрий.

— Завтра я приеду на бригаду.

— Чего делать? — лукаво спросил Дмитрий.

— Мне тоже комбайн берите у бригадира. Звено делаем.

— Ну да. И Катюшку в штурвальные возьмёшь?

— Нет, Дима, я пойду с вами.

— Это ты напрасно, Иринка. Дома работы — выше крыши.

— Я же косила. Вспомни. — На этот раз Ирина начала взбираться по вертикальной лесенке. За ней бросился Дмитрий.

— А ты езжай домой. Полями. Через бригаду. Сказал Степан Петрович сыну.

— Папа. У меня удостоверение водительское есть. Мы на очередь встали, будем «Москвича» брать с Катей. Езжай домой, а мы — поработаем. Поговори с бригадиром насчёт комбайна. ... Два месяца отпуск. Уберём всё, что с Димкой насеяли.

— Не женское дело, доча, на комбайне трястись.

— Пусть прокатится. — Сказал Димка. — Вместе на курсы когда-то ходили.

Сделав два круга, Ирина поняла, что свёкор прав. Была бы кабина у старого комбайна. В лицо летит пыль и пушинки семян осота. Одна такая колючка залетела в глаз.

Подъехал автозаправщик, и она с воспалённым глазом отправилась домой.

До полуночи братья косили. Остановились раз. Ходовой ремень порвался у комбайна Дмитрия. Быстро заменили. У запасливого Сапожникова в бункере — склад ремней, цепей и подшипников. Закрутились мотовила, побежали ленты с тяжелыми колосьями, потянулись за комбайнами пушистые валки ржи. Но выпала роса и ремни стали буксовать. Дмитрий остановился у края поля, дождал Николая, поднял жатку. При свете фар, приехали на полевой стан. Их встретил бригадир Нелюбов Алексей Павлович, пригласил в баню.

— Мы — домой. — Сказал Дмитрий.

— Мойте руки, — раздался голос Ирины. Пыль отрясите. Чехлы недавно стирала. Сколько вас ждать?

— Лис накормила, Иринка?

— Выпустила твоих хищниц в бор. Пусть сами корм добывают.

Неожиданно у домика с умывальниками и душем возник Сапожников старший. Поставил у «Жигулей» металлический чемоданчик с ключами и головками, показал бригадиру большую гайку..

— От вариатора, — сказал Алексей Павлович. — Резьба сбита? Завтра выточим, ясное море. Когда успели свинтить. Комбайн ваш был готов...

— Павлыч, не гоношись. — Вздохнул Степан Петрович, вытирая лицо. — Есть в загашнике. Поищу дома. Значит, получилось. Я тебе обещал, что комбайн стоять не будет.

Братья мыли руки с каустической содой. Николай взял из разорванного бумажного мешка пригоршню бело-

го порошка, растирая между пальцами, почувствовал привычно тепло, и начал смывать грязь.

— Теперь мы им покажем.

— Кому? — удивился Николай, снимая отцовскую спецовку.

— Вызвало нас на соревнование звено из колхоза имени Чапаева. Мужик там у них есть занозистый. Три сына у него — малолетки; в Сростах учится один, а двое закончили. А мы с отцом не знаем, что и делать. Ждали тебя. Тебя — нет. Ответ давать надо.

— Замолотил, — сказала снисходительно Ирина. — Заговорщики...

— Отец не говорит прямо. Боится тебя обидеть. На слёте передовиков в прошлом году этот Бабкин при всех хвастался, что утрёт нос Сапожниковым, обскачет всех. Звеньевая работа у нас. Соревнование. В газете натрепался. Я звонил ему. Он отнекивается, говорит, что наплели писаки из газеты. Опровержение писать не хочет.

— Вот почему отец спрашивал: «кто ты и кто ты?» Откуда я знал, — вытирал руки грязным полотенцем Колька.

— Возьмите чистое, — подошла Ирина. — Все полотенца угваздали. Они тебе, Коленька и комбайн расконсервировали. На нём отец работал в прошлом году, а в эту уборочную они с Димкой собрали из утиля ещё один комбайн. Резервный...

— На косовицу пойдёт. Двигатель новый, коробка из ремонта. Короче говоря, братуха, готовились. Дело только за тобой. Иринка помогать будет нам. Возьмём штурвальной, чтобы при случае могла запасным комбайном управлять, когда кто-то встанет.

— Обрадовались. Сейчас. Разбежалась. Прокатилась и поняла, что не моё это дело — пылью дышать. В сентябре надо детей учить истории. Не получится.

— Мужики вчера после обеда начали подначивать деда, дескать, у Кольки кишка тонка, он только и может комбайны по лесополосам гонять. Боитесь, мол, Бабкиных, поэтому и ответ им не даёте.

— Кто их боится? — понимая, что брат шутит, не утерпел Колька.

— Вот и я отцу говорил. Скажи, Иринка, не вру ни центнера. Приедет Николай на трелевочнике, так мы им пяточки подрежем, мы им дадим ответ.

За ужином Сапожников старший поставил на стол свой недопитый стакан с водкой, разделил содержимое между братьями и Ниной Даниловной.

— Я и так пьян от радости. В тот вечер обидел вас. Думал, что в посёлке вашем по асфальту ходят.

— Не виляй, дед, всё ты знал, что сын тракторист, что неплохой тракторист. Мне дочка показала газеты. Смотри. Гордись. С каким-то Бабкиным тут взялись перебраниваться... Он зимой и летом в тракторе.

Коля подливал Кате в фужер воду из термоса. Смотрел на жену, и радовался — родниковая вода ей нравилась. Похоже, и у брата наметились перемены.

Проснулся Сапожников от неясной тревоги. Катя вдруг захныкала.

— Ты, что? Болит где?

— Нет. Сон приснился неприятный. По маме соскучилась, поедem домой. Завтра...

— Ты, что, Катюша, мы же с Бабкиным будем соревноваться. Он нас вызвал. А может, тут останемся. Дом по-

строим свой, яблонь насадим, вишню и сливу разведём. Видела, какие арбузы у мамы. Я ж тебе ещё солёными арбузами не угощал. Забыл.

— Они какие?

— Тебе понравятся.

— Коль, а как там в горах? Я только в кино горы видела. — Она хотела сказать, что напрасно пила противную и безвкусную воду, но раздумала. Уж больно у всех была большая забота о ней. Радостно сверкали глаза Николая, когда наливал ей воду в фужер, а поэтому и пила, поэтому и улыбалась.

— В горах, как в горах, — ответил Сапожников, и ему представился брезент, зелёная трава и жена брата — Иринка. — А мы съездим. Ты всё увидишь сама.

— Я — поеду домой. Ты оставайся, воюй с Бабкиными, со Старухиными. Хочу домой. Мне скучно — полусмешливо говорила Катя.

— Отпуск у нас не кончился. Я своих четыре года не видел. Понимаешь? Давай, завтра обсудим это.

— Давай. Только ты не смотри на неё так.

— На кого?

— На Иру Димкину.

— Ну, ты даёшь, Катюшка, — усмехнулся Колька и крепко обнял жену. — Лучше тебя на свете ещё никого нет. — Помолчав секунду, добавил: — И никогда не будет.

В ОСЕННИЙ ДЕНЬ

Прасковья Семёновна Ломакина не умела просить. За свою одинокую жизнь одолевала просьбами соседок пять-шесть раз, а к начальству никогда не обращалась. Или ха-

рактёр у неё сложился такой, или она считала, что просьбами унижает себя. Иные товарки из горла вынут, а своего добьются. Говорили, ободряя, сходи, в лоб не дадут. Обязаны помогать пенсионерам.

Отлетели блистательные погожие деньки. Ласково заморосили бархатные дожди над селом Круглые Копанцы, что вытянулось улицами вдоль ленточного бора. Забот меньше, а ночи длиннее. Картошки выкопаны. В погребе на полках выстроились банки с капустой и помидорами, грибами и огурцами. Хорошо уродила морковь, а чёрная редька выросла не крупная, но гладкая и плотная. Когда приходит Василий Фёдорович, она шинкует её на тонкие ломтики, солит и поливает душистым растительным маслом из колхозной давилки. Любит зять редьку. За стол не садится без этого блюда, говоря, что овощ не только силу придаёт, но и органы всякие внутри и снаружи надёжно омолаживает. А вот её родители почитали тыкву царицей стола и огорода она была. Её парили, сушили. Лечились, прикладывая к ушибам и вывихам, компот варили из сухой красавицы и в пироги рубили. Матрёна Семёновна Ломакина придерживается заведённой традиции; ещё и салаты делает из любимого овоща, в борщ добавляет, но особенное, по словам зятя, вино у неё получается из тыквы. Некоторые банки по семь лет выстояли, а ни вкуса, ни крепости не потеряли.

В суровые послепраздничные дни, Василий Фёдорович утром рано заезжает к ней, чтобы освежиться тыквенным коньяком, а уж потом спешит заниматься ветеринарскими заботами. С понятием человек. Другой бы глотнул спирту, ведь его в аптеке ветеринарной в канистрах хранят. Нет же, заедет к теще, спросит о здоровье, о разных

крестьянских проблемах. Но даже ему Прасковья Семёновна не смогла открыться, выразив словами свою думку, которая занозой колет её душу. Он главный в районе по здоровью животных. Ходят слухи по селу, будто бы он ещё и у врачей больничных хлеб отнимает. Ей сказала соседка недавно, что Старуфанов — зять её — вылечил рак у скотника лошадиным лекарством. Врачи руками замахали и тут же признание сделали, что ошибка в краевой практике диагностической случилась. Никакого рака не было у Петрухина. Мужик и не спорит. Ошибка. Худеть перестал и мордочкой округлился. Почаще бы так ошибались. Он-то знает, как пил месяц вонючую приправу, составленную коровьим доктором, узнавшим по одному виду о его смертном диагнозе.

В ящике, пересыпанные песком, уложены некрупные желтые яблоки. К зиме они превратятся из деревянистых шаров в ароматные сочные плоды. Это лакомство ребятам. Прибегут с горки, заберутся на русскую печь, похрустят витаминами. Зять привёз и поколол дрова. Дочь и внуки стаскали в сарай по сухому. А уголь у неё остался с прошлой зимы. Но была ещё одна забота у Прасковьи Семёновны Ломакиной. Летом было как-то не до неё, хотя помнила о ней, и она не давала ей полного покоя. Приближающаяся зима придвинула эту заботу, которую припасала на последний план.

«Схожу сегодня. Сегодня же обязательно схожу, — думала старая женщина, закидывая завалинку своего маленького домика, построенного зятем, пять лет назад. Долго не мог понять, для чего ей понадобилось жильё, ведь есть изба, срубленная ещё родителями. В ней выросла. В ней начинали ходить братья и сёстры. Домик из брусьев,

высок, наличники простые, окрашенные голубой краской. Между рамами светят грозди рябины. Так делала бабушка, так делала мама, так делает она.

Чёрная податливая земля легко берётся на лопату, удобно укладывается у стены под самые окна. Сколько же осеней она бросает эту землю, утепляя избушку и дом, в котором никто не живёт. Верила, что вернётся Илья, возьмёт на руки дочь, которая родилась без него. Шли год за годом, росла Шурочка. Старился дом. Не вернулся.

Была весна. Шла война. Вызвал её председатель и сказал:

— Будешь кашеварить. О тебе говорят... Сейчас главное, честность. Время такое. — Словно продолжая тот дальний разговор с одноруким председателем Фёдором Панкратовичем, Прасковья Семёновна Ломакина прошептала:

— Нет, председатель, Федя, совсем нет, честность для меня в любое время — главное.

Варила тогда гороховый суп, гороховую кашу, гороховый кисель. Посевную вытянули на царе — горохе. — Невесело шутили женщины, пахавшие и сеявшие тогда колхозные поля. Даже сейчас, спустя сорок лет, ощущает запах разварившегося гороха, смешанного с дымом горячей в печке полыни, которой она топила кухню. Эти запахи приходят к ней и становятся подчас такими явственными, что кажется, в печи стоит чугунок с гороховой кашей.

Разбрызгивая, свежую грязь, проходят по улице редкие автомашины. Моторы гудят тяжело, ей кажется, что автомобили напрягают невидимые мускулы, когда преодолевают очередной ухаб. И в колхозе уборка закончилась с перевыполнением государственных планов и зада-

ний, взятых обязательств по сдаче зерна в далёкие закрома Родины. Об этом старушка узнала, слушая передачу районного радио. Раньше на каждой улице был колхоз. Восемь их организовали. Самарский колхоз назывался имени Чапаева. Просторную улицу построили заселенцы из Самарской губернии. Пришло время и стали называть улицу Октябрьской, словно название «Самарская» чем-то хуже, не достойней что ли. Колхозики слили в один. Теперь он называется «Алтай».

Сейчас что не работать, всё машинами. И заработки не сровнять с нашими. За палочки трудились день — деньской. Припоминает Прасковья Семёновна свои молодые годочки. Улетели они. Остались радикулит, ревматизм да пенсия в 32 рубля 72 копейки. Говорила почтальонка, что скоро прибавят, до сорока рублей дотянется пенсия. Зачем ей много, хватает на хлеб. Пока есть силы, за курицами и утками ходит. Телят выращивала до прошлого года. Шурочка запретила, сказав, что мяса ей купят, а бегать за животными, которые, идя из стада, пытаются пройти мимо калитки и погулять по чужим дворам, забрести в сквер, что разбили на месте старого кладбища, ей уже не по возрасту тяжко.

Скрежетнул под лопатой кусок шлака, хрустнул корешок. Черёмуху спилили лет восемь назад, засохла. Привёз прутик однажды Илья из бора, когда ездил за сосновой колючкой и шишками для растопки кизяков. Вот и выросло в палисаднике ветвистое деревце. Исходили терпким ароматом весной белокипенные цветущие ветви, радовало осенью чёрными сочными ягодками. И дерево устало жить, — вздохнула старая женщина, вытирая концом

платка слезящиеся от пронзительного ветерка выцветшие от жизни, когда-то голубые глаза.

Белое бескрайнее строгое поле. Оно развернулось перед глазами, выплыв из дальнего уголка услужливой памяти Прасковьи Семёновны эдаким волшебным ковром. Шла осень победного года. Снег выпал неожиданно, засыпав за ночь колхозные поля. Под пушистой периной оказались тридцать пять гектаров недоубранной сахарной свёклы. Новый председатель был молод и ещё ездил верхом на мерине по полям. Она помнит его растерянные глаза. Говорили, что у него два ордена за разведку в тылу немцев. Геройский парень, а снегу испугался. Не снег его страшил, а то, что он мог расстаться и с орденами и с партийной книжкой, и вообще, в таких случаях церемонились мало тогда. Увозили человека тяжелоглазые уполномоченные и забывали его навсегда.

Она помнит собрание в красном уголке. Курили махорку и матерились бывшие фронтовики. Партийный секретарь недолго выступал, умолял всех принять участие в копке свёклы, а коммунистам приказал, чтобы не смели показывать упаднический пример. Кто же мог знать, что зима прыгнет, как кошка с печи. Комсомолкой не была, родителей назвали «лишенцами», когда вернулись из ссылки, куда отправили по списку, а её и братьев, поэтому не пускали ни к клуб, ни в избу — читальню. В пионеры не захотели принимать, а в комсомол, и, говорить, нечего. Решила, что нельзя стоять в стороне. Ведь пахали и сеяли, пололи и продёргивали этот самый сладкий корень, не для того, чтоб его бросать под зиму? Она не сказалась больной, как это сделали многие женщины. Могла бы и не ходить, дочь у неё простыла, требовала внимания и заботы.

Оставила с бабушкой, старенькой и глухой, но надёжной и заботливой.

Брала тугие, подкопанные мужиками, корнеплоды, обрезала прибитую морозом ботву, тонкий, словно поросячий хвостик, конец. Сняла вязаные варежки. Приехал на поле и он, привёз флягу молока и хлеб. Поздоровался. Те послевоенные председатели ездили в ходках, знали, как идет сев и пахота. Ведь конь везде пройдёт даже в слякоть, в осеннюю распутицу. Председатель разделся, достал большой нож и сел рядом. Женщин было мало на краю поля у свёкольных куч. Фронтовичка Раиса больше распрягалась, чем работала ножом; строжилась на мальцов, таскавших по снегу свеклины, возмущалась на девчат — комсомолок, которые с песнями и смехом больше мешали друг дружке, чем работали.

Кучка обрезанной свёклы перед ней росла медленно. Две безмужние доярки в ярких полушалках сидели, как нарядные куклы. Они шушукались, задирали друг друга, просили у мужчин покурить для «сугрева», а сами доставали из сумок варёные яйца и звали парней, наливая в кружку «чай». Рядом с Прасковьей сидела на клочке соломы чернолицая болгарка, которую привёз с войны Артём Малиновский. Он умер во время уборочной, подняв колесо от старинного колёсного НАТИ — трактора. Открылись раны. Не довезли до больницы. Кареглазая красавица не уехала с девочкой в солнечную свою страну, а осталась с родителями Артёма. Рядом с ней, перемазанная землёй, работала, как заведённая Аня — дурочка. Она была так проста и до слёз наивна, что Прасковья не раз отбивала её у пацанов, заманивавших её летом в пустую конюшню, обещая конфет и баранок. Аня была старшей, мать болела,

остался отец на финской войне. Выполняла девушка любую работу, чтобы хоть чем-то помочь семье. Донесла подлая душа, что Дерябкина Анька «натырила» семенной пшеницы в посевную. Она стояла на суде в рваной кофте, в ветхой юбчонке, статная и не по-деревенски красивая. Молчала, и только слёзы текли ручьями по её бледным щекам. Через год объявилась в деревне с грудным ребёнком. То ли пересмотрели дело, то ли беременность повлияла на сокращение срока.

Когда поделили хлеб, когда открыли флягу с остывшим молоком, Прасковья, остановила болгарку Зою и Анютку, объяснив, что холодное молоко — это верная простуда. Собрали клочки соломы и травы, попытались греть молоко мужики. Председатель вытряхнул из ходка солому, отправил бригадира за дровами.

В сумерках учётик, скрипя деревянным протезом, подошёл к её куче свёклы, то, удивившись, попробовал поширять костылём, полагая, что внутри натолкана ботва. Кинул сверху свою мерную верёвку с чёрными метками от дёгтя, записал что-то в тетрадке, подошёл к куче Анютки, постоял и двинулся дальше. Прасковья остановила его, потребовала, чтобы замерил и её бурт, проследила, чтобы записал, как надо. Дерябкина наработала больше всех. И что! Мужчинам записали по два трудодня, а всем остальным — по одному. Мальчишкам записали по половинке. Когда она вступилась за Анну, требуя, чтобы ей тоже записали два трудодня, фронтовичка Раиса сказала, поджигая губы: «Мы все выполнили свой долг».

Нет справедливости, — подумала она и сказала: «Одни работали, играя, а другие играли, работая». Её подняли на смех те, кто угостились у подруг, а председатель подо-

шел, снял кубанку и поклонился им, троим, в ноги, каждой, говоря, что он запомнит это поле. Запомнил.

Прасковья Семёновна оттягивала свою нелёгкую работу. Проходили назначаемые себя сроки. Она не могла собраться, насмелиться. Не хватало не мужества, не уверенности, а чего-то такого, чему и названия у неё нет. Она боялась, может не выдержать напряжения и всё испортит. Получится, что напрасно терзала себя, напрасно составляла план действий. Зря всё лето вынашивала речь, подбирала слова.

Пришёл этот день. Осенний день, слякотный. По небу неслись лохмоты облаков, напоминая кудели. Сеялся мелкий нудливый дождь. Тянуть некуда. Прасковья Семёновна достала плюшевую жакетку, повязала поверх платка пуховую шаль — подарок дочери и зятя к восьмому марта. С утра не могла ничего есть. Appetit куда-то подевался. Выпила стакан компота, а к ватрушкам, которые накануне принесли внуки, Толя и Юрик, не притронулась. Они пахли свежим ливером, печёным тестом. Ей кажется, что тесто Шурочке удаётся лучше, чем ей, хотя и молока добавляет и кусочек масла растопит и пару яиц разобьёт, а вот не тот вкус. Тут и сорт муки влияет и хмель, который собирает в бору зять. Вода у них в колодце другая. Не такая солоноватая, как в её колодце.

У большого кирпичного крыльца тщательно вымыла в луже резиновые сапожки и подумала, сколько можно было сложить печей из того материала, что ушло на одно крыльцо. Теперь колхозная контора занимает два этажа, а когда-то хватало нескольких комнат в большом доме, в котором располагалась церковно-приходская школа. Построена каменная школа, а в бывшей конторе разместили

неможных стариков и старух, дети которых построили себе дома, а старикам не нашлось в них места.

Прасковья Семёновна поднялась на второй этаж. Она еще не видела, как выглядит внутри дворец коллективного труда. Великолепие полов и расписанных стен её поразили и напугали. Ей показалось, забрела не туда, куда ей требовалось. Успокоившись, рассмотрела знакомых парней, стоявших у окошечка металлической двери. Когда стали немного платить денег на заработанные трудовые, всё было просто. Приезжал в бригаду учётик с чемоданчиком и на обеденном столе раскладывал ведомость, выдавал большие купюры, приговаривая, что ему не дали мелочь, а в магазине отказались разменять.

Миленькая девочка, сидевшая за дверью с надписью: «Председатель правления колхоза «Алтай»», оторвалась от печатной машинки и приказала женщине раздеться, расспросила, зачем ей потребовался председатель, записала в особую тетрадку её фамилию, имя, отчество и цель визита. Прасковья Семёновна расстегнула жакетку, приспустила на плечи шаль с платком и стала слушать, как строгая девушка докладывает Фёдору Петровичу о том, что кто-то пришел, и будет отнимать у занятого человека драгоценное время. Старая колхозница ждала, что скажет председатель, как отреагирует на просительницу. Вот она услышала радостную весть, что ей дано на общение семь минут.

— Прасковья Семёновна, постарайся покороче. Не задерживай. Сам готовится на бюро. Иди. Я просила снять верхнюю одежду. Он не любит, когда к нему в спецовках лезут. Ну, ладно. Вы же пенсионерка.

Неужели, Фёдору запахи силоса и солярки стали вредны и отвратительны? — подумала старая женщина,

открывая заветную дверь, к которой собиралась всё лето и осень. Она замерла у порога, ошеломлённая рядами стульев вдоль панелей из шифоньерных дверок и огромными окнами, выходящими во двор. На окнах висели шелковые коричневые шторы. В простенках заметила несколько картин в шикарных рамах золотого цвета. На картинах парусные корабли, безбрежные морские просторы. Председатель оторвался от бумаги, по которой водил ручкой, принялся крутить диск телефона, а потом, щёлкнув «педалькой», сказал: «Танечка, соедини с главбухом. Срочно». Ломакину не видел. Она видела его. Постаревший, но вполне симпатичный в элегантном синем костюме в кремовой рубашке и в галстукe, походил на актёра, который вредил гитлеровцам в ихнем могучем Рейхе. Штирлиц строен и подтянут, а председатель заимел пышные щёки и нажил обширную лысину, которая не вязалась с тем образом юного разведчика, начинавшего руководить крохотным уличным колхозиком.

Вот председатель положил телефонную трубку, и стал водить ручкой по бумаге, а бывшая колхозница, сгорбившись, стояла у края широкой бордовой ковровой дорожки, не представляя, что ей делать дальше. Она почувствовала, как устала, но боялась проронить слово, нарушить кабинетную тишину хоть одним шагом или движением. Не хотела отрывать хорошего человека от важной работы. «Какая разница, когда он подпишет ей требование». Тишина стала липкой и тягучей, словно гороховый кисель.

— Что тебе? — раздался крепкий и уверенный бархатистый голос. Она хотела сказать: «Здравствуй, Фёдор», — но сникла, и потерялась, словно заблудилась в огромном зале — кабинете. Ей сделалось жарко и душно. А он вновь

принялся писать ручкой по важной бумаге, словно её и не было у порога.

Она никогда не просила ничего. Не потому что у неё всегда было нужное, — просто не умела этого делать, потому что с детства всякие просьбы были для неё невыносимым трудом. Если мама посылала к соседке или в магазин за солью, приглашала с собой брата или сестру. Даже дочь Шуру не нагружала домашними просьбами. Старалась всё сделать сама. Если девочка, понимала, что нужно вымыть за собой посуду, прополоть грядки, полить лунки огурцов, пока мама на работе, то она, лишь радовалась помощи.

Ещё никогда за свою жизнь она не писала заявлений о помощи, не умоляла бригадиров о том, чтобы ей привезли зерноотходов или соломы. А если что и получала, то это происходило, лишь тогда, когда выписывали и давали всем.

— Мы не отказываем, — донёсся до неё круглый раскатистый голос председателя колхоза «Алтай». — Как своим дадим, так и вы приходите. Если что останется, выпишите себе требование. Попозже...

Прасковья Семёновна удивилась, ведь она ничего не сказала, не произнесла тех, заготовленных, фраз, которые повторяла изо дня в день.

Показалось, что она падает на спину. Потолок, выстеленный белыми узорчатыми плитками, закачался на невидимых качелях, а пол стал вздыбливаться вместе с красной дорожкой, окаймленной жёлтыми линиями, норовя встать вертикально. Ломакина прислонилась к косяку и закрыла глаза, пытаясь унять своё старое сердце, которое билось громко и тревожно. На весь кабинет, на весь мир. Мыс-

ленно женщина ругала себя за этот поступок, нарушив свою привычку ничего не просить ни у кого, понесла наказание. Её не захотел узнать бывший мальчик-разведчик, ему было не до неё. Он был очень занят. Она оправдывала старого председателя. Нужно было придти позже. Позвонить заранее. Почему она не назвала своего имени, не напомнила о той зимней свёкле? Почему?

Она отошла от пережитого в коридоре. Светила тускло пропылённая лампочка без плафона, чтобы лучше просители видели ступеньки выхода. Лучи заходящего солнца ударили в отуманенные глаза женщины. Присела на ступень крыльцо, увидела коновязь, выезжающего из высоких ворот мастерской разноколёсного трактора, а по улице медленно катился вишневый легковой автомобиль, на стекле которого был нарисован жёлтый треугольник с черной каймой и чёрной буквой «У». Вдруг улица стала бледнеть и превращаться в заснеженное поле, лишь автомобиль продолжал двигаться по нему. Вот он развернулся и поехал к ней. Маленький и ласковый. Она ощутила его тепло, а яркий свет фары, с нарисованным красным плюсом, становился близким и приятным.

Прасковья Семёновна увидела себя лежащей на кровати, плачущую Шурочку и врача в сером халате, стоящего у тумбочки.

— Мама! — кричала дочь. — Как тебе не стыдно. Кто будет кормить твоих овец?

«Ей некогда, — подумала Прасковья Семёновна. — От работы не отойдёшь. Люди идут книжки менять, а овцы голодные. Трава ещё есть. Докормлю до весны, остригу шерсть, свяжу всем носки и варежки. Что-то прялка стала

пробуксовывать. Надо сказать зятю». Старая женщина открыла глаза, посмотрела на плачущую дочь и тихо сказала:
— Хорошее тесто у тебя, доча, получилось.

КЛУБОК

*Кавалеру четырёх медалей «За отвагу» —
пехотинцу и поэту, дяде моему — Ивану
Тимофеевичу Марченко.*

На Алтае весна только что просунула одну ногу в дверь. Лёд на дорожных лужах хрустел под сапогами, как сухарь на зубах колхозного мерина по кличке Басмач. Сердце хотело, но не смогло выскочить из груди и бежать впереди старшего сержанта Ивкина. Вот и заимка. За старыми раскоряченными вёслами — бывшая усадьба кожевенного заводика, который в горячей радости разнесли революционные крестьяне. Тяжелый заграничный чемодан и полный заплечный мешок пригибали к хрустящему снегу отпускника. «Сидор, забодай его комар, натолкал мыла, иголок, десяток флаконов одеколона, а ещё куски ткани из разбитых магазинов. Всем взводом хлопотали, собирая в дорогу. Отдельный свёрток — Нине Кадкиной и её дочке...

Неожиданно парень полетел вниз. «Забыл. О сухом колодце забыл. Сократил путь, называется, спрямил. Чудило. Ничего, ничего, выберусь. До Песчаного меньше километра. Мама уроки проверяет у девочек или на стол собирает. Или колет лучину на утро». Круг над головой набухал синевой, переходя от предутреннего фиолетового цвета в рассветный густой шёлк. Ивкин несколько раз пытался подняться вверх, упираясь ногами в противоположную кирпичную стенку колодца. Отдышавшись, сбросил шинель, попробовал вновь. Были бы ноги подлинней, смог подняться, а выше — колодец начинал сужаться. Пётр надел шинель, затолкал в сапоги запасные портянки. Не получилось.

От глухой обиды можно заплакать, но если бы слёзы помогли выбраться из этого знакомого колодца. Он помнил его с детства. Когда ловил сусликов с другом Сидором, заглядывал в холодный мрак, надеясь увидеть воду, но вода не появлялась много лет. Говорили, что в колодец сбросили хозяина кожевенного заводика и засыпали землёй. Председатель колхоза обещал народу углубить старый колодец, но дальше слов дело не пошло. Высокое творило какие-то нуждающиеся селяне разобрали на кирпичи. Дыру прикрывали жердями. Несколько раз в колодец падали телята, ломали ноги. А теперь в него попал молодой солдат. А если подрыться под стену... Удастся вырвать кирпич, потом второй, третий. Чем копать? Болела голова и разбитое плечо. Рыхлая земля легко резалась ножом. Росла горка земли.

Ивкин открыл банку американских сосисок. Съев две штуки, задумался. Сколько времени пробудет здесь, в этой ловушке. Могут и за дезертира признать. ...Ты, что тут

жить собрался? Эх, Сибулонец. Придти домой не смог, как следует. Буду рыть банкой. Не лопата, а всё ж шире, чем нож.

Солнце заглянуло в колодец, высветив кусок полукруглой стенки. Ивкин нагрёб порядочную кучу земли, но добраться до начала кладки не смог. Забил родник, наполняя яму холодной водой. Сначала равнодушно отчерпывал её, но вода стала прибывать быстрее. Руки окоченели. Кладка уходила вниз. Кирпичи уложены ровно. Трещин и выбоин Пётр не обнаружил. Тогда решил, что нужно понемногу раскалывать кирпич ножом. Беловатые швы крепки. По поверхности нож скользил. Ивкин принялся его сверлить. Кирпич поддавался. Молоток бы и зубило, — подумал парень. — У отца этих зубил и пробойников в кузнице несколько штук. А если сверлить наклонно, в образовавшуюся ямку налить одеколон, поджечь. Кирпич разогреется. Тогда налить воды. Он вполне может лопнуть. Одеколон сгорал быстро, а кирпич не лопался.

Вдруг стало темно. Раздался знакомый голос:

— Кто тут?

— Сержант Ивкин.

— Сибулонец, — обрадовано протянул Иван Иванович Фомкин.

— Хотел спрямить. О колодце забыл. Маме скажите, что я тут...

— Зачем нам мама? Вожжами тебя буду добывать. Радая мать будет. Цепляйся. ...С чемоданом не вытяну. Привяжи сначала сундук свой. Огрузился трофеями. Не смогу, Петька, вытащить.

— Конём можно.

— Мерин колхозный. Он меня должен возить в район, а не солдат из колодцев вываживать. Я ж теперь председатель колхоза, а не бригадир. Сначала привяжи чемодан. Молодец, что с подарками едешь.

Раскачиваясь, рывками чемодан поднимался вверх. Фомкин кряхтел, матерился.

— Мои подарков не привезут. Полегли под Курском. Схоронены в общей могилке.

— Дядя Иван, вы где, — заволновался Ивкин.

— Некогда мне. Заеду попозже. Моих не встречал? Опаздываю на совещание.

— Маме скажите, дядя Ваня...

Брякали кольца уздечки. Фомкин пристёгивал к удилам вожжи. Ивкин кричал, чтобы его вытащил заботливый Иван Иванович, который советовал учить немецкий язык, не бросать школу... Уехал. Ивкин ударил кулаком по стене и закурил немецкую сигарету. «Хочет, чтобы меня мама вытащила. Бросил бы вожжи, сам выбрался. Делов-то куча. Неужели, торопится куда-то. Чемодан забрал, а меня оставил. Сейчас мама придёт с соседками...»

В колодце становилось сумрачно. Ивкин забеспокоился. Съел сосиски, кусочек хлеба, выпил воды. «Почему мама не идёт? Тут недалеко. Ну, километр, полтора. Неужели Фомкин не сказал. А может быть, его волки задрали? Умер в дороге». Всю ночь думал о матери, о сёстрах. «Надо было упросить комбата, чтобы отправил в отпуск Сидора. Ведь у него ребёнок. Он не стал бежать к старой заимке, мимо развалин заводика».

Утром следующего дня никто не пришёл к колодцу. В творило опускались жавороночьи трели. Пётр сверлил кирпич, пытаясь его раскрошить. «Хорошие делали кир-

пичи». Только небольшую выбоину смог выдолбить сержант — отпускник. Никто не спасал его. «На чемодан польстился Фомкин. Мог сказать матери или ещё кому. Не сказал. А если, в самом деле, умер. Никто не узнает о нём. Придётся умереть тут от голода. Нужно выбиратьса самому. Нужно что-то придумать. Сделать ступеньки. Но как их делать. Попробую скрутить верёвку из одежды. Есть ткань... Уехала ткань. А была бы хорошая верёвка».

Услышав стук копыт, Ивкин принялся кричать.

— Чего орёшь. Слышу. На, поешь. Картошка ещё тёплая и пышки на сале. Приболел немного. ...Маму не видел твою. Не сказал. Завтра вытащу тебя, если Нюра согласится со мной опять жить. Ивкин твою мать силадёром взял. Она тобой ходила. Запугивал. Мать твоя из большой трудовой семьи была. Почему-то считались зажиточными. Это так твой батя говорил на каждом углу. Обещал активист помочь, чтобы не кулачили её семью, чтоб не сослали. Понял? Сынок. Мой ты сын.

Пётр молчал. Не понимая, что сказал Фомкин. Мама говорила, что семья была большая — восемь душ. Лошадей — только три. Земля рожала плохо.

— Любили мы друг друга. На вечерках в играх друг друга выбирали. Я ей подарки делал. Приглядистая была девушка. Многие парни томились по ней. Ивкин настырничал. Козырял, что воевал, что ранен. Пугал Нюру, что скоро её семью отправят в Нарым. Сибулонец. Одно слово. Бог покарал. Не я на него донёс. Продавщица из лавки. У неё постоянно уполномоченные на постое стояли. Она по злу и сообщила поночовщику своему. Перекрещусь. Отец твой посулами заставил Нюру жить с ним. Кулачить семью твоей мамы было не за что. Так вот жизнь поверну-

лась. Отец мой был против Нюры. Невесту хотел зажиточную. А мы о свадьбе говорили. Убежать хотели в город к моему дяде. Не успели. Отца моего арестовали. Меня хотел отделить, но не успел. Увезли нас в город. Дядя откупил. Но время шло, а когда мы вернулись из под ареста, твой отец насильно склонил Нюру к себе. — Фомкин замолчал, сморкаясь. — Мой ты сын, Пётр. И дерёшься ты хорошо, как мой отец. Он первым был бойцом на улице. Наш край всегда побеждал. Ты тоже двужильный. Отец на спор десять пудов на мельницу отнёс. Ивкины коренасты, ширококостны, а ты в нашу породу. Мал и удал. Ивкин раз в голицу свинчатку вложил и мне челюсть сломал в трёх местах, когда на масленку на кулачки бились — стенка на стенку.

— Врёте вы всё. Мой отец...

— Люблю я Нюру по эту пору. Всю жизнь её любил. Поэтому и просил тебя не оставлять школу, чтобы ты на фронт ушёл грамотным. А грамотный боец — умный боец. Петя, сынок, помоги мне, я помогу тебе. Как её уговорить, чтоб сошлась со мной, и не знаю. Женился я потом, когда твой отец Нюру подкараулил. Пришлось ей согласиться, чтоб семью не раскулачили. Отец твой тогда шибко высоко взлетел. С красными флагами ходил по деревне. На разные посты ставили. К его мнению приезжие представители прислушивались. Меня потом отец заставил жениться. У командира петроградского отряда по выколачиванию из сусеков пашеничку заболела дочь. Мой родитель, и взял её к нам. Тоже боялся за своё добро. Мне тогда было на всё наплевать. Жил отец хорошо. С братьями зимой мебель делал в городе, кошевки и тележки рессорные. Я ду-

мал, что в трёх картузах к обедне никто не ходит. Два полущубка враз не надеть...

— Дядя Иван, вынь меня отсюда. И говори. Мне тут дышать нечем стало.

— Это же ты должен знать... Эх, сынок, сынок...

— Брось верёвку или вожжи. Сам вылезу.

— Ты сначала меня должен понять. Отпоили Олечку молоком. Загладили чахотку. — Вздохнул Фомкин тяжело. — Было, было. Родила она мне двух мальчиков Бориса и Глеба. Ты их знаешь. Отличники. И на тебя похожи. Похоронки враз принесли. Один ты у меня теперь.

— Кинь вожжи. Замерзаю, — взмолился Ивкин. — Отец так не сделал бы. Мать чем шантажируешь?

— Вот тебе бумага и карандаш. Напиши записку матери, что болен, скоро поправлюсь, мол, когда ты, мама, выйдешь замуж за дядю Фомкина.

— Меня за опоздание в штрафники запишут из-за тебя.

— Что стоит? Две строчки.

— Фашист ты. Крыса тыловая...

— Не будешь писать? Не сын ты мне. Твердолобый. Сибулонец. Надеялся, что ты мне помощник. Я бы и тебя вытащил... А, может, сынок, подумаешь... От Ивкина давно нет известий...

Пётр швырнул нож в лицо склонившегося Фомкина. Он успел откачнуться. Нож задел плечо и упал обратно. Мужчина заплакал. Заскрипела, застучала телега, попадая колесами в ямки. Светило апрельское солнце. Из деревни доносило петушины песни. Отпускник подбросил в тво-рило клубочек, который подарила Настя. Крепкая пряжа помогла взорвать танк, а второй — подорвал двумя мина-

ми, которые бросил под гусеницу приблизившейся к окопу машины.

1.

Друзья считали себя взрослыми. Покуривали. Тайком. Они пошли бы в седьмой класс, но отцов побрали на фронт, поэтому решили, что школа не убежит, а нужно заботиться о младших братьях и сёстрах, помогать матерям.

— На войне знания ох, как полезны, — убеждал Сидора Панькина и его приятеля Петю Ивкина одноглазый бригадир Иван Иванович Фомкин. — Работу вам найду, работы нынче много без рук осталось. Учиться надо, ребятки. С немецкого сбегаете... Это глупо и неразумно...

— Все сбегают, — сказал, шмыгая простуженным носом, Петя Ивкин. — Мы бы ещё этот собачий язык учили...

— Послали вас в разведку. Ну, допустим. Подползли к штабу. Враги советуется, принимают решение. Вы — то ничего не можете понять. Не были на уроке. Язык врага надо знать. Знание языка, это удар по врагу. Семилетку, ребятки, надо вам добить. Вечернюю смену можно освоить. Не кончится без вас война. Силён вражина...

— Отступают наши...

— А ты, Панькин, опять дрался. Вот вижу рубашку порвал, и зашил плохо. Матери — радость?

— Мы закаливаемся и тренируемся, — сказал Ивкин, кареглазый паренёк в чёрной вельветовой курточке.

— Пётя — без царапин, без шишек и синяков...

— Он, дядя Ваня, тямкий, — сказал белолицый подросток — Сидор Панькин, трогая подбитый глаз. — Ловкий. Как даст, так летишь с копылков. От двоих отбивается. У меня не получается. Я и дрова колю, воду ношу, а сил мало. А он меня запросто поднимает за локти несколько раз.

Весна 1942 года выдалась затяжной. Ночью подмораживало, с крыш свисали расчёски сосулек, а днём ветер морщил воду в лужах. Доносил с полей горькие запахи полыни и чабреца. Вразнобой, друг перед другом на поветях, выступал поредевший петушиный хор. Жители алтайского сельца Песчаный с печалью пополам пережили первую военную зиму. Десяток похоронок залетели в дома и саманные мазанки. Отревели, вновь — а работу.

Друзья распилили на дрова, припасённые Ивкиным старшим брёвна. В старой бане можно мыться, а без дров тяжело. Морозная выдалась зима. Снежная. В феврале кизяки кончились.

— Отец тебе даст выволочку за брёвна, Сибулонец, — говорил Сидор Панькин, бросая большой нож в торец чурки.

— Мы, на фронт, а дров дома нет. — Ударил кулаком по колену Петя Ивкин, прозванный Сибулонцем.

— Кизяков натопчут, а там и мы с победой приедем, — принимаясь точить кинжал Сидор. — Я его на фронт возьму. Им дед быков забивал, а дядька Егор на фронт брал, когда воевал в гражданскую у Мамонтова. Это штык от французской винтовки.

— Оставь матери лучину колоть. На войне этого добра под каждым кустом, — сказал Пётр.

— У тебя винтовку выбили, а нож за голяшкой всегда.

— Я себе наган и маузер добуду, — сказал Панькин. — А ты перестал закаливаться? В сугробах придётся спать. Договорились. Надо силу копить. Я — камень — пригнётыш уже пять раз поднимаю. Фомкин говорил, что немцев разными приёмами обучают. Они все здоровенные и рыжие.

— И нас обучат, — уверенно сказал Ивкин, собирая вытяавшие щепки.

— Посмотрите на Сибулонца. Он хочет учиться, — загорячился Панькин. Макитрой тумкай. Фашисты — не чурки. Надо сейчас готовиться. На войне некогда будет в школу ходить. Стариков расспросить, как их учили. Фомкин на финской получил ранение в глаз. Он тебе покажет. Пошли. Девчонки соберут щепки.

2.

Парней из Песчаного призвали на службу осенью сорок второго. Панькину не хватало до восемнадцати лет три месяца, а Ивкину — четыре. Друзья сдержанно радовались, а матери умывались слезами. Сводки с фронтов не утешали. Мобилизовали половину колхозных лошадей. Налоги легли на женские плечи непосильным гнѐтом. За букетик колосков Домне Кадкиной дали восемь лет. Её детей намеревались растолкать по приютам. Она доказывала, что собрала колоски на меже, у края дороги.

— Земля-то колхозная, — ухмылялся уполномоченный, не раз приглашавший женщину в колок пособирать «ползуниху». Заступиться за неё оказалось некому. Родственников Кадкиных увезли в нарымские болота. Там они все и остались. Известие пришло, что Фадея Кадкина взя-

ли в плен контуженым. Из плена смог уйти, с раненым немецким офицером. Кадкина помиловали, разрешили воевать, но в штрафной роте. Он прислал жене и детям письмо, в котором много слов и строк чья-то заботливая рука закрасила чёрно-зелёной краской. Штрафнику ответила соседка, дескать, полномоченный манил Домну в колок, а она искровенила ему рожу. За это он её выстерег с зелёными колосками. Осудили. Уполномоченный имеет фальшную справку об инвалидности. Солдаток и вдовух топчет, какуч хочет. Нет ему укорота. В лагере нормы большие, а хлеб сырой и кислый. Нужно его печь на костре иначе заработаешь язву. Через месяц, когда начался сенокос, уполномоченного нашли на полевом стане в спущенных брюках, без мужского достоинства.

Вести из дома Ивкин, и Панькин получали регулярно. Обсуждали новости, обменивались письмами. Вместе писали ответы. Учебный полк сначала стоял в Бердске, а потом его передвинули под Омск. Шли месяцы, тягучие, как свежий мёд. Сладкой служба не была. Гоняли мальчишек с полной выкладкой. Марш-броски, стрельбы, политзанятия, наряды, караульная служба, строевая, тактическая. Норма продовольствия была такая, что высокий Ванька Зорин и такие же «гренадёры» шатались от голодухи. Одеваясь в предбаннике, Зорин упал и разбил лицо. Была комиссия. Были разборки. Повар оказался крайним, его отправили на фронт. Командира полка понизили в звании, а те, кто воровал, остались на местах. Меню тоже осталось прежним, но перловой каши стали давать больше.

Однажды на привале, когда уставшие солдатики лежали в сухой, пожелтевшей от зноя, траве, Панькин спросил, увидев у друга клубок суровых ниток:

— Настин?

— Но, — кивнул Ивкин, представляя лицо девушки, вспоминая голос её: «Этот клубок тебя ко мне, Петя, приведёт. Брось его, он покатится и через все бои сохранит тебя. Я молитву написала бабушкину, а на листок нитки намотала. На этом листочке молитва. Ты её выучи наизусть и всегда повторяй». Новая Ариадна снабдила любимого волшебной нитью, которая непременно выведет его из военного лабиринта, как когда-то дочь критского царя Миноса помогла Тесею. Петька поделился с другом молитвой, как последним сухарём. Сидор сначала улыбнулся, но молитву тайком переписал. «Живые в помощи, вышнего в крови, речет Господи...».

— Мне Нина ничего не подарила. Отец её в штрафном батальоне. Мать посадили. Пятеро у неё на руках. Картошки много запасла, а корову забрали в фонд обороны. Соседка посоветовала взять на квартиру эвакуированных, чтобы детей не отправили в детские дома. Она вчера написала, что тётки попали не хорошие. «За картошку платили сначала, а потом стали варить без меры и без спроса. Чистят толсто. Тыкву со свёклой парят каждый день. Своих детей кормят, а сестёр не приглашают за стол. Что остаётся, то прячут в большой комнате. Туда их не пускают, но приглашают товарок пить самогон и петь песни. Так, что им приходится спать на печи и на полатах».

— Дом у Кадкиных большой, — задумался Ивкин. — Ты напиши своей матери, а я — своей, чтоб они этих тёток приструнили. Семена поедят, садить будет нечего. Сегодня и напишем. Если бы ты женился, то их не тронули.

— Нинке восемнадцать. А мне два месяца не хватало тогда. Не записали бы. Что нас на фронт не отправляют.

Сколько можно в этих землянках куковать, — раздражённо сказал Панькин.

— Говорят, что будто бы на Дальний Восток пошлют. Там японцы хвост подняли.

— Петьк, а с одного раза дети бывают?

— Незнаю. Спроси у Ваньки из Углов. Он говорил, что мать у него фельдшер. Ты думаешь, что может у тебя ребёнок получится? А мне Настя сказала, что лучше после войны детей заводить. На войне могут и поранить или совсем убить.

— Нинка поэтому и согласилась. ... Не понравилось. Ей тяжело было терпеть. А я не знал, что так бывает. Парни не говорили.

3.

Ночью на глухом разъезде полк погрузили в теплушки, пахнувшие лошадиным навозом. В Тюмени долго стояли на переформировке. Друзья на фронт не попали. Два отделения разгружали вагоны с запасными частями к орудиям и автомобилям. Через неделю им пришлось грузить вагоны с продовольствием. Панькина и его приятеля приметил начальник ремонтных мастерских — «рембата». Образование у них почти среднее, а главное — они были старательными и умелыми. Пётр — сын кузнеца — быстро научился разбираться в схемах электрооборудования автомашин и танков. Сидор с помощью хитроглазого старичка освоил газосварку.

— Не видать нам фронта, — сказал как-то Ивкин. — Война кончится, а мы тут будем в мазуте возиться.

— А зачем ты, голова осиновая, полез к токарному станку? — проговорил Панькин. — Теперь будешь ещё и гайки точить.

— Сам-то — не помогал мужику регулировать топливную аппаратуру, так и не поставили. Отцы на фронтах, а мы, как тыловые крысы.

— А давай, Сибулонец, напьёмся...

— А лучше солярку поменяем на самогонку, — подскочил Ивкин.

Старшина, поймавший друзей на краже, удивился — солдатики не умоляли замять событие, не старались выкрутиться. Вели себя странно. — Под трибунал захотели, паршивцы! Завтра вам будет трибунал.

Как только старшина вышел из цеха, Панькин радостно воскликнул:

— Ура! На фронт!

— Ты молодец, Сидорок. Ладно. Не у Проньки...

Через час старшина докладывал начальнику ремонтной базы, что сибирячки сменяли солярку на самогон, но пить, почему-то не стали. «Обрадовались, когда я их поймал у забора с бутылкой». Юрий Николаевич Волков поскрёб лысину. Он понимал, что солдат отправят на фронт, а кому точить болты, варить кронштейны и катки. Он вызвал хитрованов.

— Умники нашлись тут. Не получится. Я тут пять рапортов написал. Вы тут такой урон нашим немцам наносите, что трудно сказать. Вы за целую роту воюете. Наши отремонтированные танки, сколько врагов уничтожат? Считать нечего. Только за один бой сотню подавят гусеницами, три сотни из орудий и пулемётов положат. Понятно тут?

Парни задумались. Логика в словах командира была.

— Нам бы на фронт. А то и войне скоро конец, — проговорил невесело Панькин. Майор оглянулся по сторо-

нам и показал на карту, на которой флажками отмечалась линия фронтов.

— До Германии ещё,.. мои вы, хорошие.

Друзья переглянулись. В самом деле, воевать ещё долго придётся, пока до границы фронт дойдёт.

Перед ноябрьским праздником на одном из построений зачитал замполит благодарность за умелые действия по ремонту боевой техники, а Ивкину и Панькину присвоили приказом звания старших красноармейцев. Молодые ефрейторы не знали, что им делать, радоваться или печалиться. Контуженного рыжего Лёху Кулика из Топчихи нашла медаль «За боевые заслуги». Обмывали награду и звания. Пили какую-то вонючую дрянь, слитую из искуроченного трофейного самолёта. Друзья отказались от выпивки, но огурцы и капусту уплетали по-стахановски.

— Эх, Сибулонец, не везучие мы тут люди. — Передразнивая Волкова, говорил остроносый Сидор. — Особый отдел тут заинтересовался нашими. От нас и не пахло. А теперь всем им путёвка на фронт, а мы опять тут крыс гонять из-под самоходок.

Сибулонцем Петьку дразнили с детства. Его маму звали в деревне Сибулониha, а сестёр, Веру и Надю — Сибулонята. Прозвище прилепилось давно, как репьяк в собачий хвост. ...На столбе перед правлением колхоза «Красный пахарь» возникло радио. Это Лазарь Глухов сделал приёмник и усилитель. Кузнец Ивкин Анисим в керосиновой лавке, сделал замечание продавщице, любившей обсуждать деревенские новости: «Отпускай керосин, а не болтай, как радио». За это сравнение, дошедшее до нужного человека, отмерили бывшему партизану пять годков ударного труда на главной стройке социализма. Ес-

тественно, лишили в правах и семью. Даже Надя, родившаяся после отбытия главы семьи и лучшего кузнеца округа на строительство очень нужной стране железной дороги, была лишена. Ей не разрешалось брать в зыбку книги в избе-читальне, посещать ползком концерты в клубе и многое другое. Через год директор школы Сергей Гордеевич Ерохин — старый большевик, приехавший на Алтай из Петрограда для организации коммун, — отстоял детей Ивкиных. Петьке и сестре разрешили учиться уму-разуму, но, ни в пионеры, ни в комсомол детей не пускали.

Через три года Ивкин с довольным лицом и жёлтым рандолевым зубом вернулся в закопченную кузницу, смачно рассказал, что на стройке работало много алтайских крестьян — единоличников, в том числе и узники Сибирского лагеря — СибЛага. Ивкина реабилитировали, разобрались, что слова кузнеца и партизана не нанесли особого вреда новой власти. ...Решение этой задачи затянулось. Ивкин хвастался, что самый главный начальник просил остаться на стройке, семью перевезти. Он подковывал не только лошадей, но и ставил в рабочий строй автомашины, которые возили большое и малое руководство. Начальник стройки жил с семьёй в вагоне, в котором было отопление, тёплая уборная и даже электрическое освещение. Трубы ржавели, титаны прогорали. Всё это хозяйство Ивкин умело ремонтировал. Селяне в отместку за то, что он дважды ел немислимо вкусные котлетки, один раз выпил с инженерами казённую водку, прозвали его Сибулонцем. В деревне почти у всех прозвища. Некоторые и прозносить гадко, не то, что написать, а Сибулонцы, не так и срамно.

...Ивкин решился донести на самого себя. Улучив момент, прибежал в особый отдел, сказал, что он сын врага народа, которого судили и отправили в лагерь. Сказал, что часто спускает спирт и меняет на самогон. Дело вмах было состряпано. Разжаловали парня до рядового. Петька козырем ходит. Доволен — скоро на фронт.

— Ты не друг, а Антонов кобель. — Сказал зло Панькин. Его бледное личико стало ещё бледнее, а веснушки можно было легко сосчитать. Острый птичий носик задиристо заострился. — Мог бы и на меня наклепать особистам.

— Ты — комсомолец. Твои дядьки партизанили. А я — сын врага народа.

— Моего прадеда - Антипа Владимировича Панькина и деда Андрея ведь тоже высылали. Я — забыл. И деда Егора высылали. Он покритиковал начальство.

— Это дальняя родня. Твоего отца не высылали. А прадед и дед — не считается. Тебя приняли в КИМ, а меня и сестру лишили. В клуб не пускали.

— Петя, но твоего отца оправдали и разобрались. Ты сам не захотел вступать.

— Дураки они, на фронт рвутся. Наплели на себя, — уговаривал Волков особиста, чтобы он закрыл дело. — Они у меня самые лучшие. ...Незаменимых нет, но пацаны не дезертиры. Одни с фронта бегут, а эти воевать рвутся. Таких рабочих ещё и поискать надо, — разжалобить строгих вершителей судеб начальник ремонтных мастерских не смог.

И всё же на фронт друзья опять не попали. В Свердловске эшелон загнали в тупик. Солдат с образованием, имеющих отношение к техническим специальностям, бро-

сили на самый настоящий танковый завод. Солдатские руки нужны у орудий, а ещё нужней на фронтах танки.

4.

Не все парни огорчились повороту судьбы. «Ты слышал, как бомбы воют, видел чужую кровь и внутренности на себе? Не видел? А я видел, какого цвета кишки у раненых детей. Я крыс ел в детдоме. На пароходе были красные кресты, а немцы нас потопили. На теплушках были такие же кресты, а немецкие лётчики нас обстреливали из пулемётов, бомбили. Знали же, что наш эшелон не воинский. Знали и бомбили, делая заход за заходом, — солдатик смолк и вытер глаза. — Маму убили, сестра утонула в Ладожском озере...».

— За эту подлость они получают лично от меня. Я не видел ничего, но я не трус. Не стану прятаться за танками. Сбегу на фронт. Не удержат, — сказал Панькин, вытирая крохотный курносый нос, усеянный веснушками, как воробьиное яйцо.

— Не кипятись, — вмешалась пожилая женщина-мастер по вооружению. — Неизвестно каким станешь солдатом. Ты можешь погибнуть просто от случайной пули или осколка, а танк, который ты отправишь в бой своей рукой, сделает много военной работы.

— Слышали мы это, — сказал Ивкин. — Немцы не чурки. Не все попадут под огонь. Я — буду снайпером. Мы им устроим. Не у Проньки...

Друзья и тут быстро освоились. Ивкин устанавливал электрооборудование, а Панькин собирал двигатели. Хотя Петя — коренастый крепыш, для этой работы, казалось бы, подошел лучше, но Сидор ужом проскальзывал в любые щели танкового чрева. Случайно полез в моторный

отсек, чтобы ещё раз проверить воздухофильтр, показалось ему, что контргайка крепления двигателя не зашплинтована. Он взял ключ у сборщика и попробовал подтянуть гайки. Они легко затягивались.

— Ты, что гад, делаешь? — набросился на молодого мужчину, жующего жмых.

— Пошёл ты, шкет...

— Движок сорвёт в бою. Ты на немцев работаешь? — наступал Панькин. — Перетягивай. Все гайки, — на шум собирались любопытные. Мужчина-сборщик стал надвигаться на Сидора, шепча:

— Я тебя заколю, — и полез в карман. Панькин ударил ключом по голове бракодела. Минут пять его приводили в чувство. Панькина охрана увезли на гауптвахту. Утром отпустили с благодарностью за бдительность.

Мужчина оправдывался, говоря, что гайки только наживил, не успел, как следует затянуть. Проверили все танки, готовые к погрузке. Три танка, которые обслуживал Мурзаков, оказались с браком. Крепления прослаблены, на некоторых гайках не оказалось шплинтов.

Врачи признали сборщика больным дистрофией, к тому же у него обнаружили повреждения теменных костей. После потери сознания Мурзаков ударился о трак и получил увечье.

Однажды ребята, получив на два часа увольнительные, чтобы сфотографироваться, встретили бракодела. Он был в шикарной форме. Эмблемы на петлицах говорили, что он интендант.

— Ну что, шкет, добился своего. На фронт меня не возьмут никогда. Не скачи, как блоха. У меня оружие имеется. Выдали.

— Надо было тебе вообще башку свернуть, — кинулся в атаку Ивкин Пётр.

— Глупый. Приходите на склад, я вам по банке тушенки выдам, как благодарность. Теперь хоть ноги таскаю, и семья моя не голодает. Спасибочки. Удружил.

...Представитель военного ведомства мотнул головой, как лошадь, отгоняющая слепней, увидев знакомых ребят в комбинезонах.

— Вы не моего подчинения. Кадрами не занимаюсь. Испытываю броню. Никого на фронт не отпускаю. Такая резолюция. Вы — ударники. Каждую неделю перевыполняете план. Забирайте свои заявления.

— Вы же обещали, — тихо проговорил Панькин.

— Вы сказали, что если мы за неделю с ребятами соберём по танку сверх обязательства, то вы поможет нам. И через два месяца... — заступил дорогу директору Ивкин.

— Что ещё! — подбежал инженер. — А ну прочь, сопляки...

— Ничего я не мог обещать. Я не предполагал...

— Говорили, что Анатолий Иванович Липовка слов на ветер не швыряет, — сказал Панькин грустно.

— Могу вам отпуск походатайствовать. Один на двоих, — сказал инженер.

— Сидору. У него жена девочку родила. Пусть едет. Помогите ему.

— Панькин. Завтра поедете. Трое суток получите без дороги. Эх, пацаны. На фронте убивают...

— Слышали мы это, — вздохнул Ивкин. — Вы же слово дали. Когда мы были у вас последний раз. Второй год нас дурите. Соберём танк и убежим на нём.

Но обещанного отпуска не получил никто. Подполковник Липовка исчез. На его место заступил пожилой суровый дядька, который ходил по цехам с охраной, так как собирали новую модель «тридцатьчетвёрки». Испытывали. На полигоне за городом ухали взрывали, раздавались пулемётные очереди. Сидор Панькин и Петя Ивкин поняли, что Анатолий Иванович или пошел на повышение, или его разжаловали и отправили туда, где Макар телят не пас. Завод работал в три смены. Люди уставали и спали в душных теплушках. За нарушения трудовой и производственной дисциплины спрашивали строго. За брак наказывали. Фронт требовал много новых сильных боевых машин.

Изувеченные танки ремонтировали в прифронтовой полосе. Оборудование, установленное на автомобили, работало круглыми сутками. Запасные части подвозили быстро. Меняли катки, башни, двигатели, орудия. Друзьям удалось попасть в такой передвижной ремонтный батальон — ПРБ. Иногда они вытаскивали из машин обгорелые трупы танкистов и хоронили на кладбищах у полуразрушенных городков и сёл. Документы передавали начальству, а сами работали днём и ночью восстанавливали танки, отправляя на передовую.

— Не могу, спать хочу, — как-то сказал Ивкин. — Как каторжные.

— Уж лучше на фронт, — согласился Сидор.

— Не болтать, — прикрикнул пожилой мужчина, регулировавший пусковой механизм. — За длинный язык не один поплатился. Успеете. Покормите немецких вшей. ...Выбиваем немчуру, в блиндажах подушки, перины. И вши — табунами. Вот пытка. И спать хочешь, а не за-

снёшь. В сугроб залезешь, а они на тебе «окопались». Хоть какую баньку. Рад без памяти. Бельишко на мороз выложишь, а свои слямзят. Тут жить можно. Хотя и тяжело. И бомбят, и дальнобойная садит. А кому легко?

Однажды приехал на трофейном мотоцикле раненый майор. Морщась, стал просить капитана Зеленькова — начальника передвижной ремонтной базы — помочь пехоте, которая зарылась в землю, несёт потери.

— Чем я могу помочь? — кричал капитан, подняв с лица сварочный щиток. — У меня все запасники нестрельные, которые представления не имеют, как маневрировать, как бой вести из орудий. ...Не обучены.

— Есть у меня три танкиста. Они могут... Дай машины. Ну, хоть одну. ...Не имеешь права. Немцы прорвутся, и вы не успеете увезти своё хозяйство. Верну твои «коробочки» в сохранности. Немцы побегут, как только увидят наши танки. ...Договорился с боепитанием. Подвезут снаряды и патроны.

— Не могу я своим приказать, чтобы они пошли в бой. За самодеятельность мне комбриг намнёт холку по первое число. ...Знаю, что гибнут. Подавить миномёты... — задумчиво проговорил капитан. — Три километра. Авиация не поможет? Есть у нас несколько человек из экипажей. Помогают нам восстановить машины. В боях были, но кто ранен, кто контужен и обожжён...

— Прорвались у соседа. И могут взять нас в кольцо. Просил помощи, да, видно, мы не главное сегодня направление. Закрепимся...

— Должен согласовать с командованием нашей танковой бригады.

— Нет связи. Пытался. Человек же ты. Помоги. — Умолял майор, все больше бледнея. Подъехавшая санитарная машина остановилась в разбитой колее. Из — под капота рвался пар. Вышедший врач и водитель попросили воды и масла. Медсестра занялась раненым майором. Капитан подбежал к палатке, в которой ремонтировали танк.

— Пушкарь, звони в бригаду. Немцы близко. Раненых вывозят. Давайте заправлять танки и — на передовую. Грузите снаряды, сливайте горючее из тех, что без двигателей. Заправляйте готовые машины. Готовьтесь к отъезду. Ивкин, орудие может работать?

— Орудие сделали, а механизм поворота башни нужно менять. Испорчен.

Быстро собрались ремонтники и танкисты. Понимая ситуацию, молодой лейтенантик начал распределять по машинам ремонтников и однополчан.

— Сидорок, водишь? будешь давить пехоту. — Распоряжался он. — Снаряды погрузите и в седьмой танк. По четыре? Мало. Пулемёт укрепи на башне. Держите связь со мной. Постоянно. Наша задача — попугать. Сделаем пару выстрелов. Наступаем с другой позиции...

Через час четыре танка, маневрируя в развалинах городка, наделали изрядный переполох в рядах неприятеля. Редкие орудийные выстрелы заставили гитлеровцев попятиться. Потом была стремительная атака. Майор всё рассчитал. Пехота бежала за танками, забрасывая последними гранатами миномётные гнёзда неприятеля. И всё же два танка вышли из строя вновь. Фаустпатронщики, маскировавшиеся под убитых, умело произвели выстрелы по моторным отсекам и гусеницам.

— Дышать нечем, — отплёвывался Сидор, — Как же в такой коробке воевать? Угорел, как Антонов кобель.

Ивкин был заряжающим, Панькин — водителем.

— Оглох напрочь...

— Это тебе не у Проньки... — рассмеялся Сидор.

— Буду писать рапорт, чтобы вас, пацаны, отметили. Молодцы. Без вас бы нам каюк пришёл. Где ваш начальник? Ну, правда — ни разу не были в боях? Сержанты, — удивлялся раненый майор.

— То собирали, то ремонтировали. На броне сидели всю войну, — раздражённо проговорил Ивкин.

— Хотите, ко мне в батальон? Похлопочу. Танк вам найду. Ночью будете ремонтировать. Граница — вот она. Пятьдесят вёрст.

— Я — согласен. Запишите. Только не поваром и не санитаром.

— Сибулонец, о себе только думаешь? Меня тоже запишите к себе, сказал с обидой Сидор. — Друг называется.

Ночью ремонтники прибуксировали танки к берёзовому лесочку, где в землянках стучал кузнец, тархтел генератор, вырабатывая энергию для сварочного агрегата. В вонючих воронках скапливалась весенняя вода — талица. Расщепленные закопченные берёзы пускали сок. Рощицы не стало. Из-за остова опрокинутого танка вышел пожилой повар — Никитич.

— Ужинать будет кто? — скорбно спросил он. — Я поехал за бельём, за водкой. Возвратился. Подъезжаю и слышу, как воеет кто-то. Не приведи Господи. Жуть взяла. Распахано всё. Ничего не осталось. Рамы только. Похоронил ребят. Трое страшно обгорели. Увезли. Помянем, од-

нако. Сильна эта «Катюшка». Глухарей насобирали обгорелых. Концентрат сварил.

— Как же так? — Удивлялся начальник ремслужбы. — Промахнулись?

— Приезжал связист на кобыле. Аппарат поставил на пеньке, доклад ему сделал. Списки погибших подал. Надо вернуть. А вы-то, где были, хлопчики? Думал, что один тут буду куковать.

— Маленько повоевали. Понюхали пороху... — сказал Ивкин. Уцелевшие рембатовцы, пытались найти в воронках что-то исправное, нужное.

5.

Батальон таял с каждой атакой. Прорывавшиеся из окружения остатки танкового полка и разношёрстная пехота били из самоходных орудий, утюжили гусеницами мелкие окопчики, вырытые на окраине разбитого хутора, на зазеленевшем поле. Атаковали. Тылы отстали. В передовых ротах кончились противотанковые гранаты, не было снарядов к сорокопятимиллиметровым противотанковым пушкам, а о патронах и говорить нечего. Делили последние запасы.

— Хоть бы пару бутылок, — бормотал Ивкин, снаряжая диск ручного пулемёта.

— Тебе с самогонкой? — вынимал обоймы из вещевого мешка Сидор.

— Хоть бы и со спиртом. Пожог бы один танк и легче стало. Передают, как тараканов. Соседи ушли вперёд, ну хоть бы кто помог.

— Моей Любушке завтра два года исполнится. Ванька говорил, что с одного раза дети не получаются.

— У нас не в Углах, — сказал Ивкин. — Не у Проньки. Башку не высовывай, отец. А то придётся мне твою Любушку удочерять. Что ж ты молчал? Как Антонов кобель.

— Нина ничего не писала. Это мама сообщила. Опять полезли. Понимают, что мы не позволим им соединиться.

Панькин стрелял из двух винтовок. Не признавал другого оружия. Даже немецкий пулемёт МГ-34 считал тяжёлым и неэкономичным. Пока одна винтовка остывала, менял позицию, пускал пуля за пулей из другой. А стрелял он артистично.

— Сначала офицеров нижи. Гляди по выправке, — учил младший лейтенант Титичкин — кривоногий, коренастый, ставший недавно командиром роты, из семипалатинских казаков. Коли шибко худой или пухлощекий — твой. Трубу надо добыть. Комбат тебя к ордену представил. Поди, утвердят. Ты у нас с Петром пока без орденов. Это как лотерея. Который комбат вас представляет. Комбаты в госпиталях, а списки в штабах. Ивкин тоже хорошо стрелял, но сбить пуговицу с вражеского мундира за шестьдесят — семьдесят шагов мог только Сидор.

Короткое затишье. Запасливые снаряжали диски. Алчные обшаривали трупы на виноградном поле, надеясь разжиться ценной вещицей. Вот уже месяц, как в четвёртой роте началась часовая лихорадка. Часами менялись «наслух» и «неглядя». На часы меняли альбомы с бесстыжими девками, пистолеты и другие вещицы, имевшие к военным действиям отношение приблизительное или никакое. Находились и такие солдатики и сержанты, которые интересовались серебряными портсигарами, перстнями и даже брошами с разноцветными камушками. Пётр и Сидор

при удобном случае набивали мешки патронами и гранатами — военным инструментом, без которого не особо повоюешь. «Старики» их учили, а те прошлись не по одной войне: «Без сухаря можно воевать, а без гранат — не всегда. — Берегите патроны, а тушонку «мерикане» привезут». Друзья больше интересовались пистолетами, чем чужим добром, которое когда-то принадлежало живому. Не пили и трофейный шнапс, от своих законных «наркомовских» не отказывались, но чаще меняли на сахар и тушенку. Друзья не курили, и проблемы с табачком у них тоже не было.

— Чего, Сибулонец, шьёшь? — углубляя окоп, спросил Панькин.

— Наживки на танки, — ухмыльнулся Пётр. — Где я мины видел?

— Ну, ты Архимед. Я — не сообразил...

— Чего не сообразил? — теперь удивился Ивкин.

— А то. Мину ударь по капсюлю, кидай, как гранату. Не хуже противотанковой. За милую душу можно танк подорвать. Голова у тебя, Петя. Зачем тебе клубочек понадобился?

— Смотри. Я в противогазную сумку накладываю мины, привязываю «эф-1». Как только танк наезжает на сумку, дергаю, чека освобождается и взрывается граната. Мины детонируют. Танк опрокидывается. — Объяснил Ивкин.

— Танк ещё должен наехать.

— Вон там поставим разбитую пушку. А мины поставим веером. Они к мосту рвутся. В Вену хотят проскочить. А если мне будет «некогда», так ты стрельнешь по мешку.

— Незнаю, Петя, незнаю. Ты нитки делай вдвое. Крепче. Гранаты надо пособирать у соседей. Вон сколько полегло. Чьи-то дети...

— Сколько твоих? — поинтересовался Титичкин. — Запиши, комсорг...

— Не считаю. Некогда. Чем хвастать? Трудно промахнуться. В рост идут. Вон флагами замахали. Похоронная команда. У них обед. Наша кухня и перловки не сварила. Дядя Яша опять не варит кашу.

— Снаряд попал в поддувало. Контузило повара, — сказал замполит Левинсон, — сейчас раздадут по отделениям ВТС — «водка, тушенка, сухари».

— У меня от ржанных сухарей изжога, — сказал маленький солдатик с двумя медалями «За отвагу». — Кто мою водку возьмёт на постой за кусок сала?

— Тушёнка бийская? — спросил Ивкин.

— Обрадуешься. Второй фронт. Сосиськи. Сладкие. Привыкай, славяне, — пробурчал Титичкин. — Взводный! Остаёшься за меня, комбат вызывает. Комсорг собрание хочет провести с Левинсоном. Не глупите без меня.

Мальчишки из похоронной команды, видя вывернутые карманы убитых, ругались в сторону обороны батальона, покрикивая:

— Иван, зачем часы брал? Ешь суп. Дети часы получают отцовы. Детей обворовал, Иван.

— Кто наших детей топил, гадёныш? На Ладого. Пароходы с красными крестами были. Я вам припомню, — выкрикивал Ивкин.

— Капут Гитлер! Иди сюда, ком, ком. Не сдашься, Сидор всех перестреляет, — дурачился взводный Иван Лопаткин. — В Берлин идём. Бросай автоматы, пацаны.

— Что за болтовня? — пришел Левинсон и комсорг Тимошин.

— Агитируем, чтоб сдавались, — пояснил маленький солдатик с двумя медалями. — Не понимают... Ни шиша...

6.

Подкатившие по пыльной дороге четыре зенитных установки с прожекторами, электростанцией и прочей противовоздушной мурой плавно скатились в глубокий кювет и ударили по танкам и пехоте в самый критический момент. Два танка загорелись. Самоходка, расстилая гусеницу, крутнулась и замерла. Залёгшие немцы получили приказ сдаваться, подняли огорчённо руки. Скорострельные зенитные орудия, установленные на платформах тягачей, выползли на дорогу. Из кабин, из будок высыпали на дорогу женщины.

— Девки, — радостно ощерился губастым ртом младший лейтенант Титичкин, зажимая чернеющую от крови гимнастёрку на плече. — Ну, молодцы. Вот помощницы. Влупили, так влупили.

— Славяне, хорошо считайте пленных! — звонко прокричала статная, но рябая майорша, сверкая орденами и медалями, плотно разложенными на обширной груди.

— Гарно монисто, — улыбался ротный.

— Низкий поклон вам, девоньки, — подошёл с пулемётом худой и грязный комбат Горелкин.

— Где ваша медслужба? Скидывай гимнастёрку. Не стесняйся. Навидалась вашего брата покалеченного... Девочки! Пакеты, салфетки, спирт, огурец... Мужчины, умываться. Обедать. ...Что девушек ни разу не видели?

— Таких геройских еще не видели, — сказал замполит Левинсон, и начал прихорашиваться.

Майор ловко бинтовала плечо. Увидев на лице Ивкина восторг и внимание, спросила:

— Откуда будем, мальчик? — Пётр смутился, тихо ответил. — А мы — Новосибирские. Родня. Я — в Бийске три годика жила. За растрату жильём обеспечили. Подруга воровала, а присели вместе. У нас, поди, уже яровые начали сеять? Дочки, проверить матчасть, долить радиаторы, угостить пехоту борщом. — От женщины пахло редиской и водкой. Походила тётка на мать, и Петьке захотелось ткнуться ей в грудь и заплакать, как в детстве. Когда отца отправили на «заработки», а уличные пацаны дразнили и не пускали играть в футбол, хотя он бил по воротам лучше всех. К мосту потянулись штабные автомобили с конвоем, танки и даже мощные самоходные орудия.

— Где же вы были? — заматерился капитан Горелкин, — Когда нас топтали танками? Даванули бы вместе.

— Приказа не было, — сказала женщина, помогая ротному надеть новую гимнастёрку.

— У вас был приказ? — спросил комбат. — Назовите себя и номер подразделения. Буду ходатайствовать...

— Пустое, — сказала женщина, — Это наш мост. Нам его охранять от налётов. Своих отметьте ребят. Мы выручали не за награды. Ешьте. Остынет. Оля, не жалея сметану. Такого борща они, может быть, никогда не попробуют. Украинский. Бабушкин рецепт... Я бы и немчиков покормила. Мальчишки голодные. Гонят их на нас, хотя все понимают — конец у войны один.

Уставший и окровавленный батальон, уже состоявший только из двух не полных роты, сидел и лежал у ко-

телков. У полевой кухни ещё стояли в очереди бойцы. Выдавал водку и сухой паёк дядя Яша. Под каменным арочным мостом стирали гимнастёрки аккуратисты, перевязывали раны и спали в тени машин бойцы. Слышались весёлые взвизги девчат.

— Комбат, переведи ко мне вон того сибирячка, — сказала, сверкающая грудью майор. — Ранило водителя. Катя с трудом справляется с управлением тягача. Вон того. Красиво кушает, паренёк. Нельзя нам без мужика...

— Этого не могу, — облизывая ложку, сказал комбат Горелкин с улыбкой. — К ордену представляю. Два танка подорвал. Сейчас...

— Дай ему отпуск, комбат, пусть домой съездит. Пока доберётся до Алтая, пока обратно, а там и войне конец... Будет парень всем своим полным комплектом женок любить. Плюнь на орден. Жизнь ему будет самой большой наградой. Немец злой. Резервов нет.

— Комсорг Тимошин, объявите построение. Пищу приняли? ...Всем объявляю благодарность, а сержантов — Панькина, Быховца представляю к орденам Славы. Младшего лейтенанта Титичкина и сержанта Ивкина за самоотверженные действия в боях за нашу советскую родину с гитлеровскими оккупантами награждаю отпусками. От меня и всего батальона низкий поклон нашим спасительницам и лично поклон майору Татьяне Павловне Курловой. За борщ — спасибо. Приказом номер пять закрепляю за дивизионом ПВО Ивана Немыкина. — раздался шум в рядах женщин и девушек. — Ничего, дорогие, старый конь борозду не портит.

— А мелко пашет, — раздался тонкий голосок.

7.

Утром бойцы отдельного, всё ещё лыжного батальона капитана Горелкина втянулись в затяжной бой в предместье Вены. Курортный городок был неприлично красив даже после налётов авиации. Нагло и по-мирному цвели сады. Белые и кремовые полотнища извергали потоки такого аромата, что он полностью подавлял запахи войны. С трудом выдавили пьяных горных егерей на окраины.

— Надоело. Поспать бы, — говорил Ивкин. — Когда будет утверждён приказ — до дома. Ничего непонятно.

— Петька, смотри соседи пришли в гости, чего-то тащат с нашей территории.

— Славяне, там склад, — подошёл маленький солдатик с двумя медалями. Пошли. Что-то в котелках прут. И без нас.

— Куда? — подбежал комсорг Тимошин. — Левинсон на собрание собирает. Быховец, зачем народ благуешь?

— Товарищ, старшина, кухня опять потерялась. Не к девчонкам на ужин идти. Соседи наши что-то из того склада несут, — сказал Ивкин.

— Мы быстро. Разведаем и будем на собрании, — проверяя диск автомата, сказал Быховец.

— Иван, под твою ответственность. Ну, пойду. Чтоб без мародёрства. Накажу.

В большом подвале-тоннеле, заставленном бочками и бочатами, светили электрические лампочки. Пахло вином. С котелками и банками спешили навстречу солдаты из других рот.

— Славяне, шире шаг. Сейчас трофейщики приедут. Успевайте.

Под ногами текло вино. Из простреленных бочек били ароматные струи.

— Кислое какое-то, — сказал Ивкин.

— Пойдём дальше. Надо было спросить у наших, где наливали. — Проворчал Иван.

— На фруктовый квас походит, — вытирая подбородок, сказал Панькин.

Бойцы дошли до последней, большой бочки. Принялись пробовать вино, но сверху стрекотнул автомат и что-то брякнуло об пол.

— Граната! — крикнул Быховец, бросаясь под бочку. Взрыва не последовало. Друзья обошли бочку, заметили движение наверху.

— Гер, руки поднимай. Свои хенды до горы! — кричал Ивкин. — Ты у меня покидаешься гранатами. Войне капут. Зря с уроков сбегали. Где-то был разговорник у Тимошина.

— Не хочет, курвин сын. Плачет. Сибулонец, отвлеки. Стрельну. Каску в него кинь. Иван, оставь лестницу. Спрыгнут сами.

Молодые, почти школьники в мешковатом обмундировании, сдались, когда Панькин выстрелами из трофейной снайперской винтовки выбил у них из рук автоматы.

— Что с ними делать. Жалкие. Грязные. — Оглядывал пятерых солдат Ивкин. — Не стало гонору.

— Их и за врагов неудобно считать, — сказал Иван, обыскивая старшего по званию. Пленные принялись спорить. Коренастый парень что-то приказывал, настаивал. Двое других не соглашались, один перебинтовывал перебитые пальцы и по-щенячьи скулил, повторяя одно слово.

— Это и не фашисты. Их мобилизовали. Австрияки, — сказал Быховец, заталкивая в карманы документы пленных.

Вдруг австрийцы дружно набросились на Панькина и Быховца, пытаясь свалить в вино. Они мешали друг другу. Сидор выхватил кинжал, а Иван принялся колотить нападавший лопаткой. Ивкин вскинул автомат, но дал очередь вверх. Раздались крики у входа.

— Жить не захотели. Переколю, как свиней. — Шептал Панькин, нанося удары. Прибежали бойцы соседнего взвода. Австрийцы, зажимая раны, пытались что-то объяснить, подняв руки. Пожилой боец, плеснул вином из каски в лицо Сидору.

— Успокойся. Выпей водки, — предложил свою флягу. — Пойдём, наши отыскали склад колбасы.

— Не прощаю тех, кто на стороне фашизма...

— Сидор, ты что, как Антонов кобель с цепи сорвался? Пацаны. Их мобилизовали. Хотели сдать, а этот пугал, что родителей расстреляют, — говорил Иван Быховец. — Не все же бомбили наши города, сильничали наших девушек.

Пленных увели. Ивкин и другие солдаты четвёртой роты оказались в холодном зале.

— Не ешь! — кричал ротный Титичкин. — Отравлено!

Его не слушали. Ели и пили, как сумасшедшие. Входили и выходили солдаты. Набивали вещевые мешки колбасами и окороками, тащили заграничные продукты, чтобы угостить раненого друга, подсунуть любимому командиру ароматный кусок буженины. Ивкин и Панькин перепробовали толстые и тонкие колбасы, принялись резать

розовый окорок. Иван грыз сухую тонкую колбасу и мечтательно говорил:

— Мама вкусный хлеб пекла, когда мука была. Хоть бы корочку.

Принёс мешок сухарей, но они оказались сладкими. Фарфоровые бутылки колотили об углы металлического стола.

— Старое вино. Прокисшее. Погляди какая дата нарисована. — заплетающимся языком выговаривал высокий боец с перевязанной головой. — А вот это посвежее будет

— Чем старше, тем лучше, — сказал Иван, — где-то читал.

— Не ешьте без хлеба! — кричал в другом складе командир роты. — Выходи строиться! — завопил Титичкин, добавив трехэтажный мат. — Задрищитесь!

Угощали друг друга нежной корейкой, ветчиной с мраморными прожилками и выбегали на улицу, сталкиваясь с теми, кто ещё не попробовал столетних вин, не вкусил совершенного чуда мясного искусства венских колбасников.

Не отравились. Объелись. У большинства открылся острый понос, и даже рвота. Пятерых отвели в санбат, поместили в тенистых садах. Не хватало коек. Промывали желудки.

— Враг действует не только пулями, — разорвался Титичкин, ему вторили Левинсон и комсорг батальона.

— А если атака, — степенно говорил замполит. — Что будем делать?

Накаркал Левинсон. Пьяные егеря, поддерживаемые двумя самоходками, побежали вдоль улицы редкими цепями. Отбивались со спущенными бриджами.

— Ивкин, прикрой зад. Слепит. Не могу прицелиться, — усмехался Панькин.

— Галямов, ты чего мортиру выставил? Патроны кончились?

— Саня, а ты говорил, что татары свинину не едят?

— Не разобрал, — зло отвечал высокий парень с ручным пулемётом и перевязанной головой. — Показалось, говядина, а всеравно вспучило.

— Посмотрите на Уразбаева. Мусульманин, а егерей пугает, как православные...

— Ванька Быховец, ты, что австрияков не страшась голым задом? Скидывай шаровары за компанию. Будем загорать вместе, — смеялся Ивкин.

— Мой дед говорил, что он ел бы сало с салом и спал бы на соломе. Пока вы с колбасами воевали, пришлось комбата искать.

— Симулянт, Ваня, боялся отравиться? Дайте ему ветчины пожирней. Петя, всю сжевал? Прожорливый боец. Полпуда ухомячил...

— Дайте Ване кусок окорока, пусть кидает, как гранату.

В расположение батальона приполз комсорг Тимошин с патронами.

— Что за газовая атака? Без противогаза не подобраться к вам. Егеря драпанули. Нанюхались. Бедняги. Русских дух пришёл в Европу.

— Патроны экономим, — сказал Галямов.

— Весь город загадили. Придётся убирать за собой. Союзники развоняют в газетах, что Вена утонула в русском дерьме. Ивкин, ты чего тут расселся за яблонькой? Удобряешь, а тебе надо домой. — говорил комбат весело и ус-

тало. — Приказ подписан. Быховец, Панькин, Ивкин — направляетесь в танковое училище. Из отпуска, Ивкин, поедешь в Казань. Офицерами будете. На построении всё узнаете. ...На тещу будете бурчать после победы, Панькин.

8.

Усталый, обозлённый на себя, отпускник пересчитал припасы, полагая, что придётся жить в колодце, пока не сможет выбраться и раздавить тыловую крысу Фомкина. «Надо было не психовать, а согласиться с предложением этого гада ползучего. Написать записку маме, а уж потом, когда выбрался из этого каменного мешка, всё рассказать. Могут разобраться, понять, что не по своей воле оказался в ловушке. Напрасно загорячился, напрасно обозвал этого молчаливого мужика. Может, он любит мать. Может, и впрямь его сын. ...Месяц смогу протянуть. Тушенка и консервированные сосиски, которые вёз сёстрам и маме, поддержит какое-то время. Хлеб кончился, но есть немного серых сухарей, есть пять кусков сахара. Есть вода. О смерти думать не буду. До дома два шага. Сюда бегал собирать берёзовый сок, драть щавель и слизун. Осенью в берёзовом колке много белых грибов. Что-то нужно придумать. Беречь спички. Есть буду мало, только утром и вечером. Должен быть выход».

Ивкин обнаружил на дне мешка пять винтовочных патронов. Решил добыть порох, обсыпать запасные портянки, скатать, привязать банку с землёй, поджечь и выбросить. Дымящиеся тряпки могут привлечь внимание. Неподалёку поле. Пора пахать. Увидят дым. Должны же ребяташки придти за берёзовым соком. Если патроны завернуть в портянки. Они вполне могут выстрелить. Это сигнал.

После четвёртой попытки тлеющие портянки смог подбросить вверх, и они остались на краю колодца. Пётр ждал выстрелов. Запах горелого материала не выветривался. Он видел дым. Ждал, когда воспламенится порох. ...Патроны взорвались. Обрадовался. Первая победа. На выстрелы придут любопытные. Услышит шаги.

Ивкин сделал несколько приседаний и решил обследовать каждый шов, каждый кирпич. «Если сможет раскрошить хоть один, тогда выдернет второй, третий. Мокрые кирпичи должны быть мягче. Они напитались за много лет влагой». Пётр сунул руки в воду и принялся ножом ковырять шов, потом кирпич. Он не ошибся. Хотя руки замёрзли, смог углубить выбоину. «Только бы не сломать нож. Спешка не нужна. «Крошится кирпич. Крошится, — ликовал сержант. — Вот и кусочек шва удалось выколупнуть. Как замёрзли руки. Ничего не чувствуют. Нужно передохнуть. Нужно согреть руки». Пётр сунул руки за пазуху. Посидел несколько минут и опять взялся за работу.

С журчащими трелями жаворонков донесло и детские голоса. Ивкин прислушался. Тишина. «Поблазнилось. Схожу с ума. Нет. Кричали дети». Ивкин тоже стал кричать. На куске жёлтой бумаги написал крупными буквами: «ПОМОГИТЕ. Я В КОЛОДЦЕ». Насыпал в пустую банку земли, вставил бумажку в щель и подбросил вверх. «Вот и бок не болит. Стало теплее. Выберусь. Всеравно выберусь. Я не останусь тут. Ни за что. Мама ждёт, сёстры ждут»

Ковыряя ножом кирпич, Пётр прислушивался. Не доносятся ли голоса.

Пытался работать в полумраке, потом в темноте. Счастливым уснул. Начало положено. Вырван первый кирпич.

Завтра победит колодец. Завтра будет настоящая работа. Завтра придёт домой. Хватит сил разобрать кладку?

В утреннем сивом мраке Ивкин быстро ел холодное мясо. Представил, как будет складывать кирпичи, чтобы получились ступени. Не успел вырвать пятый кирпич, как донеслись голоса и топот ног. Хотел закричать, но от волнения из горла вырвалось гусиное шипение.

Свет померк.

— Петя, Петя, — раздался голос. «Настя, — прошептал сержант, — я здесь».

— Он здесь! — кричала Настя. — Сюда! Верёвку давайте.

— Сибулонца нашли! — вопили ребяташки, словно они нашли и вытащили из колодца красноармейца — отпусника.

— Я ж говорила, — плакала Настя Спиридонова, гладила Петра по шинели, трогая за плечи. Он был там. На далёкой и опасной войне. И шинель была с ним. Это мальчишеское тело могло сто раз в сутки прошить осколком снаряда. Тогда бы они не встретились. Как не встретятся никогда со своими отцами, братьями, мужьями и дядьками многие сельчане. Но знала, что они встретятся, потому что в клубочке был лист из тетради, а на нём — слова молитвы.

— У него медаль за отважность! — кричали мальчишки, входя в улицу.

— Наш Петя отважный! Он войну победил.

— И мой папа победил

— И мои братья победили

— Толик вчера за соком ходил в околок. Увидела, ребяташки в лапту играют мячом серым. Присмотрелась.

Взяла клубок в руки. Моя пряжа. Стала перематывать. Чувствую, внутри бумажка. Откуда, говорю, взяли. Отвечают, нашли у старого колодца, а потом что-то забабахало, убежали. Подумала, не мог ты его оставить дома. И меньше клубок. Поняла, что нужно бежать к старому заводу, — говорила Настя, заглядывая в грязное лицо отпускника.

— Вот и встретились, — сказал Ивкин.

— Няня Настя, Петя бы вылез. У него там ступеньки из кирпича. Я заглядывал. Я видел. Ты не плачь. — говорил Толя сестре.

— Война, дядя Сибулонец, завтра кончится или через неделю, — тормошили Ивкина мальчишки.

— Скоро, скоро. Объявят, и узнаем, — радостно говорил Пётр.

10.

Вечером за столом у Ивкиных места хватило не всем. Пришли родственники и соседи. Была квашеная капуста, томлёная в молоке картошка и сморщенные огурцы. Даже ломтики довоенного ржавого сала, принесённого матерью Сидора Панькина, разместились у квадратной бутылки самогона, который, чтобы «надольше хватило» развели морковным чаем. Выпили за победу, помянули родных. По самой малой крошке каждая женщина попробовала нарезанные «колясками» американские сосиски. Покачали головами неодобрительно, дескать, с такого блюда шибко не навоюешь. Петра тормошили, спрашивая: «Не видел ли брата, не попадался ли мой?» Подросшие парни старались узнать, какой режим на войне, в какое время спать ложатся, как отмечают праздники, чем кормят и какое оружие самое лучшее?

По жёлтым половицам важно ступала двухлетняя девчушка — веснушчатая и курносая, копия Сидор в детстве. Радостно говорила Панькина, что внучка больше походит на деда, а не на отца.

— Я им устрою приюты. Рукосуи поганые. При живых родителях, — горячилась Таисья Панькина. И мы не чужие, правда, дочка. Проходи. Не стой у порога. — Смущалась Нина Кадкина, смотрела на Петра, словно хотела что-то спросить у отпускника, блестящего новой медалью.

— Сидор подарки передавал тебе и вам, тётя Тая. Фомкин чемодан увёз.

— Как так? Почему? Где его взял? — загомонили женщины. Два фронтовика полезли из-за стола. У пожилого Семибратова не было кисти руки, а у Кошкина скрипели подмышками костыли. Они приехали недавно и держались вместе, готовя семена к посевной, ремонтируя сбрую.

Ивкин рассказал, как его нашёл Иван Иванович, как привёз лепёшку, умолял написать записку...

— Чемодан забрал, а тебя в колодце бросил?

— Айда, к одноглазому. Спросим, почему издевался над солдатом?

— Он те, Аня, в девках проходу не давал, вражина.

— Своего мужика бросай, а к нему перебирайся. Погибли его парни, но это не значит, что можно по-свински делать.

— Пошли, бабы, к председателю. Пусть ответит за поганство.

Женщины горячились. Особо отчаянные брали ухваты, но Анна остановила их, отняла у двери «оружие». Качая внучку на ногу, Панькина говорила Петру:

— Сало хотя и старовато, но брюхо не распорот. В колодце человека держал, как пленника какого... Фашистюга одноглазая.

— Кобель ещё тот...

В сенях возник шум и крик. Какая-то возня. Пётр хотел выйти, но его остановила Панькина:

— Сиди, сынок, расскажи, как мой Сидор. Не обещался на побывку? Убили батю нашего в Крыму. В Севастополе.

В комнату втолкали женщины Фомкина. Лицо исцарапано, глаз заплывал, разбитая губа сочилась кровью. Почему-то стало Петру его жалко. Почему? По его вине мёрз ночами, изодрал пальцы, выковыривая куски кирпича. Зло прошло. А если говорил правду? Не мог придумать такое? Зачем бросил умирать?

Женщины били председателя по спине, а он вдруг упал на колени.

— Простите меня. Аня, прости за всё. Петя, прости. Не знаю, что нашло. — стучал лбом Фомкин в выскобленные половицы и плакал. Заплакали и женщины. Испуганно тараша глазёнки, начала всхлипывать девочка. Нина взяла её на руки.

— Уходи, — сказала хозяйка тихо. Фомкин встал с колен и медленно вышел в сени, забыв шапку. Остался запах дёгтя и два чемодана — Пётр развязал верёвочный узел. Женщины внимательно следили за руками. Анна выскочила на улицу. По шуму и крикам было понятно Фомкин получает «наградные» от солдат.

— Всё цело? спросила Панькина.

— Всё, — удивлялся Ивкин. — Это вам от Сидора. Это... Настя, тебе. — Во втором чемодане лежали хромо-

вые самошитые сапоги, бутылка казённой водки, кольца домашней колбасы и много солёного свиного сала.

— Отнеси, сынок. Нам подачек ненадо, — сказала вошедшая Анна.

— Ладно, Аннушка. Пусть поправляет здоровье Петро. Насиделся хлопец в темнице, — усмехнулась Панькина.

Иголки и нитки распределяли по жребию. Мыла в цветных обёртках досталось по печатке.

— Нина, станешь ребёнка купать, а когда и сама в баню сходишь. Будешь, как эта, — сказала Панькина, указывая на гологрудую девицу, изображённую на печатке. — Возьми мою Детей у вас много...

— Ну, что вы, мама, — засмушалась Кадкина. — Вы и так мне помогаете. Сидор ткань прислал на рубашки и духи запашистые.

Таким богатым ещё никто не приезжал с войны в Песчаный Борок. Первым прибыл Фадин с орденом на шинелке, и без ноги. У Воробьева зятя Михаила отсекло руку. Михей Шебуров на вид был весь целый, но заговаривался и потерял память. Война щедро одаривала своими подарками.

— А что ещё, — вопрошали подруги Нины. — Покажи, какая ткань...

Девушки и женщины благодарили Ивкина, обнимали, целовали, плакали. Настя стояла у печи с яркоцветным заграничным полушалком на плечах и внимательно следила за товарками.

— Ну, хватит, — вдруг сказала она, видя, как девчата по второму кругу целуют её жениха

— Пожалела. Не всё тебе одной. — ухмыльнулась Любанька Ветрова. — Хоть вспомнить, как губы пахнут.

— Не жадничай. Делиться надо. А то ведь я отбить могу. Ты, небось, и дала ему только клубок ниточный. — сверкая цыганистыми глазами, говорила Ольга Петрушко.

— Хватит, девки, целовать парня, ему ещё отдохнуть надо, — сказала Ивкина, — За стол пора. Войне край пришёл, а вы за своё — слёзы пускаете. Опять гимнастёрку стирать. Хоть выжимай. Переодевайся, Петя.

— Обслюнявили паренька. — сказала Панькина. — Кури тут, не выходи. Вот рубашка, а я состирну.

— Будто у него и матери нет. Постирать некому? — встала Анна.

— Посиди с сыном. Закусывайте, бабоньки, капуста жирная.

— Не режь кума, сало. Оставь себе.

— Ребятишкам отнесёте. Вкус забыли огольцы. На картошке зимовали

— Мои два суслика принесли вчера. Не пропадём, девки?

Анна по небольшому куску поделила приношение Фомкина. Женщины отказывались, но по лицам было видно, что довольны. Расходились за полночь. Даже пели, и плясать наладились под патефон, но скоро разошлись, припоминая мужей, братьев и детей, которые ещё воюют или уже отвоевались, отдыхая в чужой земле.

Колхозная полуторка не хотела заводиться. Её толкали всем селом до поскотины. Настя стояла в окружении девочек Ивкиных. Анна некоторое время бежала за машиной, вытирая глаза. Полуторка кашляла, стреляя сизым

дымом. Пётр стоял в кузове и махал рукой. Солнцеглазое небо опрокинулось над Песчаным голубой чашкой. Жаворонки обливали алтайскую степь маршем жизни. Вдруг с криком ринулась за автомашиной Настя Спиридонова. Ей преградил дорогу Фомкин. И, узнав в чём дело, запрыгнул в ходок, помог девушке забраться на сиденье. Размахивая концами вожжей, председатель гнал выбракованного мерина и кричал, чтобы остановить отъехавшую полуторку. Его услышали. Автомобиль встал. Упал мерин в дорожную пыль. Настя бежала и протягивала что-то серое и круглое.

— Клубочек, Петя, забыла отдать... — задыхалась девушка. Ивкин перевесился через борт и поцеловал, точнее сказать, коснулся губами миленького носика.

На посевной в бригадах варили конину. Фомкина, как вредителя, послали восстанавливать разрушенное хозяйство. Через неделю после отъезда отпускника радио объявило о победе.

Панькин получил ранение в живот, но ему повезло. В госпиталь приехал хирург по полостным ранениям. Доктор готовил докторскую. Друзья научили Сидора, чтобы он говорил, будто бы ранили два часа назад, а не сутки. Даже после четырёх часов раненых в живот не оперируют. Перитонит. Возни много, а результатов положительных ничтожный процент. Вместе с другими бойцами светило его оперировал тут же, а потом увёз всех в Москву на лечение. Панькин вернётся домой через три года. В танковое училище не пошлют. Его не комиссуют. Будет служить.

Пётр Ивкин не станет офицером. Подвели нервы и открылись болезни. Ночи в колодце дали знать. До пенсии

работал на ферме. Естественно, много пил. Женился, но не на той, что его ждала. Настю нашли повесившейся в берёзовом колке, недалеко от засыпанного колодца. Что и почему — никто ничего не знает. Следствие зашло в тупик. Недавно Ивкина вызвали в райцентр. На митинге девятого мая военком вручил орден Славы третьей степени. Спустя сорок семь лет награда нашла награждённого.

Сидор Панькин работал конюхом на кумысной ферме. У него родились двое детей, а старшая девочка отравилась беленой в пятилетнем возрасте.

НЕ МОЖЕТ БЫТЬ

1.

— Боишься? — раздался детский голос, наполненный ласковым сочувствием и такой заботой, что Вадим быстро отвернулся от конспекта и увидел очаровательное существо в светло-фиолетовом платье, с бантом в бело-жёлтых волнистых волосах. Фиалковые глазки радостно рассматривали его — незнакомого мужчину средних лет в старом пиджаке и в свежеглаженных брюках. Это дочь самой строгой преподавательницы. Вторую неделю девочка появляется во дворе института. Некоторые студенты-заочники оказывали Марусе довольно пристальные знаки внимания, добивались всеми силами её расположения. В основном это были молодые мужчины в хорошей одежде, в сверкающих туфлях; наперебой угощали девочку сладостями, но она отвергала шоколадные плитки, тактично говоря, что у ней кариес. С женщинами, которые скучали к концу сессии по своим сорванцам, относилась сдержанно;

сердилась, если кто-то начинал её гладить по голове, тискать, приглашая в столовую. Девочка играла в свои независимые игры. Разговаривала с кленовой порослью у спортивной площадки, предлагала обломку кирпича отправиться в путешествие по реке. Вадим тоже заметил очаровательное создание, напоминавшее ему младшеньких близнецов, Дашу и Нину.

Бабушкин в тот день сидел на измазанном известью и краской стуле, подстелив газету, в тени у ворот институтского гаража, в котором, как рассказывали всезнайки, были у Герцена конюшни, а потом после войны жили студенты-фронтовики. Среди них был и Андрей Платонов, который любил пройтись по двору после снегопада с деревянной лопатой. Некоторые биографы писали, что он подрабатывал дворником. Вадим Васильевич Бабушкин не был дворником, а работал в глубокой сибирской глубинке фоторепортёром, в свободное время, от разных сельских и газетных проблем, учился. Предстояло сдать последний экзамен, чтобы почувствовать четверокурсником.

— Боюсь. Если честно, — улыбнулся Бабушкин. — Скоро буду на четвёртом курсе, а всё трушу, как школьник. — Вадим любовался чужим ребёнком, думал о том, что купить старшей Алёнке и пятилетним близнецам. Он отправил две посылки с недозрелыми бананами и грейпфрутами, вяленым инжиром и юными гранатами. В Детском мире присмотрел игрушку — пианино, оно звучало от двух батареек. Хотел, чтобы девочки потянулись к музыке.

— Я тоже боялась, когда мама училась в аспирантуре. У неё экзамен, я волнуюсь за неё, как ненормальная. Она ничего не боится, и знаете, никакой ответственности.

— Незнакомка говорила, услышанные от кого-то слова, очень серьёзно и осуждающе. Вадим спрятал улыбку, поражаясь словарному запасу ребёнка. «Городские дети живут другой жизнью, в отличие от сельских. Тут много чего можно увидеть и услышать, — музеи, галереи, консерватории».

— Вы не сомневайтесь. Сдадите. Можно мне за вас немножко попереживать?

— Если только немножко, то не могу вам запретить. — Вадим обращался к детям, занимавшимся в его кружке, по имени и отчеству. Юнкоров учил фотографировать, печатать фотографии. Девочки не интересовались папиными фотоаппаратами, но любили «музицировать» на его старой пишущей машинке.

— Мы не знакомы, а поэтому зовёте меня на «вы»? Я вас на переменах давно вижу.

— Нет. Всех чужих детей я зову на «вы».

— Всех? — удивилась Маруся. — Меня водят в детский сад с английским наклоном. И в «музыкалку». Это всё дед затеял. Он думает, что я вундер... Одарённый ребёнок. Но я так не считаю. Мне пять лет, а я плохо читаю, — Вадим представил своих девочек. Они так не рассуждают, но могут сказать, глядя в окно: «дождь щекотит капельками животики луж, и они смеются».

— Считаю, что дедушка прав.

— Вот Арнольдик. Двоюродный брат. Ему шесть лет. Он играет на скрипке Брамса и Гайдна. Я хочу сочинять музыку, как тётя Саша Пахмутова. В актовом зале есть рояль. Просто, как мамонт. А вы любите оперу?

— Я не был в опере, но у меня есть грампластинки. Бизе...

— Мне нравится «Кармен» и «Орлезианка». Рыбников такой молодой мальчик, а написал чудесную рок-оперу.

— А мне нравится «Юнона» и «Авось». Он очень молодой?

— Не ребёнок, но, как мальчик. Дедушка его критиковал по телефону, но он не прав. Дед сказал, что когда окончательно вырастет, станет мировым достоянием. Мама любит бывать в опере. Просто тащится.

— Что? — удивился Бабушкин.

— С ума сходит от Чайковского. — Мне хочется слушать Рыбникова. — Девочка запела тонким чистым голоском. «Ты меня на рассвете разбудишь...». Проходившие студенты, приостановились у входа. Девочка допела до конца арию. Два парня захлопали в ладоши. Вадим уронил конспект.

— Вы, Маруся, бесподобны.

— В трёх местах опять ошиблась, — поджала губки певица и грациозно кивнула в сторону ценителей. Студенты помахали ей. — Если вам понравилось, я рада, но я пела только для него, — девочка склонила голову к плечу, рассматривая лицо Бабушкина.

— Это чудо, как хорошо вы исполнили эту песню — арию.

— Вы не шутите? — округлила глаза девочка. — Так считаете?

— У нас в деревне есть музыкальная школа, но я не занимался музыкой никогда, хотя и сдавал на первом курсе «Музыкальное искусство». Надо сказать, что не сдал. Засыпался на Грегорианском хорале. ...Потом всё прочитал. Люблю, когда очень хорошо поют.

— Ваша деревня далеко от Москвы? ...Так далеко. А на поезде, если без пересадок?

— Больше трёх суток. А было раньше, четверо.

— Я многого не знаю. Люди к старости узнают кое-что, а дети, когда рождаются, ничегошеньки не понимают. Даже фамилию свою не знают. Нужно много читать. Мама читает, читает. К лекциям готовится, к семинарам готовится, статьи пишет, так ещё больше книг читает. Можно сойти с ума. Правда?

— Не уверен, но бывает, — согласился Вадим, закрывая конспект. «Ладно. Что-то ведь знаю. Экзамен — это лотерея. Повезёт — не повезёт». Он соскучился по девочкам, хотя часто звонил. Последний экзамен. Установочная сессия. Билет Бабушкин взял на самолёт. Можно было покачаться в поезде до Рябцевска, а на сэкономленные деньги купить детям конфет. В плацкартном вагоне он обойдётся чаем с булочкой, на обед — разбавленный борщ в вагоне-ресторане. Ужин, отдать врагу. Такой ужин можно и отдать. Жалко врагов.

— Муравьи не учатся в школе, а знают свои мурашиные науки.

— Не уверен. Должна быть у них школа.

— Я не подумала. Обязательно есть. Есть у них школа. Откуда-то им известны проблемы. Никто не загорает, все спешат. Как в Москве.

На высокое крыльцо учебного корпуса вышел Валера Сашин — широкоплечий крепыш, пытающийся скрыть улыбку в губах, но она освещает лицо. Помахал Бабушкину зачёткой, показал растопыренные пальцы. Его тотчас окружили, затормошили, расспрашивая...

— Извините, Маруся. Мне пора. Очередь подошла сдаваться.

— Сдавайтесь. Ни пуха и ни пера. Я буду болеть за вас. Очень сильно. Мама сегодня добрая. Не бойтесь. Я пока за мурашами послежу. У них тут большой город под землёй. Как бы к ним заглянуть и помочь чем-нибудь.

Бабушкин вошёл в аудиторию, развернул зачетную книжку, вложил экзаменационный лист. Взглянул по сторонам, заметил следы перестройки. Когда-то большое помещение перегородили, но сохранились остатки лепнины под потолком, старинные колонны. Здесь проводили музыкальные вечера, а может быть, читали стихотворения поэты. Было душно и весело от музыки и нарядов.

На первом курсе предприимчивые студенты скрутили с оконных рам на сувениры старинные бронзовые ручки — скобы. Вадим помнил, как они выглядели. Он даже открывал окна, когда приехал сдавать экзамены в первый раз. Как и в этом году, горели торфяные болота. Улицы терялись в расплывчатой синеве. В открытые окна вползал невидимый дым. Вероятно, как 1812 году. Сквозь сотни слоёв краски проступали растительные узоры. Мастера далёкого времени умели простую вещь сделать произведением искусства. Талантливые и предприимчивые студенты высоко оценили мастерство. Сотню лет стоял особняк, сотни лет открывали и закрывали окна, а вот в осень 1974 году пришлось завхозу закупать современные скобяные изделия.

Экзамен принимали Аглая Фёдоровна Фёдорова и Анна Васильевна Руднева. У Аглаши, так ласково звали старушку, внуки старше Маруси. Они не могли разгули-

вать по двору института. Внуки не могли, а правнуки — могли. Вадим не видел, кто уводил девочку, но предположил, что мамой называет Анну Васильевну.

Серый костюм Рудневой подчёркивал статную фигуру, а копна волнистых желто-серых волос указывала на родство с девочкой. Вадим рассматривал полные сочные небольшие губы с остатками помады, чуть курносый нос со следами редких юношеских веснушек. Заметив, что нестоличный студент чересчур пристально изучает её лицо, опустила голову и повелительно сказала:

— Билет. Скажите номер. — Бабушкин показал билет, вздохнул про себя; третий вопрос сразу заволновал его, погасив хорошее настроение. Ответа на него в памяти не находилось. Буду сдавать Аглаше. Доктор наук не заваливала, но и «отлично» ставила редко, — размышлял провинциал, отыскивая на соседнем столе бумагу для записи плана ответов. Его наборная самодельная ручка — подарок друга детства Юрика Дедова стала талисманом. Он заметил с первого курса, что сувенир приносит удачу. Даже сочинение на вступительных экзаменах написал на «хорошо», что вызвало у него недоумение и восторг. Обладателей подобных оценок оказалось на потоке только четверо.

Санёк Лазунов, дёргал его за рукав, когда в списке троечников он искал свою фамилию. «Вот мы где. Четыре строчки. Ты — второй. ...Не верит». Вадим, в самом деле, не верил глазам. «Саша, ты вписал меня? ...И Тишков. Мы вместе писали. Сидели рядом». С русским языком у Вадима нет дружбы. За сочинения получал 5\1. Грамотность — нулевая. ...Удача? Нет. Много готовился.

Здесь, у доски объявлений они познакомились и с четвёртым абитуриентом, получившим высокий балл. Валера Сашин приехал в Москву из Астрахани. Был рыбаком, работал художником-оформителем, его работы привлекали профессионалов, но он выбрал литературу. Незаметно мужчины подружились. Писали прозу, но пока не печатались в солидных изданиях. Друзья отмечали, как водится, сдачу трудных зачётов и суровых экзаменов. Обменивались адресами музеев. Саша, знавший, в каком столичном музее новые экспозиции, рекомендовал приятелям непременно их посетить. Благодаря его настойчивости, Вадим оказался в легендарном театре «Ромен». Саша и билеты «добыл» для провинциала, который не был театроманом, но впечатления от спектакля остались у него хорошие.

Бабушкин по рекомендации журналиста Володи Ширяева попытался поступить в этот уникальный вуз, но подвёли знания русского языка. Не мудрено. В лесном посёлке кое-как окончил вечернюю десятилетку. Сезон отработал в лесничестве пожарным сторожем, а мог бы закончить Лесную академию, но попал в лесотехникум, должен был выпускать карандашную продукцию или спички, но родина попросила её защитить. Пришлось надеть форму, расстаться с мечтой о конструировании удобной мебели, а год строить разные объекты. Генералом не стал, правда, и не хотел. Придирчивые медработники госпиталя послали его домой, забыв назначить даже символическую пенсию, так как Вадим по совету таких же травмированных, как и он, отказался от хирургического вмешательства в разрушенный молодой позвоночник. Судьба испытывала, толкая то в одну сторону, то в другую. Чья-то рука направляла Ва-

дима туда, куда не думал идти, всё же привела к той единственной дороге, по которой он должен продвигаться, не сворачивая.

2.

Время летело незаметно, Вадим ковырялся в своей памяти, но ничего по третьему вопросу не мог выцарапать. Память не выдавала даже куцей информации о танкере Дербент. Читал ведь. Давно. Сюжет забыл...

— Кто готов? — раздался металлический голос Рудневой. Вадим ощутил на себе преподавательский твёрдый взгляд, но голову не оторвал от листа, продолжая писать какие-то глупости. Студенты притихли, как мыши в кладовой, услышав шаги кота. Отдельные заочники хотели сдавать свой облегченный багаж знаний именно бабушке — милой и доброй, понимающей, что этим тёткам и дядькам не нужна стипендия, что они что-то написали, а некоторые — публиковались в газетах, журналах и даже в издательствах. Учатся они в этом вузе, не потому что очень хотят, чтобы их научили правильно писать романы и повести, а просто так повелось, что нужно иметь документ о высшем образовании. Им понятно, что опытные писатели на смогут им дать навыки ремесла, но подскажут, как не стоит делать, пытаясь что-то кому-то рассказать.

Эти честолюбивые поэты и прозаики спешат заявить о себе. Прокукарекав единожды, пытаются петь дальше, но всех ли услышат сегодня, завтра. Посмертная слава хороша, но хотелось бы при жизни увидеть свои книги на прилавках, в руках друзей и любимых. Они работают, спешат в издательства. Рукописи отвергают. Литераторы не бросают своих устремлений, верят в звёздный час. Жизнь проходит мимо окон, перед которыми, не глядя в

гущу событий, стареют над рукописями они, отравленные ядом честолюбия, забыв обо всём на свете. Крупницы таланта постепенно тают, как угольки затухшего костра, покрываются пеплом, пропадая. Тогда приходят злобность и отчаянье, запой и разорванная психика. А ведь мог быть хорошим инженером, прекрасным отцом. Не ту подкинула судьба дорогу, не по нужному пути покатила тележка жизни... Что делать? Кого винить? Не пошла масть... Почему не писал о рабочем классе? Почему не восхвалял дорогую действительность, её стройный порядок и счастливые майские колонны. Зачем показывал отрицательные явления? Советовали, вступай в партию, говорили, пиши чисто и просто? Мудрил. Умнее всех хотел показаться? Кто ж будет издавать такие книги. Какой редактор хочет получить по шапке за твой роман, за повесть, которая идёт в разрез с истинным курсом страны? Только глупый. Он знает, что тираж изымут, сдадут в макулатуру, а ему придётся долго искать работу...

Большинство преподавателей старались задать такой вопрос, «поплывшему» заочнику, чтобы ответил, чтобы ему можно было с лёгким сердцем поставить «тройку».

Мишка Тишков из Подольска, коршуном метнулся к Аглаше, сгоняя со стула Вовку Мулярова, сплавщика из Вологодского посёлка, который «отстрелялся», ожидая, когда в его зачётке возникнет последняя роспись, и он станет студентом четвёртого курса. Вадим осмотрел сидящих, предполагая, кто сможет ему помочь, но кто будет расписывать сюжет «Танкера Дербент» Юрия Крымова. Кино видел, а книгу вроде читал, а может быть, и не читал. Кино — это далеко не роман, можно залететь, ведь сцена-

рист мог что-то добавить или выбросить каких-то персонажей.

Санёк Лазунов, похоже, готов отвечать. Вадим хотел попасть в семинар к Виктору Алпатову. Его романы о сплавщиках и лесорубах Вадим читал каждый год. Узнал Алпатов у двери кафедры «творчества», подал руку и представился. Худощавый мужчина, с уставшим лицом, услышав рассказ об общих знакомых, не удивился и не обрадовался, сказал, что ведёт семинар местных студентов, с которыми встречается каждый месяц. Вадим знал от Александра, что Алпатов крепко помогает своим семинаристам. Вадим попал (говорят, что преподаватели набирают к себе авторов понравившихся конкурсных работ) в семинар известного прозаика Никиты Сергеевича Набатова, автора экранизированных романов «Вестница», «Житие Степана Громова». Вадим взял в библиотеке книги руководителя семинара и начал неотрывно читать. Когда пришло время спать, ушёл в кухню, где горел свет; не мешая другим, можно читать до рассвета...

Рудневу уважительно побаивались... На халяву ей не сдашь экзамен. Всё это знали. И стеснительно трусили отдельные студенты, понимая, что знаний мало. Их нельзя выстроить в систему. Бабушкин помнит предыдущий экзамен, когда преподаватель объявил накануне, чтобы не дрожали, не делали шпаргалок, потому что он разрешает сходить в библиотеку, посоветоваться. Почему? Потому что узнает по нескольким фразам о кругозоре, о системе знаний. С ним было легко, но жилы он вытягивал, как средневековый палач. Нужно было удивить собственными суждениями, своим подходом к жизни и литературе.

Он следил за её любопытными руками. Она перебирала зачётки. Тишков бодро отвечает. Рядом садится Николай Малович — коллега по семинару, сожитель по комнате. Только вошёл, и готов. Коля — журналист, живёт в карельском городе Пудож. Начитанный до тошноты, но пишет медленно и хорошо.

— Бабушкин. — Требовательно приглашает Руднева, рассматривая в зачётной книжке его хилые «достижения». Осматривает сидящих выпуклыми глазами за линзами очков. Впрямь, похвалиться нечем. «Пятёрки» редки, «чётвёрки» — иногда, но «тройки» — постоянно. Это у земляка Вовки Жукова из Барнаула нет ни одной «тройки», а в только «отлично». Бабушкин решает честно признаться, что не читал «Танкера», рассказать, что в издательстве выходит первая книжка «Последний пожар». Она отняла много времени, пришлось переделывать, сокращая вторую повесть.

Преподаватели иногда интересуются творческими делами студентов. Бабушкину импонировало то, что проректор, заведующий кафедрой советской литературы Таран-Зайченко, всякий раз, встречаясь в коридоре, на лестнице, спрашивает, как дела с урожаем у них в районе, будет ли работать на уборке. Узнал, что Вадим четыре сезона косил хлеб комбайном. Преподавателям должно быть интересно, что пишут студенты, какие книги будут выпускаться в далёких краевых и областных издательствах. Москвичи и москвички в лучшем положении. Они атакуют издательства, толстые журналы, киностудии. Устраивают рукописи в литературные газеты, чтобы заявить о себе, о своих произведениях. Учатся общаться с редакторами, учатся работать

и понимать ситуацию с рецензированием, с редакционными планами.

Однажды, когда обсудили его повесть, Никита Сергеевич скажет задумчиво, дескать, видит, как это можно снять, чтобы получился хороший кинофильм. Староста Людмила Смагина вдруг встанет: «Никита Сергеевич, помогите Вадиму приготовить сценарий, вы же знаете режиссёров на «Мосфильме». Набатов посмотрит вдаль, открывает крышку, лежащих на столе карманных часы, убедится, на месте ли стрелки. Заговорит Малович, Муляров, загомонят семинаристы, умоляя преподавателя помочь курснику экранизировать понравившуюся им повесть. Набатов будет держать в губах мягкую улыбку, плавно складывать в портфель продолговатую записную книжку, журнал. Прозвонит равнодушно и требовательно электрорзвонок. Фронтоник разведёт руками, пойдёт из аудитории, в которой они будут встречаться, обсуждая рассказы и повести мужчин и женщин, решивших посветить себя творчеству.

Вадима толкнёт староста в плечо, показав жестом, чтобы наедине переговорил с наставником. Он нагонит преподавателя, начнёт униженно просить помощи, даже встанет на пути...

Вадим не понесёт повести и рассказы в столичные издания. Не пойдёт и на овощную базу, куда направят заочников, перебирать овощи, не попадёт на банкет после госэкзаменов, не посетит с семинаристами Дом литератора, куда их поведёт великолепный рассказчик, автор многих известных пьес, повестей и романов. Не потому что он такой, плывущий против течения, просто у него в ту осень аукнулась армейская травма.

На лекции ездил не каждый день. Лежал на кровати, засунув под сетку штакетину, чтобы не прогибалась, читал литературу, которой нет в сельской библиотеке. Экзаменаторы требовали знания литературных текстов. Нужно знать и помнить, какого цвета было платье на Ростовской Наталье, когда она прибыла на бал. Он не имел права оставаться на второй год. За сданную сессию в редакции платили, но не выше ста рублей. В то время это были деньги. Булка хлеба стоила — от 14 до 25 копеек, а бутылка водки — 3 рубля 62 копейки; Столичная — 4 рубля, 12 копеек. Оставить семью без средств не мог, пытался где-то искать левый заработок. Не отказывался поколоть соседке дрова, отремонтировать дверь. Это потом он будет получать гонорары за свои книги. Потом. Договора заключат два издательства. А тогда, тогда было всё иначе. Каждая копейка в цене. Благо, помогала тёща, брала к себе на лето детей, чтобы он мог писать в тишине. Но Вадиму не писалось, в пустой квартире, в которой стояла липкая тишина. Дети не бегали друг за другом, не прыгали по дивану, не включали телевизор. Тишина оглушала. Мысли путались. Пил с соседом водку, ездил вечером на реку. Молчала машинка. Он ждал детей, как спасение, как путник в пустыне, изнывающий от жажды, мечтает о воде..

Бабушкин пишет на работе, пишет дома. Печатная машинка стучит по выходным, по праздникам. До двенадцати ночи Вадим оставляет на бумаге строки, правит их, начинает вновь, веря, что заметит Никита Сергеевич его оригинальные рассказы с зашифрованными деталями, намеками, заставляющими читателя думать.

Разгадывать литературные ребусы в издательстве не хотят. Рукописи уходят в ящики стола, хотя на совещании

молодых литераторов его повесть рекомендовали к изданию книжкой. Проходили год за годом, а издательство не рвалось заключить с ним договор. «Последний пожар» тлел до восьмидесятого года, когда будет опубликован в журнале «Рассвет».

Пришло время, и Бабушкина вызвали готовить книгу к изданию. Волнуясь, подписывает первый издательский договор. Работает с чудесным редактором книжного издательства Инной Котовской. Как слепец, прозреет, увидев недочёты. Милая женщина научит тому, что он не умел делать — редактировать свои рассказы.

Осенью 1982 года Вадим едет убирать хлеб в колхозе «Полевод». Изучает колхозную жизнь, старается понять, чем жив крестьянин. Ночью, кое-как, отмыв от мазута руки, спешит записать впечатления ушедшего дня, случаи, рассказанные механизаторами. Он почти свой. Ему доверяют, делятся заботами.

Анна, не читавшая его повестей и рассказов, уговорит приятеля Анатолия Спиридонова доставить в степную полевую бригаду десять экземпляров тонкой книжонки в мягком переплёте. Анатолий найдёт в степи звено. Солнце ушло за дальнюю ленту бора. Вадим вёл комбайн за машиной Леонида Бурбы, который уговорит его заняться кино, организовать киностудию.

Мазутными руками торопливо откроет Вадим брошюрку, увидит свою фотографию, на которой выглядит недовольно — усталым. Десять лет ждал этой встречи. Десять лет работал, живя надеждой и верой. Сорок тысяч покупателей разберут его «Пожар» за семь месяцев.

— Бабушкин, — повторила Руднева.

— Немного не додумал, — сказал Вадим, глядя, как мерит длинными ногами аудиторию Михаил Тишков. В дверях он показывает жестом, Вадиму, чтобы не волновался.

— Время вышло. Прошёл час. — И сорока минут нет, думает Вадим, смотрит на пустой стул перед столом, за которым уверенно расположилась кандидат философских наук. Неожиданно ему показалось, где-то видел это милое лицо. Видел, но очень давно. Странно, знакомое лицо. Слушал женщину, конспектировал её лекции. Вадим отвечал уверенно, чётко выговаривая слова, как учила психолог.

Перед вступительными экзаменами, поехали абитуриенты в центр столицы попить пива, но вспомнил Вадим, что видел объявление о встрече с психологом, которого пригласила экзаменационная комиссия. Предложил ребятам забежать в институт. Молодая женщина учила, как нужно отвечать на вопросы экзаменаторов. Это было удивительное откровение, которое заставило присутствующих задуматься о своих знаниях, забыв о пробелах. И даже английский Вадим сдал, хотя в аттестате стоял прочерк. В вечерней школе не было преподавателя иностранного языка, но он учился в большой светлой школе имени Горького городе Белокаменске. Вадим хорошо переводил тексты, хотя не знал грамматику, отвратительно читал. Ему нравилось расшифровывать чужие фразы. Англичанка прочила ему иняз, но Вадим чувствовал, что это не его жизнь.

Много раз мысленно благодарил ту женщину, которая рассказала, как выходить из трудных ситуаций, возникших на жизненных экзаменах. Потом, организовав киностудию,

будет рассказывать кружковцам, как сдавать экзамены и зачёты, и не сдаваться.

«Где видел эту милую тётку. Мы вроде где-то встречались раньше», — думал Вадим, машинально сплетая многословие своего ответа. Он сделал две недоговорённости для того, чтобы Анна Васильевна могла задать ему вопросы на уточнение положений. Это была уловка, придуманная им. Чтобы преподаватели не мучились, какой задать вопрос студенту, чтобы ответил; нужно пропустить в ответе важные детали, которые нужны, а без них ответ будет, но не достаточно полным.

Анна Васильевна потребовала уточнить, добавить, углубить. Бабушкин, как рыбак, подкинувший наживку крупной рыбе, принялся пространно углублять свой ответ. Она поняла, что провёл её. Студент прекрасно знает ответ, а теперь, отвечая на вопрос, вновь искусно тянет время. Руднева остановила его тирады, примеры и сравнения. Так учила незнакомая психолог. «Если вы забыли то, что происходило в Англии, расскажите о Франции, как бы сопоставив политику двух государств, ведущих столетнюю войну. Никогда не говорите, что не знаете, что забыли. Показывайте свои знания в интересном и содержательном рассказе, но связывайте с тем, что написано в билете. Ведь что-то вы знаете. Выковыривайте из своей памяти изюминки знаний. Складывайте по кирпичику, соединяйте, делайте выводы».

Вадим, как сыщик, вытаскивал из тесных закоулков памяти иногда удивительные знания. Перед экзаменом по истории увидел у начитанного паренька новенький альбом с репродукциями художника Верещагина. Он внимательно рассмотрел все страницы, прочитал биографию, хотя что-

то помнил, что-то слышал, видел по телепрограмме. Вопрос попал такой простой, такой знакомый; Вадим накануне листал учебник, ведь прочитал, но не переварил, не запомнил. И тогда вспомнил картину «Апофеоз войны» — груда черепов на песке. С воодушевлением стал рассказывать о картинах великого художника. Преподаватель ожидалась — студент сдавал историю, но заговорил о живописи; с интересом смотрела на провинциала, задала вопросы, касающиеся биографии Верещагина. Вадим начал подробно сообщать всё, что отпечаталось в его памяти. Кандидат исторических наук любила живопись, остановила будущего студента и потребовала сообщить, как погиб мастер. Оборвала вновь, развела руками, улыбаясь спросила, — что поставить? Бабушкин оторопел. «До «отлично» не хватает системы знаний, а «хорошо» — будет справедливо». Историк взяла экзаменационный лист. Они поблагодарили друг друга.

— Что? — спросил Тишков, когда Бабушкин вышел из аудитории. Вадим подал лист. Мишка удивился. Вадим взглянул в свой документ и увидел: «отл.». Воскликнул: «Не ожидал».

...Когда очередь дотянулась до третьего вопроса, Вадим достал платок, чтобы провести им по лбу, изображая утомление, в это время высокая дверь аудитории слегка дрогнула, приоткрылась и Марусина очаровательная головка возникла в трещине между дверями. Девочка степенно подошла к матери, что-то очень тихо сказала, а потом обошла стол, встала около Вадима и ласково посмотрела на мать.

— Что вы так волнуетесь? — укоризненно проговорила Маруся, заглядывая в его записи. Студенты оживи-

лись. — Я вас буду ждать в актовом зале. Договорилась с вашей кафедрой заочной. Я сыграю пятую симфонюшку «Дождик счастья».

— Мария. Не отвлекай моих студентов, — очень строго сказала Руднева. — Продолжайте, Бабушкин.

— Я переживаю за него, а он сбивается, потому что боится тебя, мама.

— Ничего он не боится. Он не читал роман, а хочет выкрутиться... Позвони деду, пусть тебя отсюда заберёт, — тихо говорила Руднева, стараясь выглядеть суровой и отрешённой.

— У меня с твоим Бабушкиным возникли неотложные дела. Позвоню попозже.

— Поволнуйся и за меня, — попросила Маша Ермолович, фельдшер-акушер из крохотной белорусской вёски, пишущая для детей. Вадим и Маша в одном семинаре. Она растерялась, когда Бабушкин предложил опубликовать несколько рассказов в газете, где работает. Неделю раздумывала добрая женщина, мать четырёх мальчишек, Отдала Вадиму только один крохотный рассказец, сказав, над остальными нужно ей работать. Бабушкин пытался возражать, но Маша не стала его слушать. «Ты там начнёшь править по-своему, а я это не люблю».

Выйдет в 1988 году вторая книжка повестей у Бабушкина «Всё не так». Он не станет пробиваться в Союз писателей. Начнёт помогать одарённым односельчанам, преодолевать творческие проблемы с написанием и изданием рассказов и повестей. Будет просить организаторов краевых семинаров прислать оплачиваемые вызовы студийцам. Одновременно выйдут ещё две солидных книги. Будет возможность уехать в город. Но дети ещё учились в шко-

ле. Он боялся, что в новой школе им будет тяжело обжиться. Поэтому не спешил покидать село. В нём он вырос. В нём женился. Родились дети. Написал книги. Что делать в городе?

Маруся играла артистично. В пустом зале звуки рояля плавали долго, медленно истончаясь. Они уносили Вадима в детство на станции Заринке, когда барахтался в тёплом ручье с подружкой Ольгой Попадьиной. Его мама работала библиотекарем в избе-читальне. Пламенели оранжевыми огнями высокие подсолнухи за плетёными оградами. Музыка воскресила в его памяти будущую повесть, в которой он опишет побег к бабушке и опасный переход по плавающему мостику через разлившийся ручей. Он вспомнил три радуги над башней элеватором. И даже услышал гудок дядиного паровоза, который иногда останавливался на станции, пропуская составы с важными послевоенными грузами. Дядя Ваня — мамин брат помогал ему забраться в кабину, угощал сахаром и варёным мясом, доставая из своего солдатского котелка. Мясо было красным. Такой борщ умела варить только его дорогая бабушка. Дядины руки пахли углём и мазутом. Он заставлял съесть всё мясо, говоря, что должен от него теперь быстрее расти. Мама запрещала обедать у дяди на паровозе, говорила, что его могут наказать, потому что он разрешает посторонним подавать ненужные гудки.

Вадим рос в окружении ласки и любви. Его носили его на руках, шили майки и панамки. Варвара, Евгения, Анастасия и дядя Григорий угощали конфетами и фруктами. Дарили подарки. Всегда это были книги. Братьев двоюродных не было ещё. Вся любовь доставалась ему.

Взорвалась тишина, а в раскрытое окно с Тверского бульвара втекали звуки открывающихся дверей троллейбуса, гудение двигателей.

— Дядя Вадим, вы расстроились из-за тройки? У вас глаза плачевные стали.

— Это твоя музыка душевная. Ты будешь композитором?

— Не совсем решила. Мне нравится рисовать музыку. Потом играю. Давайте я вам подарю на память. Когда научусь писать нотами, тогда будет лучше. Вы не забудете знать, что это я написала для вас.

— Я возьму магнитофон у знакомого товарища. Он недавно его купил. Запишем на ленту все работы. Я буду слушать и помнить, что вы с мамой живёте здесь, приходите в этот двор, смотрите на мурашей. Я не буду приезжать в Москву, так как придёт время, закончится учёба, а я стану старым, но когда-нибудь приеду сюда, привезу детей, и вы, может быть, познакомитесь. Они очень хотят побывать здесь.

Лицо девочки стало грустным, и она вздохнула.

— Это же так просто. Мне никто не подсказал. Только один в мире человек меня услышал. Ваши дети любят вас? И жена любит? Она записывает на магнитофон ваши рассказы, а потом слушает их, когда вы уезжаете?

— Она их не читает. У неё нет времени.

— Я бы тебя очень любила и не играла, когда ты пишешь лекции. Они не мешают тебе учить уроки? ...Дети ваши?

— Однажды они уехали к бабушке в Новосибирск. Я хотел перепечатать повесть, но не смог. ...Потому что в

квартире очень тихо. ...Дети никогда не мешают мне. С ними хорошо.

— И со мной? — задумалась Маруся. — У вас три сестры. Им здорово вместе. Одной трудно жить. А вчетвером можно сделать ансамбль. Тебе... вам хочется к ним?

— Да, — сказал Вадим, рассматривая девочку. Где же видел Анну Рудневу? Мы встречались.

— Я вышлю записки к Новому году.

— Что-то проголодался после экзамена. Пойдём в столовую, отметим событие. Возьмём лимонаду, уйдём в заросли за спортивной площадкой, как настоящие путешественники.

— Я согласна. ...Мне нужно узнать её мнение. Мы-то друзья. А мама — только принимает ваши экзамены заочные. Она тебе не очень знакомая, хотя вас знает.

— Она только спрашивает, а музыку не играет...

3.

Крутила судьба Бабушкина, как умела, а в этом она была профессионалка. И если Белокаменская многотиражка публиковала первые неуклюжие рифмованные строки, фотографии городских пейзажей, то это не значило, что Вадим знал, кем будет в этой жизни. Проходил производственную практику с соклассниками на машиностроительном заводе. Разряд получил электрослесаря. Всё. Дальше путь оборвался, не стал он работать на заводе, не пошёл в индустриальный техникум, а, начитавшись книг о путешественниках, старателях, зверобоях, уехал в тайгу, к тёте и дяде, который работал в лесничестве. Захотел стать лесником. Вот такие желания у Вадима родились ещё в восьмом классе.

На каникулах с Сергеем Крохиным отправились в путешествие, открывать таёжную страну. Эта страна понравилась. Там не было на дверях замков, там люди приветствовали друг друга по имени и отчеству, там собаки лежали на тротуарах, а рядом находились кузова и ружья. Это была странная и чудесная таёжная жизнь. Он примерил её к себе. Она ему оказалась впору. Бабушкин, окончив десять классов, собирается начать новую жизнь.. Мама — против, нет документа о среднем образовании. Это не смущает открывателя.

Прибавив год, Бабушкин по совету тётиного мужа становится пожарным десантником. Через год вернётся из армии с белым билетом, и его примут фотографом в леспромхозовскую мастерскую по оказанию бытовых и прочих услуг, вменив стрижку и бритьё. Фотографировал он неважно, а стричь не умел, но, сидя в комнатке перед большим зеркалом, писал. Вымучивал первые таёжные рассказы. Надо сказать, что один крошечный рассказик отпечатался в районной газете. Его там запомнили.

После того, как пришлёт фоторепортаж о студентах стройотряда в редакцию, Вадима пригласил редактор работать фоторепортёром. Он и тут оказался не на месте. Ни знаний, ни опыта; хотя дали книги по газетным жанрам. Он мог написать очерк на разворот, а вот простой фоторепортаж не получался. Третиrowали его, требуя нормальных материалов, полагая, что приняли Бабушкина по проекции. Подсиживали коллеги, подводили под выговора, а он, как собака, стряхивал с себя газетных блох, учился работать, скитаясь по квартирам и углам.

Новый редактор разглядел в сотруднике хилые ростки литератора. Перевел в литсотрудники. Приехавший в ре-

дакцию из Томска начитанный и эрудированный паренёк — Володя Ширяев, взял над Бабушкиным шефство. Привозил ему книги, разбирал стихотворные строки, помогал освоить газетное ремесло. Жили ребята, наперекор пожарному инспектору, в редакции, варили супы из банок, крутили кассету Высоцкого на редакторском магнитофоне, говорили о литературе и литераторах.

Тайно Володя отправил стихотворения Вадима в институт, надеясь, что придёт вызов на экзамены, но слабые стихотворения не прошли творческий конкурс. Однажды Ширяев увидел, что его ученик работает над главами повести. Обрадованный, стал их перепечатывать, чтобы вновь отправить в институт. Произошли события, которые затормозили творческое общение друзей. Володя уехал в Томск сдавать сессии. Учился заочно в Университете, а Вадим скоропостижно женился на худенькой девочке с ласковыми глазами. Жила семья в фотолаборатории, красный свет фотофонаря стал привычным освещением, так окон в комнатке не было.

...Повесть Бабушкин кромсал на куски, несметное количество раз, переделывал, и всё же послал на творческий конкурс, когда дочери Алёнке исполнилось четыре года. К тому времени опубликованы несколько рассказов и повестей для детей. Журналы не принимали малограмотного автора. Ширяев иногда налетал из Томска, читал рукописи и морщился. «Старик, плохо. Этта повесть нормальная, но неряшливо и многословно. Ууучись редактировать ссебя». Учись, учись, учись, а как учиться?

4.

Вадим отправил посылки, приехал в институт, чтобы сдать книги и подписать обходной лист. Он не видел, как в

ворота всплывает длинная «Волга» небесного цвета, но услышал её двигатель. Хотел свернуть в аллею, ведущую к памятнику Герцену, чтобы не мешать автомобилю. Бабушкин оглянулся. Распахнулась дверца, и девочка — одуванчик в джинсовом комбинезоне кинулась к нему. Семилетней девочке понравился студент из провинции. Бывает такое. В нём она хотела бы видеть потерянного мамой на дороге жизни, отца. Вдруг девочка запнулась, начала падать. Падала медленно. Как в кино. Рассмотрел студент-провинциал, что держит в руке Маруся кассету. Она спешила к нему. Бабушкин тоже летел к ней, но тоже медленно. Так летели они навстречу друг другу. Кто первым коснётся асфальтовой дорожки? У кого скорость падения, окажется выше?

Когда-то Бабушкин ловил мячи. Очень трудные. Его хотели взять в команду, но он оказался заурядным вратарём. Удивлялись друзья. Вчера ты мог взлететь на три метра, а сегодня мяч из рук роняешь. Не знали друзья его секрета. А он был этот секрет — очень симпатичный. Так ему казалось. ...Маруся упала на его вытянутые руки. Земное тяготение вновь испортилось по его желанию. Потом он напишет повесть «Мечь за обман», в ней расскажет о своём друге, о себе и других товарищах и недругах.

Вадим пролетел навстречу Марусе метров пять, а может и больше, рассчитав место, где она должна упасть на асфальт, удариться, пораниться. Он не мог позволить себе подобное. Это девочка была очень похожа на его детей. Он так прыгнул, что девочка, падая, опустилась на его протянутые руки. Не ушиблась, не поранилась. Они вскочили, глядя друг на друга. Руднева подбежала, и не знала, что делать. Она не кричала, не ругала дочь. Молчала. За

экзамены столько наслушалась, наговорила, что могла месяц отдыхать, ни с кем не разговаривая.

— Я тебя сразу увидела. Узнала, как ты уходил, — говорила счастливая Маруся. Вдруг её глаза наполнились слезами. С содранных о грязный асфальт ладоней Бабушкина капала кровь. Он пытался скрыть боль, улыбался, стряхивая с продранных на коленях поглаженных брюк, пыль.

— Это ерунда. До свадьбы обычно заживает.

— Мне дед записал музыку. Это вам, чтобы вы меня всегда слышали, — девочка подала кассету. Вадим, поблагодарил девочку, начал завязывать платком.

— Бабушкин, бросьте паясничать. Садитесь, едем в медпункт, может заражение.

— Что вы, Анна Васильевна. Сейчас продезинфицирую народным способом, как на собаке зарастёт. — Вадим собирал книги. Капля крови упала на обложку «Танкера Дербента». Маруся посмотрела на мать. Анна Васильевна проговорила:

— Значит, вы читали роман? А почему не ответили на экзамене?

— Оказывается, читал, но забыл. После экзамена взял в библиотеке, перечитал. Теперь это неважно. Правда?

— Ты, разве боишься уколов, как я? Тогда я скажу, чтобы и мне поставили три укола, чтобы вам было смелее. Мама, у него кровь бежит из платка. Дядя Вадим, давайте быстрее поедem лечить руки...

— Не хотите в медпункт, поедem ко мне. Нужно брюки отремонтировать. Вид у вас, студент-заочник, ужасный. Аптечка в машине. — Руднева покачала головой. — Я не справлюсь с этими дырками. Не получится

ажурной штопки брюк. Я — не умею штопать чужие брюки. Придётся покупать новые. У вас есть деньги? Какие деньги в конце сессии. ...Потом перешлёте. — Анна Васильевна достала аптечку. Состригала лохмотья кожи, невольно морщилась: — нужно хорошо обработать раны. Дома у меня есть дедов бальзам на прополисе. Он сам делал, пчёл держал, а сейчас на даче. Завтра от ваших страданий останутся лишь неприятные воспоминания, — Маруся, сжав губки, следила за руками матери. Правая ладонь была ободрана меньше, чем левая. Вадим с трудом собрал книги забинтованными руками.

— Давайте я понесу, — предложила девочка, забирая у Бабушкина три тома Голсуорси. Они пошли по узкой аллейке мимо бронзового Герцена, стоявшего много лет с блокнотом в руке. Санёк Лазунов фотографировал Ренату Деркач, драматургиню из Молдавии и Ольгу Каринову. Вадим не знал, у кого они в семинаре, но знания у Ольги были настолько велики, что на лекциях они нечаянно выскальзывали из неё. Почти на каждой лекции она поправляла и дополняла преподавателей. Завидев Вадима, Александр предложил попозировать рядом с бронзовым классиком.

— Господин Бальзак (так друзья — однокурсники «обзывали» иногда Бабушкина) Александр Иванович ждёт вас сто лет, чтобы я запечатлел вас рядом с ним. — Ольга и Рената приветливо улыбались, приглашая Вадима и Марусю. Заметив свежие бинты на руках, удивились.

— Это я виновата. Дядя Вадим меня спасал и оцарапался об землю, — сказала степенно девочка.

— Что случилось, Машенька? — поправила бант Ольга.

— Музыку ему написала, хотела подарить, а он ушел. Мама сказала, что лучше подождать до осени, когда дядя Вадим приедет опять. До осени четыре месяца. Это очень долго.

— Господин Бальзак пользуется успехом у красивых девочек, мамы которых строго принимают экзамены.

— Саша, как маленький. Шёл, упал, очнулся — бинт. Иду книги сдавать, обходной подписывать. А земля оказалась шершавой. Хоть бы кто соломки подстелил...

Вадим хотел освободиться от опеки преподавательницы, но Анна Васильевна заставила сесть в салон, когда вышел из учебного корпуса.

— Вы тут без меня больше не падайте. — усмехнулась Руднева, бросая взгляд на Вадима — Сидите и ждите. Маша, усаживай в машину своего принца из провинции. Следи, чтобы не сбежал. ...А куда он убежит в разорванных портках, с израненными руками. Его милиция задержит, чтобы выяснить, почему он не читал известный роман. Вадим, подождите. Зайду в бухгалтерию, и поедем в магазин за обновками. — Сказала, разворачивая автомобиль у спортивной площадки.

— Зачем я так бежала, — вздохнула Маруся. — Вы не уходите. Мама сказала, чтобы мы поехали к нам. Пожалуйста. Побудьте со мной. Что вам стоит.

— Хорошо. Давайте послушаем запись, предложил Вадим.

— Не говорите мне «вы», а «ты». Ладно? Мы теперь знакомые, потому что вы меня спасали. Будете?

Нужно уйти, думал Вадим, — возьму рублей пятьдесят, куплю брюки, а завтра поболтаюсь по магазинам, куплю апельсинов. Зачем ехать к ней домой, что я забыл у

этой надменной тётки? Сейчас придёт, спрошу денег и пойду штанцы покупать. А может быть, она тебе понравилась? Не в этом дело, кажется, я видел её где-то. На кого она походит. Надо выяснить. Где мы встречались? Странно всё это. Сколько студентов пытались развлекать на переменах девочку, а она оделила меня вниманием.

Анна Васильевна на просьбу Вадима отреагировала резко и насмешливо:

— Никаких займов. Помогу выбрать костюм. Потом обед. Всё решено. Какое кафе? Мы тут живём почти рядом. Самолёт у вас завтра. А сегодня лечиться, кормиться и одеваться. Я виновата — незаслуженно поставила низкий бал. Буду заглаживать вину. — Кокетливо проговорила Руднева

— Это я виновата, — сказала Маруся. — Я вам сыграю новую пьеску. Мне сочиняется хорошо.

Руднева выбирала костюм. Вадим и Маруся стояли у примерочной кабины. Они устали. Бабушкину не хотелось проститься с преподавательницей, которая оказалась не таким уж и сухарём. После пятой примерки Анна Васильевна вздохнула и приказала ехать в другой магазин. Бабушкину понравился тёмно-синий пиджак и коричневые брюки, но Руднева отвергла его предложение покупать одежду «вразнобой». В магазине готовой одежды на Арбате Руднева нашла то, что искала. Это был очень дорогой костюм. Вадим пытался протестовать, но его возражения повисли на грустных плечиках. Анна Васильевна без стеснения вошла в кабинку, потребовала, чтобы он снял старые продранные брюки.

— Выгружай карманы. В урну гипюровые брюки. Ремень принесу. Галстук... У вас животик, сэр. От связи с печатной машинкой и не такое у мужчин бывает

— Послушайте, я не похожу на бедного студента. Мне костюмчик сей не по карману, Анна Васильевна.

— На кого мы походим? — Они смотрели в зеркало и были нестерпимо чему-то рады, — походите... Вы не заметили, что мы походим друг на друга? Странно. Только сейчас заметила.

— Мама, дядя Вадим ходит на моего жениха. Ты не возражаешь, когда я вырасту, мы поженимся? ...А ты его оставь на второй год, чтобы он всю жизнь приезжал и учился, учился...

— Какой он жених, если у него трое детей? Не смогу его оставить на второй год. Он хотя и учится так себе, но хвостов за ним не замечено. К тому же он пьющий. Пьёт после зачётов пиво. Я видела, как он с приятелями стоял в очереди у пивного бара «Жигули».

Было такое. Саша, Валера, Миша заняли очередь. Через час Лазунов прибежал институт и сорвал Вадима, Ольгу и Ренату с лекции. ...Пиво было великолепно. Вадим с недоверием рассматривал варёных креветок, просил Валеру показать, как с ними обращаться. «Наша астраханская вобла — вот что должно идти к этому пиву, — сказал Сашин, — Жаль, что я мало привёз».

Вадим вспоминает вкус того пива и вспоминает друзей — сокурсников, которых не видел пятнадцать лет.

— Мама, когда я вырасту, то и дети вырастут. Они не будут нам мешать. ...А я у тебя одна! Хоть разорвись.

— Вы, хороший отец. Дети вас понимают, и вы их понимаете, а я мало внимания уделяю Машеньке, — гово-

рила Руднева, когда выходили из магазина. — Она больше с бабушкой и дедом. Сёстры помогали, когда училась. Тянется к мужчинам, в каждом хочет видеть отца. Разошлись, когда ей было три месяца. Бинт у тебя свалится сейчас, нужно перевязать.

5.

В трёхкомнатной квартире на пятом этаже уютно и светло. Вадиму показалось, что приехал домой. Стеснительность покинула его. Несмотря на возраст, остался большим ребёнком. В незнакомой обстановке скукожился, вёл себя заморожено и натянуто.

Неужели, все москвички такие. Сначала напустят на себя маску изо льда и бетона, а потом выяснится, что это, очень заботливые люди. Анна Васильевна брякала дверцей холодильника, чем-то стучала на кухне, а Бабушкин и Маруся рассматривали фотографии.

Вадиму нравился костюм. Он думал, где займёт деньги, чтобы отослать женщине, которой захотелось сделать ему приятное.

— Руки моем. К столу, — приказала Руднева, словно требовала назвать номер билета. — Опоздавшие могут не входить в аудиторию.

— А это мой дедушка. Он на фронте летал. Вадим взглянул на изжелтившую от старости фотокарточку и замер. Мужчина смотрел задумчиво и строго. Вот на кого походит Анна. Такая фотография есть и у матери. Они сняты вдвоём, а на этой фотокарточке мужчина один. Заметно, что плечо кто-то прикрывал, поэтому после отрезания изображения слева, нарушилась композиция.

— Это Василий Петрович Слесаркин? — спросил зачем-то Вадим у вошедшей Анны, хотя прекрасно знал, что

ошибка исключена. Много раз всматривался в портрет. На той другой фотокарточке слева стояла его мама Анна Петровна. На лацкане пиджака мужчины всё тот же орден Красного Знамени. Мама говорила, что отец участвовал в финской кампании. Работал машинистом паровоза. Его отправили на фронт в сорок четвёртом за то, что нарушил какое-то правило. Поезд остановился дальше обозначенной границы. Приходило похоронное извещение.

Руднева внимательно посмотрела на студента-заочника в новых брюках и, поставив на стол вазу с хлебом, ответила настороженно:

— Да. Это мой отец. Вы знакомы?

— Нет, — сказал Вадим. Я его не помню. Только орден. Он сейчас у меня.

— Он умер, когда я пошла в первый класс, в пятьдесят девятом году. Мама вышла замуж. Отчима зову папой. Это ошибка. Ты спутал, Вадим. Вот бальзам, смазывайте ваши израненные руки. Через час почувствует облегчение. Помочь? ...Папа ничего не рассказывал. Я и не помню. Почти ничего не помню. Мама была на фронте. Его привезли в госпиталь всего израненного. Она дала ему кровь. Потом они встретились. Он её нашёл. Но его комиссовали. Он не уехал. Остался при штабе.

— Дед на даче. Мы к нему хотели, но я попросила маму заехать в институт и передать запись тебе, чтобы не ждать четыре месяца.

На улице звонил трамвай, на балконе ворковали голуби. Пахло дымом и ржаным хлебом.

— Вот так встреча. Ты — мой брат, а Маруся — племянница, — зло сказала Руднева и расплакалась. Она вытирала глаза полотенцем, выбежав на кухню. Вадим сидел

на диване рядом с Марусей, не знал, как ему поступить. Пауза тянулась долго. Бутылка иностранного вина одиноко возвышалась над тарелками.

Девочка смотрела на Бабушкина и часто моргала. Она не понимала, отчего плачет мама, почему дядя Вадим внимательно рассматривает узоры на скатерти. Они должны радоваться, а не грустить. Дядя Вадим не чужой, а мамин брат. Не зря же он ей понравился ещё в прошлом году.

Девочка встала с альбомом и тихо вышла. Отправился в коридор и студент в роскошном костюме жениха или дипломата. С трудом обул стоптанные пыльные ботинки и открыл замок. Ободранные ладони саднило. Он поднял их вверх, словно сдавался. Но кто его взял в плен?

Лифт занят. Он пошёл по бетонным ступеням вниз, размышляя. Почему Анна заплакала? Много раз смотрел на сестру, не предполагая, что племянница именно ему будет играть музыкальные пьесы. Брякали дверки лифта, опускались вниз толстые чёрные тросы. Пахло кошками и тушёной капустой.

— Вадим, ты зачем ушёл? — выбежала Анна на лестницу. — Подожди. — А руки кому мазать? Папа долго умирал. Это мне очень запомнилось, — вздохнула Руднева. — Куда ты собрался намазанный, недолеченный? Вино пусть протухает и прокисает? Что это вы о себе возомнили? На пятом курсе я научу вас литературу любить.

И вот уже Маруся сидит на плечах у дяди. Показывает музыкальные рисунки. Руднева курит на балконе и думает — сказать ему или не говорить, что они не родственники. Или пусть живут в неведении. Пусть у девочки будет провинциальный дядя, который хочет стать известным лите-

ратором. Она заглянула в паспорт студента, когда в магазине выкладывал из кармана деньги и документы, Выяснила, что родились они в одном году, но с разницей в пять месяцев. Она старше его, а значит, Вадим что-то перепутал. На фотокарточке не его отец, а кто-то очень похожий, но с одинаковой фамилией именем и отчеством. Может такое быть или не может.

А ночью пошёл дождь. Москва посвежела, избавившись от дымного тумана. Анна и Маруся провожали Бабушкина в Домодедово.

МЕДОВЫЙ МЕСЯЦ

1.

В тайге тихо и светло.

Третий час бредёт по глубокому скрипучему снегу. Ровные стволы сосен кажутся обгорелыми у комлей. Белый снег слепит. Вчера закончился буран. Весь день просидели в балке, играя в домино. Огорчались потерянному рабочему времени. Зарплаты нет четвёртый месяц. ...Иногда он останавливался, рассматривая причудливо изогнутую корягу, украшенную кусками снега. Бригада подобралась что надо. Думал о товарищах, представлял

удивлённые лица. Трудно дышать — тяжелый воздух теснил грудь и жал на горло.

2.

— Зэк женится, — твердили поселковые кумушки, стоя у киоска с красочной вывеской, на которой осталось три буквы, четвёртую — сорвало ветром — «Л.ся».

— Кто за такого бандюгу пойдёт?

— Нашлась дурёха, — проговорила бледная остроносая женщина, кивнув в сторону киоска.

— Люська Терещова?

— Она в Томске. В культпросветучилище учится.

— Слезами будет умываться. Такая маленькая, тоненькая — ну, вылитая балеринка.

— Ей бы в куклы играть, — озабоченно сказала пожилая библиотекарь.

— Вчера Половникова измордовал у клуба.

— Ему-то стоило. Десятницу Уленькину оговорил. За трепотню и получил.

— Кто ж за неё вступится? Сиротка. Отец на охоте угорел в зимовье, а мать замёрзла пьяная.

— Сам. Клейма негде ставить. Одно слово — зэк.

— За что ж он?

— Не знаешь, Танька, разве? Суд был в райцентре не так давно. Дело было в Центральном. Напали на мальчонку два сыночка — директора леспромхоза и парторга. Зэк вступился. Они с велосипедными цепками и кастетами. Деньги требовали с пацана. Он мимо шел из столовой. Стал убеждать, а эти обозвали вербованным, начали цепками махать. Вот и судили его.

— За что?

— Зэк чего-то им поломал. То ли рёбра, то ли руки. Писали в газете.

— Брехня это. Парень ток с армии пришел. Комсомолец. Звено валочно-трелёвочное организовал. Фамилия у него редкая.

— Ага. Весь посёлок в страхе держит. Моему зубы посчитал, собака.

— Ну, правильно, Танюшка, ты после каждой полочки в тёмных очках сучки рубила. Хорошо, что деньги перестали платить.

— Хоть бы детские выдали что ли. Парнишке надо в школу сдавать на обед, а где взять? Доруководились. ...Теребцов ток продукты в долг даёт, а деньги не занимает.

3.

Посёлок Ягодное гудел.

«У нас, доча, всё должно быть на уровне. С размахом», — говорил бывший мастер верхнего участка Белоярского леспромхоза, владелец трёх комков Антон Иванович Теребцов, стуча по длинному свадебному столу концом вилки. Доча улыбалась коралловым ротиком, зорко следила, как молодой муж прицеливается к бокалу с пивом.

— Поставь, — больно ущипнула мужа за руку крохотными пальчиками с матовыми ноготками.

— Ну, ты, чо? Это же пиво, — сверкнув жёлтым зубами, улыбнулся жених. Рваный шрам на высоком лбу проступил так отчётливо, что даже видны следы от швов.

— Тебе Выдрин водки налил.

Были подарки, были крики «горько!»

Уставшие от еды и питья, гости разбрелись по квартирам в брусовых и в сборно-щитовых домах. У палисадника собственного дома Терещцовых у кустов смородины стояли Зэк и Люся. Обнимая за плечики девочку-жену, молодой прикладывал снег к разбитой губе.

— Никогда не делай так, — капризно проговорила девушка. — Ты очень грубо меня поцеловал. Кто я тебе?

4.

Он был счастлив? Он был счастлив.

Новая квартира, новая мебель, новая жизнь. У него были сбережения. Подрабатывал кочегаром в котельной. Просил тестя ничего не покупать, говоря, что поедет в Томск и привезет всё, что надо. Не успел.

— Завтра поедем, купим «газельку», мебель привезём. С леспромхозом завязывай. Еще год, а потом закроют. Будешь товар возить. Магазин присмотрел в райцентре орсовский. Пока тут поживёте, а потом переберемся в Томск. Тут никакого размаха, зятёк. Хорошо жить стало. Ты прищучь Телегина. Задолжал с лета. Корову сдал, а должок не тащит. Васька Силкин орехи продал, ягоду заготовливал, грибы сушил, а про долг молчит. Напомни дружкам. Не забудь проценты. Чо выколотишь, всё ваше с Люськой.

5.

Из бригады Зэк не ушел. За автомобилем не поехал. Терещцов сам съездил. Гарнитуры расставляли папа с дочкой. А его бригада по просьбе мастера работала в выходные, так как план квартальный висел на волоске. Вечерами уходил в мастерскую. С Лешкой Выдриным варили мачту для телевизионной антенны.

Мачту ставили трелёвочником. Помогала бригада.

— Наша Останкинская, — сказал Васька Силкин. — Никто не догадался...

— Хоккей будем смотреть, — радостно говорил соседский мужичок, торгующий самогоном.

— Сивухи своей прихвати, — проталкивая антенный кабель в отверстие в раме окна, проговорил Витька Мальцев.

Не успели налить по второй. Стукнула дверь в сенях. Люся в белой шубке, в высоких голубых сапожках, в норковой шапке походила на сказочную снегурочку.

— Новости! Ети вашу... — пронзительно закричала хозяйка.

— Ты только посмотри, Люся. — Виноватым голосом начал хозяин и смолк, натолкнувшись на удивлённый взгляд Семёна Телегина — чокеровщика и обрубщика сучьев.

— Шалман тут устроил мне! Ещё и хрусталь вытащил. Я для кого ковры стелила? Для твоих мазуриков, провонявших мазутом?

Люся вырвала штепсель из розетки. Экран телевизора погас. Парни встали из-за стола, понурив головы, потянулись на кухню обуваться. На бригадира не смотрели.

— Постойте, мужики, — загорячился Зэк.

— Пусть чешут в столовую. Дай им бутылку палёнки, — брезгливо говорила Люся, бросившая училище и мечту стать балериной. — Заберите тушонку.

— Пока, Зэк. Не бери в голову, — пытались успокоить бригадира парни.

— Что это за Зэк? У него имени будто нет? — вскинулась Люся. — Виктор Иванович Закомалдин. Чтоб я

больше не слышала этого прозвища. Нашли погоняло комсомольцу и передовику.

— Ты чо, Люсь? Свои ребята, — невесело говорил хозяин, пытаясь обнять женушку, но, получив сильный удар в живот, побледнел.

б.

Дверь оказалась закрытой. Виктор постучал. Выждав несколько минут, постучал сильнее.

— Кто? — донесся недовольный голос жены.

— Я. — Радостно проговорил Зэк.

Виктор снимал куртку. Удар пришелся в глаз. Он смотрел на изломанные злобой губы жены.

— Ты, почему ушел? Печь не затопил. Поросят не кормил. Так не пойдёт. А деньги принёс? Тебе папа сказал, чтобы ты собрал долги со своих алкашей.

— Ты... это самое, Люсь. Что с тобой? Ты же видела, какую мачту поставили. Деньги я не давал никому. Мне никто ничего не должен. Поросят я кормил. Печка полна дров. Только спичку поднести. Чего ты рассердилась, моя глупенькая...

— Не трогай меня! — Закричала Люся, бросаясь в зал, обрывая портьеры и сбрасывая со стола посуду.

«Что это с ней? — удивился Виктор, затапливая печь. — Напели подружки чего? Или папаша инструктировал. Глаз-то завтра будет «светить». Интересное дело».

— Не заходи сюда, — раздался голос из спальни. — Телевизор не включай. Мне мешает спать. А тебе рано вставать. Поедешь с отцом за товаром в Томск. Не забудь документы на подзеркальнике.

— Ты чо, Люсь, мы не пили. Просто поболтали. Я — не пил, — он оправдывался, как школьник. Ему стало противно и тоскливо.

— За что б ты пил? Полгода без зарплаты. На мои деньги живёшь. Муж — объелся груш. Говорили — крутой, крутой, а у самого один костюм да унты стоптанные. Может, были у тебя деньги, но ты их не обменял, они пропали. Сообразить не мог? Передовик.

7.

Свечерело быстро.

Закомалдин споткнулся. Ружейный ремень зацепился за сук. Хотел остановиться, чтобы вытряхнуть снег из валенок, но только вздохнул, уходя всё дальше от посёлка. Дважды пересёк Берестянку, истоптал перину на льду Светлого озера. Устал продираться сквозь чащобы. «Надо тебе вернуться, Зэк. Дома тепло. Пахнет жареными котлетами и борщом. Погорячились».

Наверно, у всех таким получается медовый месяц. Куда что делось? Люся была другой. На покосе летом ремонтировал её старенькие туфли. Варили уху. Строили землянку, чтобы спастись от непогоды под надёжной защитой. Косили и ворошили сено, купались в озерке, ставили сети и спали под пологом, вглядываясь в россыпи звёзд. Как она смеялась, как умело стирала его рубаху и своё выцветшее платье. Теперь она улыбается только тогда, когда считает выручку.

Белые ночи, белые ночи. Запах багульника, речной тины и мазута. Они встретились на берегу. Ждали теплоход, имевший скромное название — «ПТ-301». Это был

последний рейс. Ему удалось попасть в буфет. Он купил пива, газированной воды и конфет. Конфеты раздал ребятишкам, заметил сошедшую с теплохода девушку, предложил помощь. Люся приехала на каникулы. В субботу ребята из общежития собирались на танцы. Он осмотрел себя в зеркале. Старенькие джинсы, ветхая футболка. Деньги перечисляли на книжку, а чтобы снять сотню-другую, нужно ехать в райцентр. Поселковое отделение сбербанка закрыли. В выходные сбербанк не работал, а в будние дни он — работал вальщиком, подменял тракториста. Избрали бригадиром.

Какая же она была нежная. Её смех мог узнать во время кино, когда смеялась, половина зала. В детдоме всё просто. «Зэк, тебе пора возвращаться. Она любит тебя. Надо прощать. Ну, чего ты?»

Ему было жалко её. Себя никогда не жалел, ввязываясь в драки и разборки, которые оканчивались не мирно. Всегда его слово и удар были последними. Виктор сунул руку в карман рабочей куртки. Карман пуст. «Откуда появилась дыра? Порвал о корягу? Придётся возвращаться. Нет». Сел под высокую кедр и закурил последнюю сигарету.

+ + +

Люся работала в именном комке, давала водку в долг. Каждый выходной Семён Телегин по её просьбе уходил с собакой в тайгу. Говорили рыбаки, будто видели Зэка с ружьём на Малиновой гари.

В апреле Люся благополучно родила девочку. Назвали её Викторией. В мае, когда реки вышли из берегов, на покосе в просторной землянке, построенной дочерью и Виктором, нашел Терещцов, объединенное мышами, тело зя-

тя. Похоронил останки тайно и спешно увёз семью в Томск

ПОСЛЕДНИЙ ПОЖАР

Над посёлком Клюквинный вторую неделю с короткими перерывами старательно идёт дождь. Тяжелые капли, как пули сбивают с берёз, стоящих у здания поселкового аэропорта, листья. Ветер подхватывает их на холодные руки и в шаловливой ярости мечет на грязные дощатые щербатые тротуарчики, пускает по лужам, наклеивает, как горчичники, на грустные спины пассажиров, вышедших разведать погоду. Надежды на то, что выглянет солнце, прекратится дождь, нет. Издёрганные люди начинают расходиться, чтобы завтра встретиться тут и ждать, ждать. Старый пассажирский теплоход «ПТ-301», совершавший рейсы в верховье реки Кеть, налетел на топляк и повредил себе что-то важное; кто говорит, винт нужно менять, кто уверяет, что «накрылся» руль. Отбуксировано судно в ремонтный док. Неизвестно, когда доберётся до таёжного посёлка речной трамвайчик, чтобы забрать всех, кому нужно попасть на большую землю, чтобы продолжать учёбу в вузах и техникумах, встретиться с роднёй, отправившись в отпуск.

За взлётной полосой привычно чернеет в туманной дымке тайга. Походит на крепостную стену с зубцами пи-кообразных верхушек пихт. Семён Телегин — скучающий паренёк — неотрывно смотрит серыми глазами без бровей и ресниц, сгоревших во время последнего вылета в тайгу, как полосатый чёрно-белый сачок на столбе у метеостан-ции, умело поворачиваясь, ловит холодные дождинки. Расправляясь во всю свою полосатую длину, заглатывает порцию ветра, а, выплюнув, обвисает, сморщившись. Стёкла узкого окна покрыты летней пылью, в углах подо-конника — паутины с останками паучьих жертв. Семён, скрипнув скамейкой, ищет глазами веник у печи, но там, на палатке дремлет широкоплечий Толя Смеркалов. Теле-гин встаёт, заглядывает под кровать, трогает связку черен-ков для лопат, толкает пустой запасной бензиновый бачок для заправки бензопилы, которую перестали брать с со-бой, так как крупных пожаров к середине дождливого лета не было, а если и возникали, то крохотные, словно пио-нерский костёр. Встречный пал, как приём пожаротуше-ния, не применяли. Семён снимает с вешалки кусок матер-чатой сетки, всё ещё пахнувший антикомариной мазью, протирает единственное окно пожарной сторожки, в кото-рой раньше стоял дизельный двигатель с генератором, по-дающим электроэнергию для аэропортовского передатчи-ка.

+ + +

Посёлок лесозаготовителей взялись строить на берегу речки Чачанги, недалеко от поселения, которое образова-лось в тот год, когда начались массовые раскулачивания алтайских крестьян. Называлось оно — Клюквинный. А леспромхозу дали название по речке Ингузет. Раскорчева-

ли на окраине будущего посёлка взлётную полосу. Спешно собирали временные щитовые дома. В одном таком доме, построенном у взлётной полосы, за старым кладбищем у берёзовой рощи, сделали зал ожидания, квартиру начальнику аэропорта. Он исполнял обязанности и диспетчера, и дизелиста. Его молодая жена научилась продавать билеты, торговать в буфете, в котором на некрашенных полках выставлены хлеб, спирт, тушенка и папиросы.

Прошло три года. Леспромхоз, что называется, наращивал объёмы заготовки древесины. Строительство домов не прекращалось белыми ночами. Из леспромхозов, где тайгу вырубали, переезжали семьями, бригадами, мастерскими участками. На баржах везли скотину и птицу. Ковчеги, украшенные бельём на верёвках, шли вверх по течению, буксируемые небольшими катерками-водоёмами. По утрам мычали коровы, перекликались петухи. От борта к борту сновали мальчишки с удочками. На ящике с песком горел костёр, пламя облизывало закопченное ведро. Какая-нибудь молодка, потягиваясь, выходила из кубрика с подойником, с полотенцем. Томясь бездельем, парни и мужчины обшаривали её с ног до головы, над рекой далеко разносился смех, возгласы.

Вот открылась двухэтажная школа, заработали клуб, баня, столовая, библиотека, электростанция. Нужда в слабом генераторе отпала. Помещение передали лесничеству. Лесники оборудовали в нём базу пожарных сторожей.

В тот сезон столкнулись трое парней в комнатке лесничества. Крепко сдружились на своей суровой работе. Их приняли пожарными сторожами лесничества. Толя Смеркалов оказался в Ключвинном не случайно. Брат жены узнал, что в Томской области, в Верхнекетском районе

открывается леспромхоз и сплавучасток, который будет вязать из брёвен пучки, формировать плоты. Несколько семей спешно отправились из Кировской области в дальний путь. Сплавщики селились отдельно от лесозаготовителей. Выросла улица Сплавная. Открылся магазин.

Толя должен был в ту осень отдать долг, так как знал, что служба в рядах Советской армии – священный и даже почётный долг каждого гражданина Союза ССР, но грузовик с призывниками останавливался в каждой деревушке, у магазинов. Вятские — парни хватские — не добрались до военкомата в городе Яранске. Грузовик опрокинулся на ровном месте.

Анатолий и другие ребята не встали в ряды армии, а вместо автоматов получили костыли, на больничных койках играли в домино. Срослись кости. Правая рука не работала. Толя, окончил курсы учётчиков. В новом леспромхозе учётчиков оказалось много, а вот желающих тушить тайгу, не нашлось. Зарплата низкая, работа не пыльная, но дымная, а поэтому Анатолию пообещали к осени дать жильё, если отработает сезон в десанте. Согласился. У него подрастал ребёнок.

Тимка Чикалёв, окончив восьмой класс в Белокаменске, решил с другом совершить открытие таёжного посёлка, куда направили лесничим мужа его тёти — маминной сестры. Профессия работника леса Тимку завлекла после того, как он прочитал книгу Ивана Арамилева «В лесах Урала». Его очаровало то, как обустроиваться на новом месте поселенцы, как относятся друг к другу. Двери таёжники не запирали на замки. Воровство считали последним делом. После десятого класса конопатый романтик Тимка засобирился в Клюквинный. Мама его горячо отговарива-

ла, дескать, нужно окончить одиннадцатый класс, чтобы могли принять на работу, ведь ему не было восемнадцати. Но убедить настырного парня оказалось делом не простым. Он поджимал толстые губы, стараясь выглядеть суровым Зверобоем, говорил, что школу можно добить в посёлке. Вечерняя школа работает...

Он написал письмо дяде и тётё, красочно сообщил, что хочет стать лесником, что посёлок — это прекрасное место на земле, где он видит себя. Тётя позвонила, пригласила в гости. ...И работа ему нашлась. Тимка был выше среднего роста, спортивен. Занимался в секции борьбы. Дядя Анатолий Алексеевич поручился за будущего лесовода, который решил поступить в вечернюю школу, а уж после учёбы отправиться в учебное заведение, чтобы стать инженером лесного хозяйства. Так началась трудовая биография молодого человека. Когда узнал, что придётся бороться с огнём, летая на вертолётах, был на седьмом небе.

А вот худенький Семён Телегин родился здесь. Учился в школе, живя в интернате, в райцентре. В крохотном посёлке, основанном сосланными крестьянами, работала только начальная школа. Его родители пахали и засеивали поля. Там, на далёком Алтае, мечтали обрести обещанную землю. Обещали — заводы и фабрики — рабочим, а всю землю — крестьянам.

Сначала получили землю. Делили по справедливости. На каждую душу. И так работали, что кости трещали, даже когда крестьян начали сгонять в колхозы. Так единоличники стали кулаками — вредным элементом. Отняли у них всё, что нажили, сослали исправляться, чтобы у них и мысли не было о собственной земле. Бывшие кулаки-земледельцы были вынуждены войти в колхоз, который

некоторое время был подсобным хозяйством леспромхоза. Лес был для Семёна с детства кормильцем. С родителями занимался заготовкой кедрового ореха, собирал грибы и ягоды. Конечно, как и все мальчишки, занимался рыбалкой, охотой. Несмотря на юный возраст, отец подарил старенькое ружьё, слабосильный лодочный мотор «Стрела», сети. Знал тайгу и её обитателей. Жил по заповедям охотников. Одолев семилетку, забросил учёбу. А когда в посёлке построили большую школу, когда появилась возможность учиться, Семён понял, что вырос, нужно работать. На трактор не взяли, а кормить коров и свиней не захотел. В колхозе платили ещё меньше, чем в десанте. Было бы ему восемнадцать, могли принять сучкорубом или чокаровщиком, дорожным рабочим или разнорабочим на пилораму. Он подрабатывал летом на кирпичном заводике, укладывал на транспортёрную ленту кирпич-сырец, месил глину. Лесники говорили о том, что нужно ремонтировать конюшню, пасти лошадей. Но лесничий поставил Телегина на ответственный пост — старшим пожарной группы. Ответственности особой нет, знаний леса у него достаточно, чтобы возглавить не сложную работу. А то, что опасно? Так опасно везде. И на верхнем складе, где валят лес и вывозят к реке Чачанга на раскряжевку; на разделочной площадке можно пораниться бензопилой или топором, попасть под бревно и получить травму. А в тайге — не работа, а курорт, бросай песок на огонь, заливай водой. Сущие пустышки. Справятся пацаны. Должны. А куда им деться?

Пожарные сторожа должны находиться у поселкового аэродрома всегда в полной готовности, до захода солнца. На практике получилось иначе. Ребята выполняли

ответственные поручения лесничего Комарова, ремонтировали старую конюшню, огораживали будущий питомник саженцев сосны, проводили содействия, косили сено для лошадей, кололи дрова для сушилки сосновых шишек, чтобы из них было легче добыть семена. А в сентябре ездили с лесниками на верхний участок, и отводили под рубку новые квартала, «гоняя» визиры. Между всеми этими делами пожарные сторожа «создавали» телегу, открывшая от старой, — закончившей свой жизненный путь, — металлические самокованные детали. От случая к случаю парни тушили лесные пожары.

Обычно лётчик — наблюдатель говорил: «срочно локализовать возгорание». Локализовывали. На то они и пожарные сторожа. Поселковые парни и девушки подшучивали, дескать, пожарный спит, а зарплата идёт. Зарплата не шла, а ползла. Обещал лесничий заплатить за то, за это. Платил копейки, но зато проверял, не течёт ли крыша, не упадёт ли ограда. «Ребята, наряд закрою, только успейте. Расценки есть, получите деньги сразу». Одна телега потянула бы на солидную сумму, ведь ребята её сделали заново. Тележных мастеров в леспромхозах не было. Зато руки у Семёна росли, откуда надо. Недаром, его предки носили такую русскую фамилию. Спать некогда.

— Отлетали, — радостно сказал конопатый Тимка Чикалёв, отталкивая от себя подшивку старых засмеянных до дыр журналов «Крокодил».

— Конец, — произнёс Семён, расправляя кусок сетчатой ткани, которая выручала пожарных, защищая от ненасытных комаров и паутов. А мошку и ещё маленький гнус по имени — мокрец, ничто не задерживало. Он (ближе к осени) забирался в сапоги, проникал под сетку, лез в

уши. Для этих тварей преграды нет. Даже мазь — демитилфтолат, которую наливали из металлической бочки в бутылки, а потом разливали по флаконам из-под одеколона, не очень-то боялся. Даже с добавкой дёгтя. Сёмка показал и рассказал, что индивидуальное средство защиты должно находиться в кармане, но не в вещмешке, где продукты, а на крепком шнурке, в пузырьке плоском, с хорошей пробкой. Мазать лицо и руки лишь в крайних случаях, но никак не во время работы. Потому что пот вместе с мазью потечёт в глаза, а значит, кричи и ищи воду, чтобы смыть эту гадость, которая, попав на «стекло» часов, кроет его сеткой трещинок. В магазинах продавали разные репиленты, но лесники не покупали средства из экономии. А вероятнее — берегли здоровье и экологию. Зарплата низкая. Возможно, где-то решили, что в лесу продукты питания растут на ветках, скачут по полянам или режутся в речках и озёрах. Стоит лишь руки протянуть. И в котелке варится рябчик, заяц, а то и сорожки и караси.

Толя как-то предложил на пожаре мазь «Тайга», но хорошо отпугивала она комаров час, а потом нужно опять мазать лицо, руки. Поэтому у каждого, почти каждого лесника кусок марли или сетки, пропитанной демитилом, её заправляли под фуражку, чтобы она доходила до плеч, не давая гнусу сесть на шею.

Завтра парни не соберутся в комнате лесничества, не будут слушать байки лесников. Закончился сезон, а значит, и они больше не нужны. Придётся расставаться; подыщут парни работу на других участках леспромхоза. Не полетят в гудящем вертолёте, не будут прыгать из него на болото, бегать по лесным полянкам, перешагивая гниющие колодины, обходя завалы, заливая горящие дере-

вья, водой, таская её резиновыми мешками с заплечными ремнями. В том случае, если поблизости окажется озеро или ручей. Очаги пожаров окружали взрыхлёнными полосами, чтобы огонь не мог продвигаться дальше, «подгрызая» корни кедром и соснам. От верхового драпали, но хорошо, что попалось на пути болото. Зарылись в мокрый мох, как поросята. Огонь обошел болото вокруг, но перед озером пал остановился. Деревья продолжали гореть. Нужно сбивать пламя.

Однажды пришлось семь суток жить на подножном корму. Огонь коварно подкрался к сосне, на которой повесили одежду и вещмешки с продуктами. От искры затлели телогрейки. Собрали и промывали крупу. Расплавленный сахар бросали в чай с хвойными иголками. Консервные банки не все испортились.

Вертолёт не прилетел и ко второму контрольному сроку. Поблизости не оказалось ни озёр, ни речек, в которых обитала бы рыба. Экономно варили жидкий супец, который заправляли рыбными консервами. Рябчики и кедровки безбоязненно перелетали с ветки на ветку. Как только пареньки изготовили луки и попытались освоить нехитрые орудия средневековых охотников, дичь испарилась. Много времени Семён просидел в скрадке, а результаты охоты оказались не утешительными. Грибов не было, а бруснику собирали зелёной и варили кислую горьковатый морс. После этого пожара Семён стал брать с собой ружьё. На следующих «пикниках» десантники ели дичь — варёных и жареных кедровок, рябчиков, а случалось, Телегин приносил какого-нибудь старенького глухаря. Продукты расходовали экономно. Тимка перестал варить от-

варные рожки с тушенкой и колбасным фаршем. Старались добывать рыбу, если везло с озёрами.

Всякий раз, вылетая на задание, просили лётчика-наблюдателя, показать карту. Тот морщился, что-то говорил о секретности. Толик настырно умолял взглянуть одним глазком, чтобы узнать, где поблизости могут оказаться водоёмы. Схему летнаб выдавал пожарным, но это был небольшой листок бумаги, на котором карандашом в определённом масштабе нанесены озера, речки, ручьи и болота, условными знаками отмечался очаг. Его нужно непременно локализовать в кратчайшее время, чтобы огонь не пошёл гулять по тайге, а значит, пожарные должны спасти лес. Для чего? Для того. В подгорелых стволах заведутся вредители. Распространяясь, с испорченных стволов переместятся на другие деревья. Если есть возможность, то подпаленный сосняк и кедрач, нужно отвести под рубку. Возможности эти бывали редко.

Леспромхоз — это кочевое поселение, которое вырубает лес, а, уничтожив его, переезжает на другое место, где вновь строит дороги, высаживает на горях саженцы сосны, делает содействия. Вы не знаете, как проводить содействия? Пожарные знают. Они дней десять жили в заброшенном посёлочке Ягодный, что неподалёку от Макзыра. Их с лесниками возили на старые гари, двадцатилетней давности, где граблями раздвигали слой гниющих веток, разрыхляли песок, чтобы семена сосны, могли упасть на эту представленную небольшую территория и прорасти. Ребята содействовали матушке-природе.

Чебаков и пескарей ловили даже в крохотных ручейках, перегораживая, сплетёнными из ивовых прутьев, мордушками. Вскоре у парней будет подробная карта.

Тимка случайно обнаружит в конюховке старый деревянный сундук-сейф, а в нём, среди погрызенных мышами документов, два листа подробной карты района. С разрешения лесничего сделает пять кадров фотокамерой «Мир», которую ему подарят друзья, когда объявит им о том, что выбрал специальность работника леса. Сергей Крохин и Володя Куликов отговаривали, как и мама. Стас Руднев завистливо скажет: «Я бы тоже стал лесником, но отец спит и видит меня инженером с уклоном на партийную и общественную работы». Набор подаренных блёсен, Тимка постепенно оставит в корягах таёжных речек и озёр. Поймёт, что спиннинг пожарному нужен, как зайцу оглобли.

— «Сгорело лето, дым растаял, умчавшись, к синим небесам».

— А дальше? — спросил Тимка, поджимая толстые губы.

— Не помню. Это сочинил Толик. Не смотри, что он не кудрявый, он талантливый, — проговорил Телегин, вытирая стол.

— Говорите, что я вполне гениальный, — отозвался Анатолий. — С гонорара куплю вам по шоколадке и по бутылке пива.

— Пока ты его получишь, я сбегаю в буфет за пирожками.

—...Уже не прилетит. Второй час. Погода нелётная. Откроем НЗ, а послезавтра первое сентября. Пойдём в школу. Две бутылочки «Лидии» нам не повредят? Короче, беру из нашего золотого запаса последние пять рублей, — проговорил радостно Чикалёв, подавая деньги Смеркало-

ву. — Потому что очередь. В прошлый раз я — ходил в буфет.

В наступившей тишине слышно, как дождь шуршит по стеклам окна. Семён роется в мешках десантников.

— Я — топлю печку, Семён открывает тушёнку. Толя, идёт в буфет. У нас есть сигареты? У нас есть сигареты, — Парни выходят на улицу, Рыжий Тимка с топором отправился искать сухие дрова.

— Неприкосновенный запас наконец-то станет прикосновенным, — сказал Толя, надев поверх куртки длинный плащ Чикалёва.

Еще не разгорелись дрова, еще не открыты по всей форме консервные банки, как вбежал Смеркалов и выдохнул:

— Летит! Ёкэлэмэнэ.

— С чего ты взял? Приснилось, — удивился Семён, снимая кепку с крохотным козырьком.

— Послушайте, айда на улицу.

— Пока сядет, по пирожку съедим, чаю попьём, — проговорил Телегин, надевая кепку — А ведь круг делает с левой стороны. Летнаб обещал собрание провести, итоги собирався подводить. Премией грозил. Значит, горим.

— Вино купил? — спросил, недовольно кривя губы, Чикалёв. Десантники увидели, как с запада, со стороны речки закладывает вираж пожарный вертолёт.

— Собираемся. Печку тушим в первую очередь. Воды нет, — проговорил Телегин, складывая банки в кузов.

Тимка хватает вёдра, в которых обычно готовят пищу в тайге, бежит к большой луже на середине взлётной полосы. Забыл о том, что колодчик они выкопали ещё весной за складом. Среди выкорчеванных пней нашли род-

ник, углубили его, установили из кусков горбылей сруб, когда огораживали питомник.

— А что может гореть в такую сыромень? — удивлялся Телегин. — Палатку не берём. Возьмём брезент. Его легче таскать и оставить не жалко. Палатка — вещь казённая.

— Будем начальство встречать пирогами. — Сказал Толя. — И солью. Вы-то ешьте. Карты не забудьте. Крохотный вертолётник, гулко рубил воздух лопастями. Завис над краем взлётной полосы. Опустился. Из зала ожидания высыпали пассажиры. Вскоре двигатель затих, и концы лопастей беспомощно повисли, остановившись.

Лётчик — наблюдатель — дородный, но моложавый дядя по фамилии Решетняк, протёр загорелую лысину платочком, снял наушники и быстро обрисовал картину пожара, сказав, что вывезут их в пятницу или в субботу, ловко выкатился из кабины, вручив Семёну карту-схему очага. Летнаб остался, чтобы в кабину могли втиснуться пожарные с мешками, ведрами, лопатами, ранцевыми лесными опрыскивателями — «РЛО».

За окнами серело и мутнело нерезкое изображение рек и речушек, озёр и болот. Светлыми ржавыми пятнами выделялись берёзы и осины. Толик сидел с лётчиком и пытался подремать. Похоже, поспать не дал наследник. Тимка достал карту, сравнил со схемой, которую нарисовал Решетняк. Семён снял фасонистую кепочку, пригладил чуб. Определил, что горит недалеко от Макзыра, за пустой деревней, где проводили содействия. Недалеко кедровая дача. Можно пособирать шишек и поохотиться. Два небольших озера могут быть с утками и рыбой.

+++

Через час пожарные десантники брели по мокрому болоту. Ржавая вода хлюпала под сапогами. Блестящими серебряными нитями изредка посверкивали на пожухлой траве паутинки. Остро пахло багульником. Крупные ягоды клюквы начали спеть. Между разрывами, быстробегущих взлохмаченных облаков, выпало скользкое солнце. Резкий болотный запах ила и гниющей травы выходил из болота вместе с шипением и пузырями. Было довольно свежо.

— Пожарчишко так себе, — показывая широкие редкие зубы, говорил ворчливо Толик Тимке — Опять ногу подвернул. Делать нечего летнабу. Увидел костёр — решил, что пожар.

— Нога — не оглобля. Заживёт, — сказал Тимка, рассматривая следы у края болота. — Дождя тут не было.

— Толик, расскажи анекдот, — предложил Семён, идущий впереди.

— Можно подумать, вам нравится по тайге шариться... У пацана моего день рождения. Год исполняется. Галина наготовила всего. Родня придёт, а я тут играю в спасателя тайги и её окрестностей. И вас пригласить хотел...

— Подарки за нами. — Оглянулся Телегин.

— Тима, ты лучше сфотал всей семьёй, — предложил Толя.

— Запросто. Чего молчишь? Вчера надо было это сделать.

Болото кончилось. Пошли кочки. Миленькие бородавки, обросшие осокой. Пожарники вошли в молодой осинник. Красноватые листья, словно крылья множества бабочек, трепетали от ветра. Дышалось легко. Влажный густой воздух, настоящий на грибной прели и осиновых

гниющих листьях, заставлял бодрее шагать к месту пожара.

Парни остановились у высокого куста шиповника. Срывая мягкие ягоды, Толик как-то странно посмотрел на Тимку. Дождавшись, когда Семён ушёл вперёд, сказал:

— Тим, хочу тебе стихотворение рассказать, Послушай.

— Читай. У меня подарков нет, но вина стакан налью. Из меня критик неважнецкий. Как бы тебе ласково сказать.

— Ладно. Где плохо — скажи, а где хорошо — не надо, — Смеркалов снял шапку, пригладил редкие желтоватые волосы, и, слегка волнуясь, начал:

«Сентябрь

*На покосах чёрные стога,
галки на стогах, как комья грязи,
заметалась рыжая пурга,
песню мокрую бормочет дождь бессвязно.
На яру раздетые берёзы
ветки тонкие стыдливо опустили,
листки последние, как слёзы
по стволам шершавым прокатились...»*

— Всё? — спросил Тимка, ожидая услышать продолжение.

— Надо что-то добавить. Нет концовки.

— Мне нравится, — неожиданно сказал Телегин. Настроение наше передал.

— Не опубликуют. — Сказал Тимка.

— Почему? — спросил Семён, приостанавливаясь.

— Есть причины. Серьёзные. Как говорят бюрократы, не видно творческой индивидуальности поэта Смеркалова. Все его поэтические «бусы» уже повторялись много раз. «Стыдливо опустили, рыжая пурга, листики – слёзы». ...Берёзовый стриптиз завораживает. После Есенина нечего ловить. Тупик. Лучше не скажешь. Пошли в местную газету. Пришлют на мороженое. ...Писал в детстве. В девятом классе...

— Это по — деловому, — сказал грустно Анатолий, — А ты, Сёма, нахваливаешь. Настоящий друг не побоится сказать правду, хотя и горькую. Видать, ничего из моих потуг не получится.

— Надо работать. Только у гениев получалось сразу. Не унывай, — сказал Чикалёв. — Поэтом великим можешь ты не стать, а пожарным хорошим быть обязан. Дня два. Три.

Парни вышли на пологий берег продолговатого озера, которое заметили из вертолётa. Дымил мох, шипели гнилые сучья. Пожар, начавшись, вероятно, на берегу, уходил влево по взгорку, заросшему старыми редкими соснами. Пожарные увидели полуразваленный шалаш, кучу кедровых шишек.

— Смотрите — чешуя, — сказал Толя, указывая рукой в воду.

— А вон сети, стоят, — сказал неуверенно Чикалёв.

Лишь Семен, молча, разглядывал пожарище, озеро, примятую у шалаша траву. Он снял кузов, прислонил к берёзе ружьё.

— Охотники были, — сказал Тимка. — Они вернутся.

— Этим бы охотникам штрафик пришпондырить. Ведь века прошли, а огнём так и не научились распоряжаться, как следует, — ворчал Толя, вынимая из кармана пачку печенья. — Я что-то проголодался. Кто будет? Бестолковые люди. Неужели, нельзя воды плеснуть на кострище, когда уезжаешь домой. Ленъ — матушка вперёд людей на земле появилась, — жуя, говорил Смеркалов.

— У меня идея! — воскликнул Тимка, перебивая товарища. — Мы с Толиком тушим, а ты поохоться. НЗ — съели в вертолёте. Сетёнки проверишь. Идёт? Вино — вот оно. Подбей уточку, Сёма. Смотри. Полетели.

— Мы тебе отгул даём. Если сети стоят, значит, и облас гденибудь. Мы здесь поживём, и поджигателей поймаем. Они не могли далеко уйти. Вертолёт услышали и спрятались. — Чикалёв раздвинул ветки шалаша.

— Может, сначала начнём тушить? — предложил Семён. — Охота не уйдёт. Что там? Вещмешок. Не трогайте. Чужое. А вот котелок. Ты прав. Он не мог далеко убежать. Идём на пожарище. Осмотреть нужно границы и залить в опасных местах.

Чикалёв набрал воды в эрло, завязал горловину и двинулся к дымящемуся высокому муравейнику. Телегин и Смеркалов последовали за ним. Качая насосами воду из резиновых мешков, пожарные заливали дымящиеся колодины, тлеющий мох. Через час ребята встретились.

— Пожарчик — так себе, — повторил Смеркалов. — Он сам завтра погаснет.

— Темнеет и становится холодно, — проговорил Телегин. — Смотрите, что-то волокни.

— Где же поджигатели? — осматривался Анатолий. — Вы идите по следу, а я займусь костром.

Семён и Тимка, сняв опрыскиватели, заторопились по следу. Метров через двадцать поняли, что идут по тропинке. Чикалёв достал переснятую карту, попытался сориентироваться. Компас — подарок Сергея — помогал лишь в подобных случаях. Семён помнил все повороты Кети. Безошибочно указывал, где и на каком расстоянии находятся ближние рыбные озера.

— Недалеко река, — сказал он, подходя к Тимке. Семён зачем-то наклонился. Через пять метров Чикалёв увидел лежащего в неудобной позе человека, перевалившегося через бревно. Обгоревшая одежда висела клочьями, на распухших руках — волдыри.

— Дышит, — сказал Телегин.

— Дышу. Водички бы.

Пожарные аккуратно подняли пострадавшего, и медленно повели по тропе. Кетъ была мрачна. Невысокие волны равнодушно швыряли на песок грязные клочья пены, мелкие обломки веток и тут же слизывали их, унося за собой. От тёмной воды сильнее запахло мокрым гнилым деревом и мазутом. Низкие серые облака вытягиваясь, разрывались, уплывали за высокие сосны, растущие на противоположном берегу. Парни нашли лодку. «Казанку», спустили на воду.

— Там мешки с орехом, — сказал незнакомец. — Возьмите себе.

— Это потом, — проговорил Телегин. — Тимка, собирайте вещи с Толиком. Аптечку быстрее. Мазь от ожогов. Его надо в больницу. Наш технорук. Я его знаю.

— Куда ближе? По карте посмотрим. Кажется, до дома дальше, — сказал Чикалёв. — Поедем в райцентр. Но тогда против течения. Была бы рация.

— Была. Мы баловались. Отобрали. Толя с самолётом связался. С пролетающим. Пассажирским. Как-то ночью.

Анатолий, чистивший рыбу, узнав о пострадавшем, быстро начал собирать вещи, погасил костёр, отлил из ведра закипевшую воду. Тимка выволок тяжёлый рюкзак погорельца, свернул палатку.

— В обласок давай всё сложим. Я сети проверил. Уха была бы хорошая. Много карасей попало. Не все выпутал. А сети снял. ...Аптечка у меня.

— Всё собрали. Ничего не забыли, — проговорил Чикалёв, осматривая стоянку. Взявшись за тросик, парни потащили гружёный облас на берег Кети. Выбежавший навстречу Семён, заглянул в долблённую лодку.

— Лопаты? Где оставили?

— Сём, а если чаю попить, — проговорил Смеркалов. — Я заварил. ...Находу пожуём, вина попьём. День рождения у моего Юрки.

На дно лодки постелили палатку, уложили пострадавшего. Затолкали в багажник мешки с продуктами. Тимка состригал ножницами прорвавшиеся волдыри и мазал ожоги на ногах. Обгоревшие резиновые сапоги, а точнее, то, что от них осталось, сняли с трудом, разрезая ножами.

+++

Николай Кошкин рассказал, что, получив отпуск, решил порыбачить, заготовить кедрового ореха, чтобы сделать подарки, а потом семьёй отправиться на Алтай. Родители ещё не видели внуку. Кошкины окончили Красноярский лесотехнологический институт, получили распределение. Николай работал мастером верхнего склада, а через два месяца поставили начальником Магзырско-

го лесопункта. Карась шёл плохо, а кедровая грива оказалась далеко. Сосед дал лодку и сети, рассказал, как найти озеро. Пошли дожди. Палатку промочило. Поставил на скорую руку. Простыл. Поднялась температура.

Лодку сволокли к реке. Телегин укрепил подвесной мотор «Вихрь», проверил бензин в запасных бачках. Облас хотели бросить, так как на буксире, он сильно бы «тормозил».

— Облас чужой. Когда за ним ещё приедет, а получится нехорошо; ведь хозяин надеется, что вещь вернёт в сохранности. Всё можно списать на случай, отдать деньги. Выйдет, не сдержал слово. — Телегин предложил укрепить долблёнку на носу «Казанки». Пока Тимка привязывал лодчонку, Смеркалов сбил с лопат черенки, и, привязав к ним углы брезента, соорудил навес.

Сильное течение несло лодку. Двигатель не желал запускаться. Чикалёв пытался править веслом, направляя «дюральку» поперёк волн. Телегин дёргал пусковой тросик, проверял подачу топлива, открывал и закрывал кран. Неожиданно двигатель зарокотал, и лодку рвануло вперёд.

...Холодные мелкие брызги попадали на лица. Повороты разматывались один за другим. Сёмка правил на белеющие перевальные столбы, увидев очередной столб, менял курс. Лодка двигалась зигзагами. Этим рулевой, вероятно, хотел сократить расстояние. Навстречу не попадались ни катера, ни лодки рыбаков. Даже чайки не видно.

Кошкин мог забить колья, установить на них перевёрнутый обласок, но не догадался. В институте не преподавали, как спастись в тайге от непогоды. Научили разрабатывать деляны, строить лежнёвые дороги. Ему дали зна-

ния, как вырубать лес, а как жить в нём без удобного вагончика не рассказали.

Ночью пошел ливень. Утром Николаю удалось развести большой костёр, просушить одежду. Собрав куски бересты, которыми укрывал кедровые шишки, сложил на себя и заснул. Спать пришлось недолго. Подсохшая береста скрутилась, туго обвила ноги, а выпавший уголёк поджёг её. Кошкин заметался, пытаясь освободиться от пут. Истекая чёрными слезинами, береста запылала. Николай срывал её. Загорелись брюки и болоньевая куртка. Бросился в воду озера. Попытался выйти на берег, но боль возникла нестерпимая, потерял сознание. Очнулся от вертолётного гула. Попытался махать руками. Его не видели. Лежал в воде. Перед глазами стояли плоские ленты кустов чернотала. Снова попытался встать, но боль загнала в холодную воду. Звук удаляющегося вертолёта, истончался, как рыба чешуйка.

Николай вспомнил детство. Отец пахал на тракторе землю, комбайном убирал урожай. Мама работала дояркой на ферме. Он хотел стать механизатором, как отец, как старший брат, как все Кошкины — известные в районе земледельцы. Не стал.

Толя разлил по кружкам тёплый чай, сделал бутерброд с тушенкой, подал Телегину. Открыл бутылку с вином.

— Давай, порулю, — предложил Тимка. — Дядя давал, когда на покос ездили. А ты закуси.

— Вы пейте! — стараясь перекрыть рокот двигателя, крикнул Телегин.

— Я тоже не буду, — отказался Тимка. — Кошкину налей. Может, не так будет больно.

Николай не мог держать кружку. Смеркалов приподнял ему голову, Тимка поил технорука. Подцепил ложкой тушенку...

— Не могу, — сказал тот. — Сами ешьте. Хорошее вино.

+ + +

Село Лебяжье, где жили Кошкины одним боком выходит в расчерченную лесополосами степь, а другой её бок прячется в густом сосновом бору. Школьное лесничество привлекало мальчишек и девчонок формой и эмблемами. Летом дети работали на питомнике, укрывали саженцы соёнок от солнца, пропалывали и поливали; зимой — собирали сосновые шишки на семена. В старших классах ходили в патрули, не давая браконьерам рубить сосенки перед Новым годом. Как и все юноши, Коля изучал технику. Окончив школу, получил удостоверения, разрешающие водить тракторы и автомобили. Многие мальчики уходили дорогой отцов — становились хлеборобами, агрономами или зоотехниками, но никто не выбрал лесную профессию. А он выбрал. Мечтал охранять леса, разводить кедры. Так как знал, что кедровое ядро самое полезное, самое удивительное, способное продлевать жизнь, омолаживать организм человека. Его и направляли от лесхоза учиться на специалиста по охране и восстановлению лесов.

Увидев самую прекрасную девушку в мире, которая постигала науки на другом факультете, перевёлся. Мечтали, как будут жить среди природы на самом дальнем кордоне, что в бору за большим озером. На практике Кошкин осваивал приёмы вырубki лесосек методом узких лент,

трелёвкой хлыстов за вершины. Первым научился управлять валочной машиной. Знания и навыки, полученные в училище, помогли разобраться в гидравлических приводах манипулятора. Иногда думал, что изменил профессии. Из защитника леса, стал губителем. Оправдывая перевод на другой факультет, считал, что кому-то нужно заготавливать древесину, чтоб могли строиться дома, стоять в них экологически чистая мебель. Ничего страшного, не произошло. Директор мехлесхоза, направлявший его на учёбу, не перестал выплачивать хозстипендию. Родители не очень обрадовались его поступку. Бабушка, узнав, где он живёт, сказала с лукавой усмешкой: «Умных людей туда ссылали, а дураки сами поехали. Деда твоего в Клюквинный доставили всей семьёй. Кулаком был. Партизанил. В колхоз не захотел. Оказался врагом советской власти. Я маленькая была. Седьмая. Места там ягодные». Получилось так, что он сам себя сослал.

+ + +

На реке поднялась крутая волна, небо затянулось плотными серыми облаками, которые стали расплываться, соединяясь в одну низкую тучу.

Семён показал знаком, чтобы Чикалёв сел ближе к носу. Тимка понял, что Телегин хочет увеличить скорость лодки. При высоких оборотах двигателя нос «Казанки» высоко задерётся, а это опасно — можно, как говорят лесники, вывернуться. Толя с удивлением и беспокойством посмотрел на покрасневшее лицо рулевого, не пожелавшего отдать румпель коллеге. Вдруг посыпалась колючая снеговая крупа, плотной завесой спрятала очертания берегов. Казалось лодка стоит на месте, лишь бьют о днище ладошки волн реки.

— Ну, герой! Потонем. Врежемся в топляк. Его не сразу увидишь. — Смеркалов смотрел на Телегина тоскливыми глазами. Тимка знал, что топляк — это бревно, напитавшееся воды. Его видно, когда оно ещё плавает. Торчит из воды вертикально, а при волнах опускается и поднимаются. Издалека напоминают плывущего человека. Старые топляки стоят вертикально, погрузившись в воду полностью. Их рулевые не видят. Вот почему повредился пассажирский теплоход, вот почему тонут люди на моторных лодках, которые опрокидываются, а пассажиры попадают под винты двигателей. Толя прав. Он попал в свою аварию. Заткнул бутылку с вином и спровадил в кузов Семёна. Кошкина корчит от боли. Чем ему не помочь. Синтомициновая мазь немного сняла боль, но обожженной кожи много; пусть даже и не второй степени ожоги, а кисти рук, ноги до колен, живот и шея покрыты волдырями. Толик мочит майку и накладывает на колени Николаю.

— Останови! — просит Смеркалов, показывая рукой на берег. — Нужно переждать. Ничего не видно.

Из дымной пелены слева выросла чёрная почти отвесная стена. Яр. Видны уродливоскрюченные корни, вытягивающиеся из промоин-трещин жадными щупальцами. Опрокинутая вниз вершиной повисла сосна, готовая в любую минуту или секунду сорваться в воду вместе с кусками земли. Иглы ещё зелены. Ветки подрагивают. Чикалёв провожает дерево. Донёсся едва слышный короткий мяукающий вой сирены. Впереди или позади судно? Он знает, что таких сирен у маленьких катеров не бывает. Звук раздаётся впереди, становится громче.

— Причаливай! — кричит Толя, показывая, что нужно плыть к другому берегу, который всегда пологий с пес-

чаным берегом. Осенью Кеть мелеет, а потом уровень воды немного поднимется. Говорил недавно дядя — Анатолий Алексеевич. Но сейчас фарватер настолько узок, что плоты с трудом проходят.

— Здесь не выплывешь. Тимка, скажи ему. Тебя послушает. Это же яр. Тут такие воронки, что деревья крутит, как спички.

Толян прав. Около яров видел вращающиеся хороводы из брёвен и больших сосновых стволов. Напоминают сучья рога плывущих оленей. Нужно остановиться, переждать метель, но как ждать. Каждая минута кажется Кошкину вечностью. Смеркалов начал снимать сапоги, свернул тент, убрал в сторону. Звук сирены приближался. Семён почему-то медлит, не выводит лодку на середину реки, хотя обороты двигателя сбавил. «Казанка» уже плывёт у самого обрыва. Из серого полумрака начало проявляться тёмное пятно.

— Уходи от яра на середину! — крик заглушил вопль сирены. Поздно. Но ведь и обрыв скоро должен кончиться. Яр не бесконечен. — Тимка, я не боюсь утонуть. Боюсь остаться живым, если кто-нибудь утонет. Снимай сапоги. В воде не снимешь. Что же он такой бестолковый.

— На мелких местах больше всякого сора. Там ещё опасней. Можно переждать. А ведь вечер. Солнце заходит, — сказал Чикалёв, увидев высокий светло-зелёный борт огромной самоходной баржи, видно груженной под самые завязки. Потянуло воду от берега. Начала обнажаться уходящая вглубь стена — подводная часть яра. Лодку понесло на судно. Телегин прибавил обороты, чтобы бороться с возникшей подводной силой, подтянул к себе ружьё. И сигнал подавать поздно. Запахло краской, дизельным топ-

ливом и жареной рыбой. Донеслась песня о силачах, которые любят выходить на арену.

— Раздавит или не раздавит? — спрашивал себя Анатолий. Тимка разглядывал яр. Ни одной подходящей выбоины, на которую можно было забраться, в случае если тяжелая махина приблизится ещё на метр. Телегин взял ружьё, подняв ствол вверх. В узкой трещине между яром и бортом самоходки стемнело. На дне этого каньона крохотная лодочка выглядела игрушечной. Небольшое касание стального борта могло расплющить «дюральку» — так ласково называют рыбаки своё транспортное средство, склёпанное из тонких листов сплава — дюралюминия. А самоходка всё тянулась и тянулась, словно океанское судно. Работали дизеля, журчала вода, вытекаемая из трубки в борту. На ней размеренная жизнь команды, которая в последний рейс доставляет по малой воде в какой-то посёлок зимний запас продуктов. Капитан принял меры безопасности — снижена скорость, включён «ревун», работают прожектора и сигнальные фонари. Нет времени. Нужно спешить, чтобы доставить лесорубам груз. Хотя можно постоять, переждать снежную крупу. А где гарантия, что после разгрузки судно не вмерзнет в лёд? Гарантии такой нет. Северные притоки Оби замерзают рано и быстро. Погода изменчива. Прогноз — утешение слабое. Рулевому видны маячки-фонарики на перевальных полосатых столбах. Видны и бакены, указывающие мели и перекаты. Он правит на свет сигнала до тех пор, пока в створе не покажется впереди свет ещё одного фонарика. Только ему понятен язык разноцветных сигналов, согласно которых речник начинает вращать штурвал или двигать рукоять электрического руля, которые стали появляться на новых су-

дах, чтобы сделать манёвр, нацеливаясь на свет следующего огонька.

Двигается судно от одного фонарика к другому. Этот разноцветный пунктир, словно волшебная нить Ариадны, указывает в темноте истинный курс. Никто не может снять с черно-белого полосатого столба ни батарею, ни фотодиод, ни разноцветные продолговатые плафончики, защищающие лампочки от дождя и сырого тумана. Так заведено в таёжных посёлках.

...Так это было...

...Ещё звучала песня, ещё пахло горелым маслом и жареной рыбой, а судно удалялось, протыкая плотную завесу прожекторами и фонарями на мачтах. Лодка, шлёпая по волнам днищем, понеслась на свет огоньков. Телегин красными пальцами медленно опустил клювик ударника, направив ствол ружья в сторону яра.

Округлившимися глазами Смеркалов смотрел на Кошкина. Его тонкие губы шевелились, но голоса не слышно. Яркий подслеповатый луч солнца, сорвавшись с верхушки пихты на левом берегу, высветил высокий слоистый яр, метнул блики по чёрным волнам.

— Ты чего? — спросил оторопело Тимка, когда тот повернул голову к нему.

— Не дышит, — выговорил Толя.

Чикалёв встал на колени, придвинулся к голове Кошкина. Наклонился, чтобы почувствовать дыхание. Но не мог понять дышит ли начальник лесопункта Николай Иванович Кошкин, а может, болевой шок вышиб из сознания? Тимка увидел на светлой щетине подбородка снежную крупину. Сдерживая дыхание, парни смотрели на неё, ожидая, когда она растечётся.

Лодка неслась, взметая водяную пыль и брызги, которые, блестя в лучах закатного солнца, образовывали крохотную радугу. Пронзительно скрипя, как ворота лесхозовской конюшни, высоко в небе перекликалась стая гусей. Тимка неотрывно смотрел на подбородок молодого специалиста по вырубке тайги. Ждал, что вот-вот она растечётся кляксинкой воды, и тогда его сердце, освободившись от тяжелого предчувствия, забьётся радостно и свободно.

— Да, это же вата! — воскликнул Толя, убирая с тёплого подбородка Кошкина мягкий кусочек.

САМОВАРНАЯ ИСТОРИЯ

Проснулся Василий Базаркин с тихой радостью. Полежал, глядя в перекрестье рамы, на сонную луну, запутавшуюся в ветках тополя. Понял, что и сегодня радоваться нечему. За свет не плачено, за коммунальные услуги, будь они ладны, недоплатил — не хватило пенсии. Её хватило бы, но жене срочно понадобилось купить понравившиеся обои. Этот непредвиденный расход ввёл его в финансовый кризис: Нужно у кого-то занять, но у кого. У всех, почти у всех жильцов-соседей одинаковая проблема.

Вода не доходит летом до кранов второго этажа, но плати. Тепла нет нормального — плати и зимой, и летом. Доказывать несправедливость поборов — себе дороже. Водосчетчик ставьте, если не верите нашим расценкам, говорят красивые девушки в бухгалтерии ЖЭУ. Не пьём эту воду по причине почечной хвори, а старуха только в

ней посуду моет, если от овсяной каши сильно загрязнится. Что делать. Надо счетчик покупать. За какие накопления? Скопленные деньжата «на последний карнавал», отправил дочери. У неё проблема с ипотекой. Муж потерял работу. Растут штрафные проценты.

А тут бабка решила ультиматум предъявлять. Давно предъявила свой ультиматум. Только что с него радости? И это утро не предвещает ничего хорошего. Была с вечера какая-то мысль, которая согревала. Что же должен сделать? Можно продать свой скелет. Что им делать после смерти? Кому нужен? Лишние хлопоты по утилизации остатков человеческого состояния. Не продешевить бы. Все равно надурят. Да и ладно. В первый раз? Обещали к пенсии всем добавить одинаково, а дали проценты. Кто имел хорошую пенсию, стал получать еще больше. У кого были крохи, так и прибавка — одно название, что о тебе позаботились.

Для кого же перестраивались? Выкупил ваучеры. Думал, государство не может обмануть. Оно же самое справедливое в мире. По две автомашины пообещал главный приватизатор. Дураку задуматься. Откуда столько машин появится, чтобы всем раздать. Раздали заводы и фабрики близким и родным. Достояние народа стало приносить прибыль отдельным гражданам, сумевшим перестроиться, перекраситься. То в партию пищали, а лезли, как партии стало плохо, побежали в свои норки. Последние стали первыми. Так было.

Старик вспомнил. Его чуть не подкинуло. В дровянике должен зеленеть самовар прадеда, приехавшего на Алтай по путевке Столыпина, как потом поедут, но уже без скарба, целину поднимать, солончаки распахивать мо-

лодые горожане, которых позвали партия и комсомол, торжественно выдав путёвки. Вёз прадед семью на свободную землю на трёх бричках, надеялся на крестьянскую удачу, на свои руки. С коровами, овцами, курами и гусями двигался караван. Доносился смех, детский плач, играла гармонь, звенели балалайки у костров переселенцев. Не пугала прадеда Сибирь. Боялся не прокормить семью зимой, когда не станет никаких запасов. Потом будет бояться сын, испугавшись нового явления — колхоза. Не будет толку, а значит, придётся воровать. Этого не мог себе позволить, считая последним грехом. Отнимали распаханное и раскорчеванное уголья, говоря о том, что такая пришла директива — единоличникам нет места в селе. «Коллективизация на все сто процентов».

«Нам, партизанам, обещали раздать землю, — говорил он председателю сельсовета. — Был такой, документ. Назывался Декретом о земле. Нам обещали свободу. Мы убивали своих братьев. А за что гибли? Выходит, зря?» Обманули прадеда, обманули деда. А ты, Васька, особый? Тебя и обмануть нельзя? — умываясь, мысленно говорил сам с собой. Бабка на кухне варила на керосинке овсяную кашу.

— Далёко не уходи, — приказала старуха. — Ультиматум буду тебе ставить.

— Куда же денусь, Вшивая Кочка. С подводной лодки не сбежать. Вот только схожу в сарай. Ставь хоть до вечера, — не обиделась на прозвище. Она выжила в Нарымском крае, куда её отца — кулака и мироеда выслали за антисоветскую пропаганду с большой семьёй. У неё в детстве росли кучерявые волосы, а в них жило великое множество обитателей. Он помнил эту шапку кудрей.

Мать не стригла ребенка, полагая, что ей так теплее. Василий дразнил её, как и остальные дети, зимовавшие в землянках, так как баржу прибуksировали к дикому берегу в конце сентября.

Враги народа выгрузились на обрывистый берег коричневодой Кети, и пошел хлопьями снег. Мужики ринулись рыть норы, чтобы схорониться от мороза, женщины собирали хворост и разводили костры. Ночью река встала. Утром похоронили двух младенцев. Всю зиму грели землю для могил.

Кипы журналов и газет, перевязанных бечевками, переложил с места на место Базаркин. Нашел бронзовую керосиновую лампу. Сдам. Примут. Металл цветной. Самовар бы найти. Был где-то под верстаком. Василий заботливо положил в тележку лампу, моток провода. Тележка у Василия большая. В ней возил в детский сад детей. Зимой устанавливал сверху фанерный короб с окнами из слюды. Детям тепло в уютной кабине. Соседи называли его сооружение броневиком. Осенью пыльные бури неделями металась над городком. Автомашины с зерном ездили на элеватор с зажженными фарами.

Раньше дети посылали подарки к дням рождения, а нынче не то послать, кто бы им прислал. Обидно и стыдно. Ничем не может помочь. Крохотная пенсия. На работу не берут. Преклонный возраст. Старшая дочь присылала переводы. Ребенок поступил учиться. За всё платить. Квартиру купили. Ипотека. Откуда лишние деньги? Когда был садовый участок, как-то еще легче перебарывались финансовые передражки.

Кормила земля большую семью овощами и фруктами. Понадобилась властям протянуть трамвайную дорогу до аэропорта. Протянули по садовым участкам. Ходил Василий по кабинетам, надеясь получить обещанную компенсацию за домик, за баню, за теплицу и прочую построенную на земле «ерунду». Так называли чиновники его сооружения. Умные люди за деньги перевезли домики на новые места, но старик стар, и полагал, а вырученные деньги что-нибудь сможет построить вновь. Строители поджигали домики и сараи, а что имело ценность, быстро разбирали и продавали. Он собрался с соседом разобрать баньку, но её уже куда-то пристроили. Квитанции о покупке материалов Анна выбросила, говоря, что ей мешает мусор. Выбросила и его коллекцию грампластинок, которую собирал со студенческих лет, голодая, но покупая альбомы: Бизе, Вагнера, Моцарта, Брамса, Пристрастился к эстраде, собирая журналы «Кругозор». Сначала коллекция побывала в лоджии под солнцем. Когда диски покорило, Аннушка тихо перенесла в сарай.

— Пень глухой, а туда же. Подавай ему Чайковского, Кармен, а вот напеку, и ешь — безе, — громко говорила супруга.

С каждой пластинкой были истории. За диск с записью полонеза Агинского отдал набор блесен. Мог слушать часам Равеля или Брамса. Ей казалось, что не музыку слушает муж, а уходит в ту прошедшую юность, в то время, когда считался не последним танцором. Девушки кружили вокруг него в хороводах. Девушки, девушки. Всю жизнь наполнила ядом ревности, отравляя свою и его жизни.

Самовар оказался в поленнице рубленой срезки, которой топили водогрейный бак в ванной, именуя «титаном». Два электрических нагревателя сменили Базаркины. Никто не топил дровами «титаны». Прошло время угля и дров, золы и сажи. Дед обтёр тряпкой, которая была раньше халатом, а потом служила пеленкой. Этот халат привёз ей из Ленинграда, когда учился заочно в институте. Сначала Анна не носила подарок, говоря, что цвет не тот, рукава слишком широки. Изделие завезли из Италии. Тканей подобных соседки не видели. Не зря стоял в потной очереди три часа. Просили продать женщины, давали много денег, не продала. Привыкла к новому халату-платью. Долго носился, не теряя цветов и диковинных птиц.

Дед нашел длинную бутылку, открыл, понюхал. Сохранился винный аромат. Когда же это было? У Анны признали аритмию. Каждый год ездила в санаторий. Привезла из Крыма двадцать бутылок марочного вина. Как довезла такую тяжесть. Зачем было надсажаться? купила бы бутылки три, но не двадцать. Ручки оторвались у огромной сумки на колёсах. ...Пробовали по несколько граммов, пытаюсь сопоставить вкус, о котором написано в каталоге. Гости порадовались, дегустируя вина из Массандры. Сегодня подобных вин нет в продаже.

Она умела поражать. Даже когда не было денег, покупала дорогие конфеты, колбасы, без которых можно обойтись, но на неё смотрели, а она не хотела выглядеть экономной и расчетливой. Откуда мания к роскоши, к странным поступкам?

Василию вдруг захотелось выпить чаю из старого самовара. Помнил, как перед праздниками бабушка начищала его бока. Стоял на печном шестке и довольно посви-

стывал. От самоварной музыки становилось детям весело. Бабушка рассказывала, что все мужчины её рода пили чай, когда самовар бурлил, не признавая иного напитка. Самовар - главный предмет семьи. Реликвия. Такого слова не знали, но берегли достояние, переходящее из рук в руки.

Когда описывали имущество перед отправкой на выселение, сберегла бабушка красавца с медалями. Отняли швейную машинку, забрали гармонь. «Кулакам и в ссылке будет весело, а вот мероприятия с пением лучше проводить под гармонь, чем под балалайку». Трёт самовар Василий Никанорович, а перед глазами картинки из детства проявляются. Нет бабушки, нет матери, погибли на фронтах дядьки и отец. Они пили кипяток из самовара, гордились семейной ценностью. Умоляли продать «пузатого», предлагали деньги, продукты, но не продала прабабушка, не сменяла на продукты бабушка, берегла и мама. И дети, и внуки пили из него чай, когда был садовый участок, когда сам был крепок и здоров. В беседке украшали большой стол, вазочками с вареньем и миской с мёдом. Постепенно бока самовара начинают празднично сиять.

Гладит его Василий, а ему кажется, что ощущает тепло рук бабушек, мамы, Анны. Этот кран поворачивали многие руки, подставляя кружки, бокалы, стаканы. И его дети радовались, начиная раздувать медалиста, собирая щепки, сухие хворостины. Царапина на боку от винтовочного штыка. Требовали фураж белые, отнимали продукты красные. Забирали муку и крупу, уводили парней и лошадей. Самовар был в подполье. Скрывался в навозной куче у коровника. «Обшаривали, тыкали штыками, — рассказывала бабушка Пелагея Васильевна, — выполняя приказ командиров, искали тайники с овсом и пшеницей. Про-

молчал парёнок, поняв, что наткнулся штык на что-то металлическое. А мог бы разворошить кучу. Не стал партизан, воевавший за лучшую долю, докладывать конопатому командиру о каком-то предмете, спрятанном в навозе. За чью лучшую долю лилась кровушка, ради чьих дворцов нынче перестроили страну? Возможно и среднее образование скоро будет достоянием детей зажиточных россиян.

Упаковала бабушка самовар в перину. Поехал он в ссылку на перевоспитание, как колокол из Углича, которому вырвали «язык» и отрубили «уши». Из Томска повезли несколько семей на север в барже. Белые мушки начинали роиться. Кружевной иней налипал на смолевые борта. Шоколадная вода становилась густой и маслянистой. К ночи чернела и покрывалась паром.

На палубе жгли сосновые чурки в ящике, заполненным песком. Угли сыпали в глиняные корчаги, в дырявые ведра и носили в трюм, пытаясь согреть помещение кубрика, в котором ютились женщины и дети. Самовар поил путешественников чаем, а потом его вновь кипятили и вносили в трюм. Он долго остывал, согревая детей. Старая Пелагея и её замужняя дочь Варя соорудили из дерюг полог. В него вносили горячий самовар и так спасали детей от холода.

Дед Авдей всё делал сам. Батраков не нанимал; в юности хлебнул батрацкого кулеша. Даже после женитьбы, убрав свои наделы, ходил вместе с Пелагеей по людям, стараясь заработать то кусок холста, то мешок — другой овса или гречи на семена. Его знали во многих зажиточных семьях, как трудолюбивого и ответственного человека, который может и быка забить и коня подковать. В первый год мирной жизни пахал свой надел при звездах. Кони

порой не выдерживали, ложились в борозду. Как красному партизану, ему разрешили распахать брошенные солончаки у озера, где и полынь не росла. Но что странно, уродилась на бывшей пустоши конопля, а вот овсы никуда не годились.

На Покров зашли пацаны — активисты, начали куражиться, требуя ведро самогона. Подумал, шутят мальчишки. Угостил чаем с мёдом, сказал, что не выкуривал самогонку и не из чего перегонять, Всё сдал в обмен на швейную машинку. Мальчишки грозили в кулаки записать, если не поставит ведро самогона. Не шутили активисты. Записали.

Кулаки у Авдея были большие, а ум не гибкий. Фамилия у них была Агарковы, а когда пытались убежать, писарю хорошие подношения сделали, чтобы справку написал, что будто бы реабилитированы и вины перед Советской властью нет. Чтобы нигде не было следов Агаркиных, сделал им справки, что они Базаркины. А в городке Колпашеве, куда попали из-за болезни старшего сына, пришлось остановиться. Жили у пожилой тётки, работавшей в больничном приходе. Авдей познакомился с рыбаками артельными и стал с ними работать.

Старательный мужчина разговаривал мало, не курил и не пил хмельного. Прозвали его Кержаком. Играючи, мог отнести в трюм паузка два мешка рыбы. Приехал представитель из Томска вручать трудовой флаг за первое место. Узнал Авдея. Вместе партизанили под командованием Ефима Мамонтова. Старший артели внёс в список премированных Авдея. Когда тот вышел к столу за куском сатины на рубаху, представитель удивился. «Это же красный партизан Агарков, а не Базаркин». Начались проверки.

Дознания. Авдей стоял на своём, не выдавая писаря, который снабдил липовыми документами семью.

— Авдей, тебя и твоих сельчан реабилитировали. Враги советской власти понесли суровые и заслуженные наказания. Ты же в списках. Смотри: Агарков Авдей Иванович. Агаркова Пелагея Васильевна. Еду в ваш посёлок, чтобы вручить документы по реабилитации. Смотри, все твои дети... Ну, хватит. Выбрось свою справку, — говорил Василий Силыч. — Помнишь, как Волчиху обороняли? Как в атаку ходили на крестьянских лошадях. Зять твой добровольно в ссылку поехал. Из-за твоего упрямства будет страдать. Признайся, кто тебе нарисовал справки с печатями? — молчал Авдей. Молчала и Пелагея. ...Мы с тобой и Солоновку обороняли. Вспомни, как кричали, что есть мочи. Пугали белых своей конницей, а Ефим Мефодьевич на бане с пулеметом лежал. Поля, и ты меня забыла? Привезли раненого этого молчуна. Как мне тебя вразумить? Раздевайся, — приказал Василий Силыч. Авдей удивился, но послушно снял косоворотку.

— На третий день тебя ранило в бок. Пуля ударила в ребро. Я ж тебя в лазарет волок к Левыкину. Что ж ты запираешься? Признайся, что у тебя справка фальшивая и езжай домой.

Не признался. Остался в своей новой деревне с новой фамилией. Готовились к зиме. А ягоды в тайге много, а рыбы на заливных лугах граблями гребли. Ребятишки собирали ягоду с листьями, спешили, чтобы собрать как можно больше. Зимой сортировали, а листья малины, смородины, брусники, клюквы шли в чай. Взрослые спешили достроить бревенчатый дом. Белые ночи сначала удивляли, а потом радовали. Успевали сделать столько, что са-

мим дивно было. Соседи, успевшие отстроиться, помогали. Беда сплачивала. Несколько семей связали невод и тайком добывали рыбу.

У всех обязанности. Девочки — Евгения и Зинаида следили за самоваром. Помогал им семилетний Вася. Носил воду из ручья, ломал валёжник. Ждали деда, его троих сыновей и зятя с рыбалки. Старший сын Никанор и Василиса имели по двое детей, но не отделялись, а поэтому их вместе выслали. Вася оставил сестёр и отправился проверять петли на зайцев, на рябчиков. Самовар кипел, дети забыли доливать. Взрослые задержались. Хорошо, что пришли с работы тётки. Они работали в леспромхозе учетчицами. Хотели попить чаю, но воды в нём оказалось очень мало.

— Мама, мама, — позвали Пелагею, делавшую с соседками печь из глины в новом доме. Пелагея быстро залила угли в самоваре, воды налила, обвернула мокрой рядниной. Но кран отпаялся. Стал подтекать. Лишь через два месяца удалось найти кусочек олова, чтобы «вылечить» больного медалиста.

Умер дед весной. Уже говорили о близкой победе. Авдей был начальником лесозаготовительного пункта. Прихватило живот. Неделю маялся, убеждая всех, что скоро отпустит. Не отпустило. Василий считает, что дед очень переживал, когда перед новым годом получили три похоронных извещения. Что творилось дома, помнит смутно. Уходил в тайгу, долбил лунки и ставил мордушки на окуней, иногда удавалось поймать глухаря или рябчика. Зайцев не стало к декабрю. Он помнил, как отец подсаживал на кедр, как учил косить и ловить щук петлёй. Сохранилось лишь две фотографии. На одной — в военной форме

с медалью, а на второй – вся семья; снялись в Томске, когда привезли с Алтая. Дед убедил охранника пригласить фотографа, чтобы осталась память, если кто умрёт в чужом краю. Фотокарточка получилась хорошая. На ней все молоды и здоровы. Василий заказал с неё портреты отца и мамы. Теперь висят на стене; раскрашенные, ретушированные.

В сорок первом, а может быть, в сорок втором был брошен клич: «Фронту — цветной металл!» Сдавали всё. Латунные пуговицы и медные котелки. Приходили из сельсовета, требовали сдать самовар, дескать, из него делают сотню патронов, а это для фронта большая помощь. Пелагея не хотела расставаться с помощником. Самовар достался от родителей, которые умерли в холеру. Как могла, берегла своё богатство, свою память. Пришло время, когда самовар нужно отправить на фронт. Василий и его братья верили, что без самовара невозможно победить наглых захватчиков. Как стеклянную вазу, везли на санках свою драгоценность. Считали, что сто пуль пустит самовар по врагам.

Подрос Василий, вступил в комсомол. Участвуя в переписи населения поселка перед выборами, оказался в доме бывшего председателя сельского совета. На шестке увидел самовар. Обрадовался. Словно отца встретил, не вернувшегося с войны.

— Что ты, сынок, таких самоваров были тысячи сделаны, — говорил пожилой человек. — Считай, что внёс ты его в фонд обороны.

— Это царапина от штыка. Это олово подтекало, когда ремонтировали кран. А вмятинку на крышке я сделал,

когда лучину колол топором. Как же не стыдно? Вы украли наш самовар...

— Надо было сгноить вашу семью, сослав в самые непроходимые болота. Пожалела советская власть, дескать, реабилитированы.

— На плитах одиннадцать фамилий Агаркиных и Базаркиных, а твоих фамилий нет. Присосались к советской власти. Лошадей постреляли, чтоб не достались ни красным, ни белым...

Забрал Василий самовар, унёс бабушке. Обрадовалась старушка, даже помолодела на десяток лет. Оглаживала самовар морщинистой рукой, а слёзы текли из выцветших глаз и падали на концы платка. Через час нагрянул участковый с понатыми и бывшим председателем сельсовета. Самовар конфисковали, а Василия, оказавшего сопротивление властям, посадили на пятнадцать суток. Он отбыл пять. Двоюродная сестра написала письмо в районную газету, а копию послала в прокуратуру. Письмо не появилось в печати, но самовар привез сын председателя, бросил на пол и ушел. Кран отвалился во второй раз. Василий написал письмо начальнику милиции. С жалобами трудящихся работали тогда. Самовар сфотографировали и отправили в областную газету. Статья вышла. Рассказывалось не столько о самоваре, сколько о семье Базаркиных, оказавшихся в ссылке из-за ведра самогона.

В школе решили организовать краеведческий музей. Понесли дети из домов, с чердаков старинные утюги и керосинки, письма с фронтов, фотокарточки, солдатские котелки и ложки. На самом видном месте оказался самовар. Пелагея попросила внуков определить его на вечное хранение. Через пять лет школьный музей стал тесен. Начали

строить отдельное здание, в котором поместили библиотеку и дом пионеров. Люди, понимая значимость сохранения памяти, отдавали семейные реликвии. Анна Пилогова сдала свой ткацкий стан, вдова Быкова принесла мужнину золотую медаль Героя Советского Союза, умершего после войны от ран. Быковых первыми выслали в таёжный и болотный край. Большая семья имела крупорушку, шерстобитку, конную молотилку. Отняли всё. Даже коровьи ботала. Селом провожали в дальнюю дорогу. Вместе с малыми ребятами пустились на новые земли почти тридцать душ кулаков-мироедов. Четыре дома приказал Аверьян Огоньков, председатель волостного исполкома, сжечь, чтоб духу кулацкого не было. Беднаки безворотные — в крик: нам, нам отдай. Комсомольцы покосоурились, но приказ выполнили, ведь они, описывая имущество, не всё записали. Отвозили в колхозную кладовую одежду и семена, не забывая о себе. Аверьян Огоньков ходил по дворам и говорил: «Обопью и угроблю». Потом, когда начнётся плановая ссылка людей, всякий стыд потеряют, будут тащить всё, что попадёт под руку во время раскулачивания.

Гуляла новая власть без веселья, но песни пели парни и девчата в красных косыночках, грозя весь мир разрушить и пропить. История повторилась. Народное достояние не пропивают, а распродают нынешние активисты перестройки. Снова разруха, снова стоят заводы, снова НЭП. Но надолго ли? Или опять придут и опять будут отнимать у новых буржуев-олигархов заводы и фабрики, обещая другим, что земля — крестьянам, а фабрики — рабочим. И вновь никто ничего не получит. Хорошо бы посмотреть, как история повернет своё колёсико на очередной оборот.

За художества коллективистов ответит заместитель Аверьяна. Его отправили туда же, куда посылал земляков, но и тут оказался на уровне, стал нужным человеком, возглавив сельсовет. Огонькова повысили — стал директором МТС. Потом перевели заведующим маслосырозаводика. Так его гоняли с места на место многократно. Завалит в одном месте производство, находили для него другое. Много тогда было таких кочевников с партийными билетами, которые защищали не только от непогоды, но и от тюрем и других наказаний.

Марию Бровкину судили показательным судом за букетик недозрелых колосков овса. Дали десять лет. Порядок был? Страх. Детей растолкали по приютам. На фронте Бровкин жёг танки гитлеровские, крича во всё горло: «За родину и за Сталина». Иначе нельзя. Это моряки кричали: «полундра!», а в пехоте другие призывы.

Анну Папину, уехавшую после «похоронки» на мужа в соседний городок к свекрови и работавшую кондуктором на железной дороге, тоже судили. Она обнаружила в пустом вагоне кусочки жмыха. Смела с пылью в карман свою долю. Девки паровозной бригады видно съели жмых, а может быть, хорошо спрятали. Нашлась подлая душа, донесла. По закону военного времени её присудили к расстрелу. Пусть бы этот жмых сгнил, но нужен был строгий пример. Люди ужаснулись. За пыль, за серые кусочки жмыха, которые и до килограмма не дотягивали. Об этом Василий узнал, когда вернулся в родное село, покинув гостеприимный северный край. Умерла бабушка, болела мать, разъехались тётки и дяди.

Вспомнил Василий, как загорелся музей, как выносили селяне свои реликвии и бережно укладывали на снег. С трудом выволокли сейф, в котором хранились боевые и трудовые награды бывших кулаков. В дыму Василий увидел фонограф, изобретение Эдисона и его помощников. Гордо сверкал боками самовар. Что вынести? Вынес всё. Хотя можно было спасти и другие предметы сельской старины, но рисковать никто не хотел. Горели картины и фотографии. Корчились, истекая черными слезами, берестяные туески и коробка.

Самовар принёс Василий домой, пообещав вернуть, если музей вновь заработает. Музей не заработал. Денег не давали учителям, задерживали зарплату медицинским работникам. Сокращали народные коллективы в клубе. Культура оказалась ненужной. Денег не хватало в государстве на первоочередные нужды народа. Хотя нефть и газ по хорошим ценам покупала заграница. Вузовские преподаватели стали жить плохо, а потому ввели платные факультеты. Взятки стали обыденным явлением. Возможно, скоро появится сообщение, что государство не в силах содержать и школьных учителей, а посему станет обязательным лишь начальное образование, а за учебу в других классах потребуют плату с родителей. А если нет денег, то это неважно. Пусть ребёнок не учится в школе. Жизнь научит чему-нибудь. Нужны рабочие руки, способные пахать и сеять, возить и обслуживать, выполнять заказы по сходной цене. За кусок колбасы будут эти недоученные дети прислуживать за столами, в банях.

Кончилась полоса жизни по талонам. В квартирах не пахнет мылом, стиральными порошками, а в магазинах

и киосках есть всё, что требуется в повседневной жизни, да вот только пенсия маловата, но жить еще можно.

Принёс Василий самовар в квартиру на втором этаже. До пенсии он преподавал труды и черчение, Анна учила детей любить родину, понимать поэзию Маяковского и Есенина, которые очень хотели жить в прекрасной и справедливой стране, но решили уйти из жизни, разбив себе лица обо что-то, а потом один умудрился повесить себя на трубе отопления, пробив переносицу чем-то, спрятав этот предмет так надёжно, что никто не нашел его. А второй поэт, стреляя в сердце, зачем-то вывернул себе кисть руки так, что пуля уйдёт сверху вниз до почки. Невдомек следователям, что, может быть, кто-то с близкого расстояния выстрелил поэту в грудь, когда тот пытался встать с пола, сбитый с ног ударом коварным и неожиданным. Окажется любимая женщина агентом, следящим за его поведением и днём и ночью. Версии, предположения. Найдут правду когда-нибудь, как нашли два стихотворения, направлявшие следствия лишь на то, что будто бы не хотели молодые мужики жить. Если и не хотели, то почему?

Увидев самовар, Анна обрадовалась, засуетилась, определяя для него место на плите. «Думала, что пионеры наши отнесли в утильсырьё. Маленькой к вам прибегала попить чаю из диковинного чайника».

— Много воды утекло из этого крана.

— Растапливай, попьём чайку. Не прогрызли его мыши. Сколько же ему годков?

— Сто, а может и побольше, посмотрю на медали...

Самовар долго не хотел закипать. Дым уходил в топку печи. Пахло смолой и далёким детством. Были живы родители и дед с бабушкой сидели за столом, посматривая

на детей и внуков. Забурлил, засвистел самовар, не потеряв своего назначения за последние годы бездействия. Пожилые люди смотрели на него, вспоминая ушедшее время. Возможно, недалёк и тот день, когда самовар останется один, а внуки его спокойно определяют на покой.

Современные самовары не требуют хлопот. С ними проще. Молодые люди не станут им пользоваться. Они спешат решать проблемы. Какое им дело до старинного неудобного в быту прибора. Он тоже отжил своё. Кончилась его эпоха.

— Анна Петровна, вы хотели мне ультиматум выразить?

— Это так. Шутка. Выпачкалась? Что так рассматриваешь?

— Какая же ты удивительная. Лучше всех.

— Попробуй варенье.

— Напробовался. А ты такая же красивая, как тогда...

— В любви объясняешься?

— Да, Вшивая Кочка.

— Сдурел, старый ловелас. Скоро семьдесят, а всё туда же.

Самовар довольно зашумел, начал снова посвистывать.

— Только ты не умирай раньше меня.

— Не надейся, — дрожащим голосом проговорила Анна. Вдруг она сняла очки и рассмеялась не своим голосом. А принадлежал он той девушке, которая носила пуховую шаль, коричневые ботинки и красное пальто. Василий завертел головой, пытаясь понять, куда делась седоголовая женщина. Ведь только что была за столом. Разрезала пи-

рог с селёдкой. Рядом сидела девушка с васильковыми глазами и смотрела на него.

— Когда ты успел плешину заретушировать? Покра-
сился, старый пенёк. ...Я — ничего. Подтяжек не делаю.
Денег у тебя вечно нет.

Базаркин провёл рукой по своей голове. Чуть не
вскрикнул. Густая шевелюра ощущалась под пальцами. Он
опустил руку, посмотрел на кисть и поразился. Не его ру-
ка. Вскочил резво со стула. Так уже было.

...Она пришла за докладом какого-то съезда. Тогда
впервые поцеловались. Самовар был свидетелем, как она
закрывает глаза, как её руки легли ему на плечи.

— Ты какая-то не такая...

— И тебя не узнать. Кто ж нам станет теперь пенсию
платить? А работу теперь не найдем. В школе сокращения.
Как жить?

— Не плачь. Как-нибудь выкрутимся. Придёт поч-
тальонка, скажем, что бабушка уехала с дедом помогать
внукам.

...Проснулся дед Васька. Сидит в сарае на старом те-
левизоре перед грудой журналов и газет. Вот оно что —
задремал. Старость — не в радость. Почистил самоварные
бока и поплелся к себе на второй этаж. Вошел тихо, но
Анна услышала.

— Давай свой ультиматум, некогда мне, пойду пес-
карей ловить.

— А помнишь, как познакомились? Самовар помог.
Я тогда в библиотеке начинала работать, а ты приходил и
молчал.

— А не ты к нам прибегала, когда в школе не училась?

— Нет. Не я, — рассмеялась она. Василий обнял её сухонькое тельце и поцеловал в синюшные старческие губы.

— Ты это что, старый дурень? Рехнулся на старости лет.

— Только ты живи дольше меня, Вшивая Кочка. Не хочу видеть тебя в ящичке. Ты всё еще такая красивая, что и слов нет.

— Сморщенная, как прошлогодний огурец. Нашел красавицу. Отвяжись.

КОНКУРС

Уважаемая незнакомая читательница и внимательный читатель!

Вы можете поучаствовать в конкурсе на лучшее моё издание из тех, что Вам предложило издательство «БПП». Проголосовать за понравившуюся книгу, оформление - просто: посылаете на номер телефона, сумму, эквивалентную Вашим эмоциям, которые Вы получили.

8 906 968 97 76

С уважением – Ваш современник. Это. Пока.

СОДЕРЖАНИЕ

Проходня	5
«Серая шейка»	16
Самый лучший праздник....	29
Святое желание	39
В осенний день	70
Клубок	83
Не может быть	129
Медовый месяц	161
Последний пожар	168
Самоварная история	195